

DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR

NUMBER EIGHTH

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

Составитель Л. Алексеева

KHRONIKA PRESS, 1984

DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR

NUMBER EIGHTH

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

Составитель Л. Алексеева

KHRONIKA PRESS, 1984

**DOCUMENTS
OF THE HELSINKI WATCH GROUP IN THE USSR**

NUMBER EIGHTH

Copyright 1984 by Khronika Press

Published by Khronika Press
Benson, Vermont 05731

Manufactured in the U.S.A.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Документ № 127. Суд над Мальвой Ланда	5
Документ № 128. Обыски у членов неофициальных групп и ассоциаций	7
Документ № 129. Арест Леонарда Терновского	10
Документ № 130. Арест Александра Лавута	12
Документ № 131. О нарушении права на защиту по делам узников совести	14
Документ № 132. О повторных арестах и осуждениях правозащитников, отбывающих или отбывших наказание	19
Документ № 133. Арест Татьяны Осиповой	23
Документ № 134. О преследованиях членов Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР	25
Документ № 135. Об объявлении властями Московской Хельсинкской группы враждебной группировкой	27
Документ № 136. Арест Александра Подрабиника	28
Документ № 137. Суд над Виктором Некипеловым	29
Документ № 138. О работе МХГ и Мадридском совещании...	32
Документ № 139. О кассационном суде над Виктором Некипеловым	35
Документ № 140. Суды над Татьяной Великановой и священником Глебом Якуниным	36
Документ № 141. О суде над Александром Огородниковым.	39
Документ № 142. О повторном осуждении Размика Маркосяна	40
Документ № 143. Суд над Иосифом Дядькиным и Сергеем Горбачевым	42
Документ № 144. Суд над Вячеславом Бахминым	45
Документ № 145. Суд над Валерием Абрамкиным	49
Документ № 146. 30 октября — День политзаключенных СССР	51
Документ № 147. Суд над Юрием Гриммом	53
Документ № 148. Новое осуждение угрожает Паруйру Айрикяну	56
Документ № 149. Репрессии против евреев-отказников в Киеве	59
Документ № 150. Осуждение Вазифа Мейланова	66
Документ № 151. Разгон мирной демонстрации 10 декабря на площади Пушкина в Москве	67
Документ № 152. Суд над Александром Лавутом	70
Документ № 153. Суд над Леонардом Терновским	74
Документ № 154. Арест последнего члена Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в полити- ческих целях Феликса Сереброва	76
Документ № 155. Повторное осуждение братьев Александра и Кирилла Подрабинеков	79
Документ № 156. Арест Виктора Браиловского и разгон научного семинара отказников	83
Документ № 157. Дело Оксаны Яковлевны Мешко	84
Документ № 158. О женщинах — узницах совести	86

Документ № 159. Преследования семьи Евсюковых	88
Документ № 160. Арест Анатолия Марченко	91
Документ № 161. Осуждена Татьяна Осипова	94
Документ № 162. Арест Анатолия Корягина	96
Документ № 163. На Украине арестован Иван Кандыба	98
Документ № 164. Суд над Генрихом Алтуняном	100
Документ № 165. Арест Михаила Зотова	102
Документ № 166. Заключение Александра Болонкина становится бессрочным	104
Документ № 168. Новые преследования Кирилла Подрабиника в местах лишения свободы	106
Документ № 169. Жизнь заключенных Юрия Федорова и Алексея Мурженко в опасности	107
Документ № 170. Суд над Виктором Браиловским	109
Документ № 171. Новые преследования граждан немецкой национальности, желающих выехать из СССР	112
Документ № 172. Арест и осуждение Владимира Кислика	113
Документ № 173. Преследования евреев-отказников продолжаются	115
Документ № 174. Арест и осуждение Алексея Мясникова	117
Документ № 175. Суд над Ириной Гривниной	120
Документ № 176. Осуждение последнего члена Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Феликса Сереброва	123
Документ № 177. Суд над Михаилом Зотовым	124
Документ № 178. Суд над Анатолием Корягиным	126
Документ № 179. Преследования семьи Рауш	130
Документ № 180. Арест и осуждение Станислава Зубко	131
Документ № 181. Арест члена Московской Группы "Хель- синки" Ивана Ковалева	133
Документ № 182. Репрессии против желающих выехать из СССР	135
Документ № 183. Суд над Анатолием Марченко	138
Документ № 184. 40-я годовщина массовых расстрелов евреев в Бабьем Яре	143
Документ № 185. 30 октября – День политзаключенных в СССР	145
Документ № 187. Арест и осуждение Александра Магидовича	147
Документ № 188. Традиционная демонстрация 10 декабря на площади Пушкина	149
Документ № 189. Суд над Борисом Чернобыльским	151
Документ № 190. О положении Русского Общественного Фонда помощи политзаключенным и их семьям	153
Документ № 191. Пять лет со дня ареста Юрия Орлова	154
Документ № 192. Преследования граждан, желающих выехать из СССР, продолжают	155
Документ № 193. Новые репрессии против семьи Подрабиников	158
Документ № 194. Осуждение члена МХГ Ивана Ковалева	159
Документ № 195. О прекращении работы МХГ	162

СУД НАД МАЛЬВОЙ ЛАНДА

26 марта 1980 г. Владимирский областной суд рассмотрел дело по обвинению Мальвы Ланда по ст. 190-1 УК РСФСР (см. документ № 124).

Суд состоялся в г. Владимире в клубе школы МВД и закончился в течение одного дня. Обвинителем выступал прокурор Образцов. Дело слушалось без участия защиты, т.к. родственники и друзья М.Ланда были лишены возможности пригласить адвоката из Москвы, а от назначенного адвоката М.Ланда отказалась.

Как это уже стало обычным по делам правозащитников, несмотря на формально открытое судебное заседание, никто из друзей Мальвы, приехавших во Владимир, в зал суда допущен не был. Е.Г.Боннер в этот день не разрешено было выехать из Горького. Не пустили никого из местных жителей, пытавшихся попасть на суд. Предлог все тот же: "в зале судебного заседания нет свободных мест". Дорогу к зданию и вход в него перекрывал кордон милиции и сотрудников в штатском. Дело слушалось в небольшой комнате, которую заранее заполнили 30–40 человек "в штатском". Таким образом, подлинная гласность процесса была вновь нарушена. Сын Мальвы Ланда был вызван в качестве свидетеля (хотя по делу он ничего не знает) и допрошен последним из свидетелей, в силу чего он также не мог присутствовать в зале суда во время первой части судебного разбирательства.

Мальва Ланда виновной себя не признала, утверждая, что ни в одном из инкриминированных ей документов не содержится заведомо ложных клеветнических измышлений. Все ходатайства подсудимой, направленные на установление правдивости и полного соответствия действительности сообщаемой в инкриминируемых документах информации, — судом были отклонены.

Приговором суда Мальва Ланда признана виновной по ст. 190–1 УК РСФСР и осуждена к ссылке сроком на 5 лет. По приговору Мальва Ланда останется под стражей до момента доставки ее к месту отбывания наказания.

Любой обвинительный приговор по делу Мальвы Ланда является неправильным и незаконным, т.к. никакого преступления она не совершала и ее осуждение является еще одним случаем репрессии за свободное слово, за правозащитную деятельность в рамках закона, за помощь преследуемым и гонимым.

Нельзя не протестовать и против суровости избранной судом меры наказания. Для женщины 62-х лет ссылка — в тех суровых условиях — климатических и бытовых — в которых отбывают ссылку политзаключенные (см. документ № 116) наказание порой непосильное.

Но в данном случае это наказание и незаконное. Ст. 190–1 УК РСФСР ссылки не предусматривает. Наказание по этой статье предусматривается в трех видах: лишение свободы сроком до трех лет, исправительные работы (без содержания под стражей) сроком до одного года или штраф до 100. Применяя ссылку под видом "туманного" смягчения приговора, власти на самом деле стремились на пять лет парализовать общественную деятельность Мальвы Ланда.

Осуждение Мальвы Ланда — очередное нарушение прав человека в СССР и требование ее освобождения — долг всех честных людей, независимо от их политических убеждений.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Иван Ковалев, Татьяна Осипова, Леонард Терновский, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев

28 марта 1980 г.

ОБЫСКИ У ЧЛЕНОВ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И АССОЦИАЦИЙ

Несколько месяцев назад власти начали активную кампанию по подавлению правозащитного движения. Проводятся многочисленные обыски, аресты, "беседы" и предупреждения. Однако, несмотря на резко усилившееся давление, неофициальные правозащитные ассоциации продолжают существовать и работать. Стремясь воспрепятствовать работе этих ассоциаций, власти проводят обыски у их членов и изымают собранную ими информацию и архивы.

Последняя серия таких обысков в семи квартирах была проведена прокуратурой в Москве 10 апреля. Эти меры были направлены против Московской группы "Хельсинки", Рабочей Комиссии по психиатрии, а также против неофициального научного Семинара и редакции неподцензурного журнала "Евреи в СССР".

Обыски проводились по постановлению ст. следователя Пономарева. Три обыска было проведено по делу № 49609/ 14-80: на квартире члена Рабочей Комиссии и группы "Хельсинки" Феликса Сереброва, на квартире членов московской группы "Хельсинки" Татьяны Осиповой и Ивана Ковалева. Можно предполагать, что обыск на квартире арестованного в этот день (см. об этом подробно док. № 129) члена Рабочей Комиссии, группы "Хельсинки" и Комитета защиты Великановой Леонарда Терновского проводился по этому же делу (в протоколе обыска вместо номера у него стоит прочерк).

Следует отметить, что за истекшие полгода перечисленные лица обыскиваются уже по второму разу.

Обыск у Сереброва проводил следователь Крылов. Изымались документы и материалы Рабочей Комиссии, письма (среди них — большое число писем его жены к нему в лагерь, прошедшие лагерную цензуру) и почтовые квитанции, чистая бумага и фотографии друзей, сберегательные книжки (на сумму более 300 руб.) и облигации денежного займа (на 150 руб.). Самого Сереброва подвергли "личному" обыску. После обыска Сереброва увезли на допрос к Пономареву, но допрос был отложен ввиду усталости Сереброва.

Обыск у Гривниной проводила советник юстиции Гневковская. Изъяты тираж последнего, 21, выпуска Информационного бюллетеня Рабочей Комиссии, несколько предыдущих выпусков Бюллетеня, ксерокопии вырезок из западных газет, в основном о психиатрии, большое число "Хроник" на английском языке, несколько информационных бюллетеней, выпускаемых Кронидом Любарским, несколько книг западных издательств, различные издания "Международной Амнистии", письма и почтовые квитанции, много рукописных материалов. Кроме того изъяли две книги советских издательств — справочник по нейрорептикам и "Исполнение наказания в виде лишения свободы", — машинку и несколько западных газет.

После обыска Гривнина была увезена в прокуратуру на допрос. Следователь по делу Бахмина Пономарев допросил Гривнину о ее знакомстве с Бахминым и о его деятельности в Рабочей Комиссии. Все вопросы о Бахмине в связи с расследованием дела о "клевете" Гривнина отвела как не могущие иметь отношения к такому делу.

Обыск на квартире Осиповой и Ковалева проводил Пономарев. В этом обыске, также как и в предыдущем – 11 октября 1979 г. (см. док. № 104) участвовал предъявивший удостоверение капитана милиции Ю. С. Захаров; один из понятых также участвовал в предыдущем обыске. Сам обыск проходил необычайно "мягко": не изымались копии личных писем, некоторых заявлений Ковалева, из большого количества фотографий изъято только три фотографии Бахмина, разрешалось делать необходимые выписки из записной книжки (даже заграничные адреса), все изымаемые бумаги предъявлялись и можно было составить собственную опись изъятого. Однако официальный протокол велся крайне непоследовательно, большинство записей описывало изымаемые материалы по первым и последним словам и количеству листов в пачке, например, из одного ящика стола изъято 505 машинописных листов, из других ящиков – 3610 и т. д.

Изъятые материалы относились практически ко всем областям правозащитного движения: документы Московской, Украинской, Литовской Хельсинкских групп (Московской – несколько почти полных подборок), материалы Литовского католического комитета и Христианского комитета защиты прав верующих, Инициативной группы инвалидов и Рабочей Комиссии по психиатрии, материалов баптистов, адвентистов, пятидесятников, письма и заявления, приговоры и описания судов, материалы и бюллетени Комитета защиты Великановой, большое количество рукописного и машинописного материала информационного характера.

Кроме того изъято небольшое количество книг западных издательств и два негодцензурных самиздатских журнала – 7-й номер журнала "Поиски" и 2-й журнала "Поединок".

В тот же день были проведены еще три обыска у членов редакции самиздатского журнала "Евреи в СССР" – физика Ю. Гольфанда, математика В. Браиловского и сотрудника журнала "Химия и жизнь" Г. М. Файбусовича.

Обыском у Файбусовича руководил ст. следователь Московской прокуратуры В. С. Князев. Среди изъятого – рукопись подготовленного к публикации романа, над которым Файбусович работал несколько лет, ряд книг зарубежных издательств по теологии и философии, черновые записи, личная переписка.

Можно предполагать, что обыски у Гольфанда и Браиловского были связаны в основном с предстоящим 13 апреля IV Международным

Симпозиумом работающего уже несколько лет неофициального Московского научного Семинара по Коллективным явлениям, состоящего в основном из ученых – "отказников", так как главная направленность обысков у обоих ученых состояла в изъятии их научных статей и черновиков. У Гольфанда изъяти также научную работу Орлова, которую предполагалось прочесть на семинаре (за попытку передать эту статью из лагеря на волю Орлов был наказан шестью месяцами ПКТ).

Кроме этого у Гольфанда изъяти один номер иностранного физического журнала, а также один из номеров журнала "Евреи в СССР", словарь иврита, несколько книг на английском языке, личную переписку.

Браиловский после обыска был арестован. Его отвезли в КПЗ и предъявили обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР ("клевета" на советский строй), допросили. Однако через несколько часов ему неожиданно объявили, что теперь он является не обвиняемым, а подозреваемым и ему изменяется мера пресечения – с ареста на подписку о невыезде.

* * *

Обыски, ставшие в последнее время систематическими, свидетельствуют о том, что власти стремятся прекратить работу неофициальных групп и ассоциаций не только посредством арестов их членов, но и посредством регулярного изъятия как готовых документов, так и исходного материала, на основании которого эти документы составляются.

Такое открытое и все усиливающееся нарушение права на свободу получения и распространения информации ясно свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен выполнять взятые на себя международные обязательства в области прав человека.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова,
Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев*

11 апреля 1980 г.

АРЕСТ ЛЕОНАРДА ТЕРНОВСКОГО

10/IV- 80 г. прокуратурой г. Москвы был произведен ряд обысков у московских правозащитников (см. документ № 128 от 11/IV - 80 г.), в том числе и у Леонарда Терновского, которого после обыска увезли "на допрос" без ордера на арест. Но домой он уже не вернулся и только на другое утро жене и друзьям Терновского с трудом удалось узнать, что он арестован и помещен в Бутырскую тюрьму.

Леонард Терновский, врач-рентгенолог, 47-ми лет, был активным и деятельным участником правозащитного движения на протяжении многих лет.

В 1978 г. после ареста Александра Подрабиника он вошел в состав Рабочей комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях и вел большую работу по сбору и преданию гласности случаев необоснованных психиатрических репрессий и по оказанию помощи узникам психбольниц и их семьям.

В ноябре 1979 г. Терновский вошел в состав Комитета Защиты Татьяны Великановой, арестованной 1/XI - 1979 г.

В марте 1980 г. после ареста Мальвы Ланда, Леонард Терновский вступил в Московскую Группу "Хельсинки", в работе которой он и ранее принимал активное участие.

В последние годы Терновский подвергался неоднократным обыскам, вызовам на "беседы" в милицию и в КГБ, где его пытались склонить к "раскаянию" и к отказу от "антиобщественной деятельности".

Мы еще не знаем какое именно обвинение будет предъявлено Терновскому, но есть основания считать, что он будет обвинен в изготовлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190-1 УК РСФСР).

Врач по профессии, гуманист по характеру, человек большой доброты и чуткой совести, принципиальный противник всякого насилия, всегда действовал открыто и не нарушал законов.

Человек правдивый, мужественный и бескорыстный, Леонард Терновский не способен на клевету, на ложь. Он не совершил никакого преступления и его арест является очередной попыткой подавить правозащитное движение, подавить свободную мысль и слово, прекратить сбор и предание гласности информации о нарушении основных прав человека в нашей стране.

Мы протестуем против ареста Леонарда Терновского и призываем всех поборников прав человека присоединиться к нашему протесту.

К настоящему документу прилагаются копии открытого письма жены Леонарда Терновского прокурору г. Москвы и протокола обыска от 10/IV - 80 г.

Члены Московской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова,
Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев*

12 апреля 1980 г.

АРЕСТ АЛЕКСАНДРА ЛАВУТА

29 апреля в 1980 г. в Москве — новый арест одного из ведущих правозащитников, уже 13-й за последние полгода.

Арестован Александр Лавут, математик-программист, 50-ти лет, работавший до момента ареста по специальности в Центральной Геофизической Экспедиции, имеющий семью (жена, дочь, зять, три внуки).

До ареста в квартире Лавута был произведен обыск, после которого Лавут был увезен в помещение Москворецкой районной прокуратуры для допроса. Когда его выводили из прокуратуры он успел сказать находившейся в коридоре жене, что ему предъявлен ордер на арест по ст. 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) и, что его отправляют в Бутырскую тюрьму.

В тот же день были произведены обыски у знакомых Лавута: Натальи Кравченко (физик, 32-х лет, имеет тяжело больную 9-тимесячную дочь), Владимира Тольца (историк, 36 лет, инвалид-пенсионер) и в квартире близких друзей Лавута, фамилия которых здесь не упоминается по их просьбе.

В момент обыска в квартире Лавута находился Владимир Тюлков, который также был обыскан и у него изъяли машинописный экземпляр "Хроники" № 54 и ксерокс статьи Чалидзе "Хомейнизм или национал-коммунизм".

И так Александр Лавут стал 13-тым московским правозащитником арестованным за последние полгода, (Татьяна Великанова, о. Глеб Якунин, о. Дмитрий Дудко, Лев Регельсон, Виктор Капитанчук, Виктор Некипелов, Мальва Ланда, Валерий Абрамкин, Юрий Гримм, Виктор Сокирко, Вячеслав Бахмин, Леонард Терновский).

С 1968 года Александр Лавут активно участвовал в правозащитном движении. В 1969 г. он вместе со своими близкими друзьями Татьяной Великановой, Сергеем Ковалевым и другими вошел в Инициативную группу защиты прав человека (эта группа в настоящее время полностью разгромлена, т.к. в пределах СССР не осталось на свободе ни одного из ее членов).

На протяжении более десяти лет Александр Лавут, человек скромный, мужественный, добрый и бескорыстный, все свое свободное время посвящал сбору, обработке и преданию гласности информации о нарушении прав человека в СССР. Он участвовал в составлении и подписании большого числа правозащитных документов. Противник всяких насильственных методов — он действовал только свободным открытым словом. Честный и чуткий к правде, добрый и отзывчивый к людскому горю, он органически неспособен к лжи и клевете. Александр

Лавут не только собирал, фиксировал и предавал гласности случаи нарушений прав человека. Он всегда стремился помочь людям. Его хорошо знают Крымские татары, узники совести в тюрьмах и психбольницах и их семьи.

Не входя формально в состав Московской группы "Хельсинки", Александр Лавут активно участвовал в ее работе.

На протяжении ряда последних лет, Лавут подвергался преследованиям за свою правозащитную деятельность.

Еще в 1969 году его вынудили уйти с работы в Московском Университете. 10/XII- 1979 г. (в день мирной демонстрации на площади Пушкина) Лавут был задержан, насильственно посажен в автомашину и его более часа возили по городу, останавливаясь у стен Бутырской и Лефортовской тюрем, после чего освободили. 6/II - 80 г. с женой Лавута беседовали на работе сотрудники КГБ, где ей предлагали повлиять на мужа, чтобы он прекратил свою "антиобщественную деятельность". 12/II- 80 г. на квартире Лавута прокуратурой был произведен обыск. Еще 31/I- 80 г. в квартире Лавутов отключили телефон. Начиная с ноября 1979 г. Лавут подвергался почти непрерывно негласной слежке.

Причины преследований и последовавшего за тем ареста лучше всего выразил сам Лавут написавший на протоколе обыска:

"... я заявляю протест против самого факта обыска по уголовному делу № 46616. Хотя содержание дела следователь не сообщил, очевидно, что оно ведется против распространения информации о нарушении прав человека в СССР, против защиты этих прав. Изъятые у меня сегодня материалы – правдивое отражение нарушений прав человека, не содержащее клеветы и "измышлений" – лучшее тому подтверждение. Я протестую также против сокрытия от меня того обстоятельства, что дело № 46616, это дело А. Лавута".

Есть все основания утверждать, что подобно Сергею Ковалеву и Татьяне Великановой, Александр Лавут арестован за свободное слово, за сбор и предание гласности правдивой информации.

Этот арест является очередной репрессией, предпринимаемой в целях полного подавления всякого свободомыслия, всякой свободы слова, всяких способов свободного сбора информации и предания этой информации широкой гласности.

Поэтому мы считаем арест Александра Лавута незаконным, произведенным в нарушение норм советской конституции, в нарушение международных пактов, ратифицированных правительством СССР, в нарушение Акта Хельсинкского совещания.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев

5 мая 1980 г.

О НАРУШЕНИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПО ДЕЛАМ УЗНИКОВ СОВЕСТИ

Ст. 158 Конституции СССР декларирует право обвиняемых на защиту. Одним из важнейших элементов права на защиту является право иметь защитника (адвоката) в предварительном следствии и в судебном процессе.

Ст. 48 УПК РСФСР (и соответствующие статьи УК других республик) конкретизирует, — не вообще защитника, а *избранного* обвиняемым или другими лицами, по поручению обвиняемого, защитника.

Не имея возможности в настоящем документе затронуть все вопросы, связанные с фактическим нарушением права на защиту по всем уголовным делам, — мы утверждаем, что права обвиняемых и подсудимых, которым инкриминируются *политические* преступления, систематически и грубо нарушаются.

В СССР нет свободной корпорации адвокатов. Частная практика адвоката категорически запрещена. Адвокатура находится в двойном подчинении: местным советам и органам Министерства Юстиции.

Такое подчинение приводит к тому, что защитник, обязанный по закону "использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность", — фактически находится

в непосредственной зависимости от органов местной власти или от в непосредственной зависимости от органов местной власти или от органов Министерства Юстиции.

Несмотря на то, что в законе нет никаких ограничений в приеме адвокатом уголовных дел любой категории, — в практике (или неопубликованными нормативами?) прочно установилась система так называемых "допусков", которые ограничивают выбор защитника по всем делам, следствие по которым ведет КГБ, а также по делам, расследуемым прокуратурой по ст. 191-1 (и соответствующим статьям УК других республик, т.е. по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) .

Порядок оформления этих "допусков" строго засекречен. Известно лишь (из практики), что списки на "допуск" составляются Президиумами Областных (краевых, городских) Коллегий адвокатов и утверждаются "соответствующими органами" (по всей вероятности — КГБ). Количество адвокатов, имеющих "допуск" очень ограничено. Так, например, в Московской Городской Коллегии Адвокатов из более чем 900 адвокатов, только 100 имеют "допуск".

В конце 60-х — начале 70-х годов еще можно было найти адвоката в Москве для защиты по политическим делам. Сейчас это становится практически невозможным.

В провинции, где зависимость местных

В провинции, где зависимость местных адвокатов от местных органов власти особенно велика, и раньше политзаключенные стремились пригласить московских адвокатов, как менее уязвимых и более смелых. Однако уже в течение нескольких лет действует неписанное правило, по которому московским адвокатам *не разрешают* выезд на иногородние дела по ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР (и по соответствующим статьям УК других республик) . Это явно незаконное "правило", т.к. закон не ограничивает деятельность адвокатов территориальным положением той или иной коллегии.

Обвиняемых в грабежах, хищениях, изнасилованиях, убийствах любой московский адвокат может защищать в любом суде страны. Но как только речь идет о ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР — Президиум Коллегии адвокатов заявляет: все московские адвокаты заняты и никого в другой город не пустим.

Особенно ярко это видно из попытки жены и друзей пригласить московского адвоката во Владимир по делу Некипелова (см. прилагаемую копию заявления Феликса Сереброва, Марии Петренко-Подъяпольской, Софьи Каллистратовой по этому вопросу, а также копию открытого письма Министру Юстиции СССР).

По делу Некипелова его жена и сын обращались к 30-ти адвокатам в Москве и только один из них согласился принять дело. Однако, Президиум Московской городской Коллегии адвокатов, категорически отказал в оформлении командировки во Владимир. Президиум Владимирской Коллегии Адвокатов "выделил" (читай: назначил) адвоката Сморчкова. Этот адвокат, еще не знакомясь с делом, говорил жене Некипелова, что он не сможет защищать Некипелова, если тот не признает себя виновным, т. к. позиция адвоката может совпасть с мнением прокурора. После свидания адвоката Сморчкова с Некипеловым (в присутствии следователя) Некипелов вынужден был отказаться от услуг такого "защитника".

Такое явление уже становится "обычным". Добровольно принимать дело адвокаты отказываются, а от назначенных адвокатов отказываются сами обвиняемые, которым не нужен в процессе второй, хотя и более мягкий, но все же — прокурор.

Известны случаи, когда защищая человека не признающего себя виновным, адвокаты соглашались с позицией обвинения и просили лишь о смягчении наказания (например, дело Олексы Тихого в Донецком областном суде в 1977 году) .

Так обстоит дело с "правом на защиту" в провинции. Но и в Москве почти невозможно найти по "диссидентскому делу" адвоката, который *добровольно* , без указания "свыше" согласился бы принять на себя защиту.

Вот далеко не полный список московских адвокатов за последнее время под разными предлогами отказавшихся от принятия защиты по ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР : Штейн М. А., Ефимов Ю. А., Заславский В. А., Эмойро Б. Е., Коган Э. М., Поздеев Ю. Б., Резникова Е. А., Ромм В. Б., Самсонов В. А., Прокофьев Г. В., Седова-Шмелева Л. М., Шальман Е. С. и многие другие.

Некоторые адвокаты ссылаются на занятость (даже не поинтересовавшись , *когда* будет рассматриваться дело), другие отвечают, что у них нет "допуска", но есть и такие, кто заявляет: " я *таких* дел не веду и прошу ко мне с *такими* делами не обращаться!". Нак энец, находятся и "смелые" люди среди адвокатов, которые доверительно говорят клиентам, что помочь они все равно ничем не смогут, а неприятностей не избежишь. Фамилий этих "смельчаков", разумеется, мы не называем, чтобы они не поплатились за свою "смелость".

На сегодняшний день в Москве содержится под стражей 11 человек, обвиняемых по ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР: Т. Великанова, о. Глеб Якунин, В. Абрамкин, В. Бахмин, о. Дмитрий Дудко, Л. Регельсон, В. Капитанчук, Ю. Гримм, В. Сокирко, Л. Терновский, А. Лавут.

Предстоят суды. Но нет адвокатов, которые охотно примут на себя защиту этих "преступников", повинных только в том, что открыто и честно говорили о своих взглядах, собирали и предавали гласности правдивую информацию о нарушении прав человека, протестовали против беззакония и произвола, помогали семьям узников совести. Нет адвокатов, которые могли бы смело и открыто, не взирая на "власти предержащие" в соответствии с законом и правилами адвокатской этики *защищать* этих людей.

Почему же происходит так, что избранные обвиняемыми адвокаты отказываются от принятия на себя защиты? У нас нет достоверных данных о том, что кто-то прямо запугивает защитников и препятствует принятию поручений. Но вокруг так называемых "диссидентских дел" создана такая атмосфера, в которой осуществление *действительной и действенной защиты* невозможно.

Это началось уже давно. Еще в процессе Синявского и Даниэля адвокаты Киссенишский М. М. и Коган Э. М. не решились в своих защитительных речах произнести слова: "прошу оправдать".

В 196... году из Московской Коллегии Адвокатов был исключен один из лучших адвокатов Б. А. Золотухин за слишком смелую защиту Александра Гинзбурга. В начале 70-х годов было полностью запрещено принимать "такие" дела адвокатам Каллистратовой С. В. , Каминской Д. И., Поздееву Ю. Б.

Не находилось полноценных защитников для Ковалева, Щаранского и многих других. Они отказывались от назначенных адвокатов и вынуждены были защищаться сами.

Ю. Орлов и А. Гинзбург в 1978 году получили большую юридическую помощь от адвокатов Шальмана и Резниковой в процессе ознакомления с делом и в судебном следствии, но вынуждены были отказаться от защитительных речей адвокатов и произносили защитительные речи сами, т. к. понимали, что ни один *советский* адвокат не имеет возможности полноценно осуществлять их защиту.

Отсутствие полной и действительной гласности процессов по политическим делам (а гласность в таких случаях защищает не только подсудимых, но и адвокатов!), предопределенность приговоров, опасность тесного общения с подсудимыми, их родственниками и друзьями — все это приводит к тому, что адвокаты не хотят "связываться" с "такими" делами. Один из лучших адвокатов Москвы (фамилию его, разумеется, мы назвать не можем), сказал: " я лишен возможности осуществлять полноценную защиту подсудимого по ст. 70 УК РСФСР, а быть в процессе "ширмой", прикрывающей произвол и беззаконие — не могу и не хочу".

Вот причины, по которым родственники обвиняемых по ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР мечутся по юридическим консультациям и не могут найти защитника для своих близких.

Сейчас многие уже осужденные и отбывающие наказания узники совести просят найти им адвокатов для оказания юридической помощи в лагерях и тюрьмах в порядке ст. 27 Испр.-труд. Кодекса РСФСР (в частности: Юрий Федоров, отбывающий 15-тилетний срок лишения свободы в Пермском лагере особого режима и Менделевич, отбывающий 13-тилетний срок в Чистопольской тюрьме). Но после того, как в 1979 г. адвокаты Резникова и Шальман были подвергнуты попыткам личного обыска перед свиданиями со своими подзащитными Ю. Орловым и С. Ковалевым, — ни один адвокат *не хочет принять такого поручения* и осужденные не могут осуществить своего права на защиту.

Многие правозащитники просили о приглашении для их защиты в суде *иностранных* адвокатов (Щаранский, Гинзбург, Орлов, Ланда и др.). Эти просьбы не противоречат закону , т. к. согласно ст. 47 УПК РСФСР (и соответствующих статей УК других республик) суд может допустить к участию в деле в качестве защитника любое лицо. Но ни разу такие ходатайства судами удовлетворены не были, а иностранные адвокаты, принявшие на себя защиту, не получали въездных виз в СССР для участия в делах своих подзащитных.

Таким образом, грубо нарушается декларированное Конституцией СССР право на судебную защиту в отношении лиц, обвиняемых по

политическим делам. С этим нарушением примириться невозможно.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Феликс Серебров

5 мая 1980 г.

О ПОВТОРНЫХ АРЕСТАХ И ОСУЖДЕНИЯХ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ ОТБЫВАЮЩИХ ИЛИ ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ

Широко известно, что правозащитники, осуждаемые за, так называемую, "антисоветскую агитацию и пропаганду" и за "распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" (ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР и соответствующие им статьи УК других союзных республик), получают суровые наказания, как правило достигающие максимального срока лишения свободы и ссылки, предусмотренные соответствующими статьями. Обычно полный срок наказания по ст. 70 (с учетом лагерного заключения и ссылки) длится 10 – 12 лет.

Люди "виновные" лишь в инакомыслии, в критике существующих пороков строя, в собирании и распространении правдивой информации о нарушениях прав человека, в использовании декларированных свобод мысли, слова и совести, за помощь политзаключенным и их семьям – долгие годы томятся в заключении и в ссылках, изолированные от общества, от своих родных и близких, от друзей.

Однако и эти сроки кажутся недостаточными репрессивным органам. Незадолго до окончания назначенного приговором срока наказания возбуждаются новые "дела" и, не выходя на свободу, люди получают новые длительные сроки наказания. Или недавно освобожденного по отбытию срока человека – арестовывают вновь.

В последние годы случаи таких повторных арестов неоднократно, а в 1980 г. превращаются в систему.

В 1976 г. в Омске был повторно осужден, отбывающий лишение свободы Мустафа Джемилев, подвергнутый аресту буквально накануне дня освобождения (см. наши документы в № 1).

В апреле 1978 г. был арестован и впоследствии осужден по искусственно созданному обвинению в хищении, находившийся в ссылке в Бурятской АССР известный ученый-математик Александр Болонкин (см. наши документы № №), который сейчас отбывает новый срок наказания в чрезвычайно тяжелых условиях, подвергаясь преследованиям, в лагере общего режима.

2 марта 1980 г. заканчивался 3-х летний срок пребывания в лагере общего режима, осужденного в 1977 г. в г. Одессе искусствоведа Барладяну Василия. Однако, на свободу он не вышел. Как удалось выяснить, он из лагеря был переведен в следственный изолятор, т. к. против него возбуждено новое дело. По еще непроверенным сведениям, Барладяну вновь предъявлено обвинение "в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих гос. и общественный строй" за

то, что он проводил с группой заключенных беседы по искусству ("культурный семинар"). Известно, что были проведены обыски у заключенных, у некоторых были изъяты конспекты бесед Барладяну. Проведены 3 обыска по делу Барладяну у его знакомых в Одессе.

В июне 1980 г. заканчивается срок 2-х летней ссылки Размика Маркосяна, которую он отбывал после 4-х лет заключения в лагере строгого режима за "антисоветскую агитацию и пропаганду". За один месяц до окончания срока ссылки в Целиноградской области Маркосян вновь арестован и содержится в Следственной тюрьме г. Целинограда. Обстоятельства ареста нам пока не известны.

Журналист Вячеслав Черновол, осужденный во Львове в 1972 году за участие в издании самиздатского журнала "Украинский Вестник" по ст. 62 УК Укр.ССР (ст. 70 УК РСФСР), отбыл 6 лет заключения в лагере и отбывал ссылку (3 года) в Якутии. В мае 1978 Черновол вступил в Украинскую Группу "Хельсинки". В августе 1980 г. должен был заканчиваться срок ссылки. 9 апреля 1980 г. Черновол арестован в г. Мирном. Возбуждено, явно сфальсифицированное, дело по обвинению в покушении на изнасилование. Адвокат из г. Мирный отказался принять защиту, ссылаясь на "местные" трудности. Найти адвоката, согласившегося бы поехать в Якутию для ознакомления с делом в предварительном следствии — не удалось.

Вячеславу Черноволу грозит "новый" срок заключения до 5 лет.

Художник Роман Костерин, осужденный в 1978 г. в г. Советске по ст. 190-1 УК РСФСР к ссылке, при неизвестных обстоятельствах в марте 1980 г. оказался в заключении в лагере общего режима. Очевидно, он повторно осужден во время пребывания в ссылке.

Математик Марк Морозов, арестованный в ноябре 1978 г. и осужденный по ст. 70 УК РСФСР к ссылке на 5-ть лет, вновь арестован в Воркуте в марте 1980 г. Стало известным, что ему вновь предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР.

Один из лучших украинских поэтов, Василь Стус отбыл 5 лет заключения в лагере и 3 года ссылки по ст. 62 УК Укр.ССР (ст. 70 УК РСФСР), ссылку он отбывал на Колыме, в трудных условиях, работая на шахте. В августе 1979 г. он был освобожден по концу срока и вернулся в Киев к семье. Вскоре он вступил в Украинскую Группу "Хельсинки". 14 мая 1980 г. Стус вновь арестован по той же ст. 62 УК Укр. ССР. Теперь ему грозит до 10-ти лет лагеря особого режима с последующей ссылкой до 5-ти лет.

В начале 1980 г. приговорен к 5-ти годам заключения в Киеве за, якобы совершенную им, попытку изнасилования Микола Горбаль (арестован в 1979 г.), ранее отбывший наказание по ст. 62 УК Укр. ССР (ст. 70 УК РСФСР).

Арест Горбалья произведен вскоре после того, как он вступил в Украинскую Группу "Хельсинки". Микола Горбаль категорически отверг предъявленное ему обвинение, утверждая, что "дело" против него

искусственно спроващено и сфабриковано. (см. наш документ № ..).

Все упомянутые в настоящем документе правозащитники, кроме Горбалья и Стуса, которые арестованы вскоре после освобождения по отбытию наказания, арестовывались во время отбывания наказания (в большинстве случаев незадолго до срока освобождения). Возбуждение новых дел, фактически является незаконным продлением назначенных судом и отбытых сроков наказания. Это тревожное явление заставляет сомневаться в освобождении любого узника совести после окончания срока наказания.

В условиях лагеря и далекой ссылки властям гораздо проще сфабриковать любое политическое или "уголовное" дело. Гораздо труднее организовать защиту этих людей. Трудно, а иногда и невозможно получить и предать гласности обстоятельства возбуждения, расследования и рассмотрения этих дел. Практически, люди привлеченные во время отбывания наказания по "новым" делам остаются без защиты.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев

26 мая 1980 г.

Дополнение

Сейчас, когда этот документ уже написан, стало известно, что сегодня 27/V - 1980 г. женой Чорновила получена телеграмма о назначении суда над ее мужем в г. Мирном (Якутия) на 30/V - 1980 г. Такое скоропалительное назначение дела явно направлено на затруднение организации защиты. Возникает самое серьезное опасение, что Чорновил фактически будет лишен права на защиту в суде.

Софья Каллистратова

Чрезвычайно важно отметить то обстоятельство, что во во многих случаях повторных арестов, реальной их причиной являются не какие-либо новые "преступления", а лишь отсутствие раскаяния в своей прошлой деятельности.

Дополнение

11 июня арестован Василий Лисовой, отбывавший ссылку в Бурятии в поселке Заиграево после 7 лет заключения в лагере строгого режима. Лисовой был арестован в 1972 г. по ст. 62 УК Укр. ССР (ст. 70 УК РСФСР) и приговорен к семи годам лагеря и трем годам ссылки. Сейчас ему предъявлено обвинение в тунеядстве (ст. 209 УК РСФСР).

13 июня арестован находящийся в якутской ссылке Александр Подрабинек (см. док. № 136).

Прибывшей в начале мая в пятилетнюю ссылку в Казахстан Мальве Ланда уже угрожают возбуждением нового уголовного дела по ст. 88-1 УК РСФСР ("Недонесение о государственных преступлениях"). Узнав зимой 1979 г. о состоявшемся суде над Затикяном, Степаныном и Багдасаряном и о вынесении им смертных приговоров, Ланда провела большое ретроспективное исследование этого дела и опубликовала статью, в которой подвергла сомнению справедливость вынесенных им приговоров.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров,
Юрий Ярым-Агаев*

24 июня 1980 г.

АРЕСТ ТАТЬЯНЫ ОСИПОВОЙ

27 мая в Москве арестована член Московской Группы "Хельсинки", правозащитница Татьяна Осипова. Аресту предшествовал обыск в квартире Осиповой и ее мужа Ивана Ковалева. Постановление о производстве обыска подписано начальником Следственной группы КГБ СССР подполковником Чететкинм.

Ордера на арест предъявлено не было. После обыска Осипову увезли в Лефортовский Следственный изолятор КГБ для допроса. Уже в 10 час. вечера дежурный в Лефортово сообщил Ковалеву о том, что Осипова арестована.

Как сообщили Ковалеву 28/V - 1980 г., Осиповой предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР ("антисоветская агитация и пропаганда").

Татьяна Семеновна Осипова родилась 15/III - 1949 года. После окончания школы работала на фабрике в Коломне. Поступила на филологический факультет Орехово-Зуевского Педагогического института. В 1978 г. ушла с последнего курса института, отказавшись сдавать экзамен по научному коммунизму. В последнее время работала оператором ЭВМ в Центральной геофизической экспедиции в Москве.

Общественная деятельность Тани Осиповой началась в 1976 году с подписания ряда протестов против репрессий, применяемых в отношении инакомыслящих и правозащитников. В 1977 г. Осипова вступила в Московскую группу "Хельсинки" и вела активную работу в ее составе. Она отдавала все свое свободное время и свою энергию собиранию и проверке информации о нарушениях прав человека в нашей стране и участвовала в составлении более 100 документов группы.

Будучи убежденной, что объективная информация о состоянии прав человека не может быть внутренним делом какой-либо группы лиц или какого-либо государства, а должна быть известна всем, что не существует никаких законных преград для ее распространения, Татьяна Осипова доводила все известные ей факты до максимального круга людей, как в нашей стране, так и за ее пределами всеми доступными ей способами. Она немедленно сообщала корреспондентам радио и газет о незаконных арестах и обысках, распространяла международные документы о правах человека, ратифицированные Советским Союзом.

Десятки людей с разных концов страны приезжали к ней со своими бедами и нуждами и всегда находили внимание и поддержку.

Несмотря на постоянную занятость, Татьяна Осипова не ограничивала свою деятельность рамками "Хельсинкской" группы, она находила время и силы реагировать на все события, с которыми ей приходилось непосредственно сталкиваться. Сюда входили и бытовые проблемы отдельных людей и вопросы международной политики. В

написанном еще год назад совместно с А. Подрабинеким заявлении по поводу предстоявшей ратификации договора ОСВ-2, Татьяна Осипова высказывала серьезные опасения относительно экспансионистских целей Советского правительства, которые к сожалению подтвердились последовавшими событиями в Афганистане. Совместно с Виктором Некипеловым, Осипова является автором цикла публицистических статей "Опричнина".

Круг интересов Татьяны Осиповой широк и не ограничивается только социальными проблемами, однако она отчетливо сознает, что никакая полноценная деятельность невозможна в обществе, где отсутствуют гражданские свободы.

Общественная деятельность Татьяны Осиповой вызывала постоянные преследования со стороны властей. Ее несколько раз подвергали обыскам и задержаниям, в январе этого года она отбыла 25 суток под административным арестом, 21 сутки она держала голодовку протеста.

Теперь ей, совершенно невинному человеку, грозит жестокое наказание — многолетнее лагерное заключение.

Вся деятельность Татьяны Осиповой содействовала реальному осуществлению Хельсинкского соглашения в нашей стране, и ее арест является грубейшим нарушением этого соглашения.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров,
Юрий Ярым-Агаев*

28 мая 1980 г.

О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СССР

1 апреля 1980 года Валерию Фефелову, члену "Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР", было сделано официальное предупреждение на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года.

Валерий Фефелов — инвалид первой группы с семнадцати лет из-за травмы позвоночника, полученной на производстве, полностью лишен возможности самостоятельно передвигаться в связи с параличом нижних конечностей и всей нижней половины туловища. За несколько месяцев до предупреждения он был лишен водительских прав и теперь не может пользоваться имеющейся у него автомашиной.

Совместно с художником-дизайнером Юрием Киселевым он является одним из основателей Инициативной группы и в ее рамках пытается добиться создания легального общества инвалидов по типу существующего с начала века общества слепых или общества глухонемых. С этой целью опрошено путем рассылки анкет большое число людей. Группа выпускает также "Информационный бюллетень", вышло 8 номеров.

Однако такая деятельность вызвала раздражение властей, обрушивших на членов группы репрессии.

8 декабря 1979 года сотрудники КГБ Владимирской области провели обыск в квартире Фефелова, во время которого были изъяты письма инвалидов, сообщавших о своем тяжелом положении, а также анкеты, которые Группа рассылала, эти анкеты в протоколе обыска были названы "антисоветскими".

13 мая 1980 года в газете "За коммунизм", выходящей в Юрьеве-Польском, где живет Валерий, опубликована статья с обвинениями и угрозами в его адрес. Искажая факты биографии Фефелова авторы статьи стремятся возбудить у читателей неприязненное отношение к Фефелову, при этом в статье используются выдержки из частной переписки Фефелова, изъятой у него при обыске, что является нарушением ст. 56 Конституции СССР и ст. 135 УК РСФСР. В адрес Фефелова поступают анонимные письма с угрозами. Его жене Ольге Зайцевой — матери двух детей 6-ти и 4-х лет, работающей медицинской сестрой в детских яслях, говорят, что некоторые родители детей, находящихся на ее попечении опасаются за жизнь своих детей, доверенных "антисоветчице". А представитель Владимирского КГБ заявил ей, что "детей отнимем, а тебя посадим".

В сложившейся ситуации члены "Инициативной группы защиты прав инвалидов" нуждаются в общественной международной поддержке и защите от произвола властей.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров,
Юрий Ярым-Агаев*

8 июня 1980 г.

Власти объявили Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений – враждебной группировкой.

Эта формулировка содержалась в официальном "Предостережении", сделанном члену Группы Юрию Ярым-Агаеву во время его задержания сотрудниками КГБ СССР 30 мая с.г.

Особая опасность такой формулировки связана с тем, что она последовала сразу же вслед за арестом одного из членов Группы – Татьяны Осиповой.

Аресты Орлова, Щаранского, Гинзбурга, Ланды и Слепака перед Белградским совещанием и новые аресты Некипелова, Ланды, Терновского, Осиповой – перед Мадридским совещанием являются вызывающим нарушением советскими властями Хельсинкского соглашения. Объявление всей Группы враждебной группировкой откровенно выражает отношение властей к самому соглашению, в тексте которого содержится призыв к частным лицам и ассоциациям всемерно содействовать его выполнению.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев

9 июня 1980 г.

АРЕСТ АЛЕКСАНДРА ПОДРАБИНЕКА

13 июня 1980 года в поселке Усть-Неру (Якутская АССР) арестован находящийся там в ссылке Александр Подрабинец, член Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. По сообщению жены Подрабинека ему предъявлено обвинение в изготовлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190-1 УК РСФСР). Ранее в 1978 году по аналогичному обвинению Александр Подрабинец был приговорен к пяти годам ссылки.

В период пребывания в ссылке Подрабинец систематически подвергался преследованиям: ему чинились препятствия в получении работы по специальности, у него производились многократные обыски, он вызывался на допросы по делам, возбужденных властями против членов Рабочей комиссии и других правозащитников.

Жену Подрабинека — Аллу Хромову — последовавшую за ним в ссылку и их шестимесячного сына лишили московской прописки, т. е. права проживать в Москве (она родилась, выросла и постоянно проживала в Москве, где имеет квартиру совместно с матерью и сестрой). Как уже указывалось в документах Группы случаи повторных арестов и привлечения к судебной ответственности правозащитников, отбывающих наказание в тюрьмах, лагерях и ссылках в последнее время приобрели систематический характер. Арест Подрабинека новое тому подтверждение.

Мы считаем новый арест Подрабинека абсолютным беззаконием и настаиваем на немедленном освобождении Александра Подрабинека и прекращении преследований его семьи.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев

17 июня 1980 г.

СУД НАД ВИКТОРОМ НЕКИПЕЛОВЫМ

11–13 июня 1980 года в Камешково Владимирской области состоялась выездная сессия Владимирского областного суда рассматривавшая дело Виктора Некипелова. Приговором суда (председатель обл. суда Колосов, народные заседатели Зорин и Волков) Некипелов признан виновным в антисоветской агитации и пропаганде по ст. 70 УК РСФСР и осужден к лишению свободы в лагере строгого режима сроком на семь лет с последующей ссылкой на пять лет (максимальный срок по этой статье). Обвинение поддерживал зам. прокурора области Сальнов. Адвоката-защитника в суде не было. Несмотря на длительные усилия жены и сына обеспечить Некипелова защитником, его право на защиту было грубо нарушено. (См. документ Группы № ...).

Некипелову вменено изготовление и распространение в целях ослабления и подрыва советской власти произведений, порочащих советский государственный и общественный строй:

1. Семь стихотворений из сборника стихов Некипелова "Анастезия" – памяти Яна Палаха, "Отпечатки пальцев" и др.

2. Ряд литературных и публицистических произведений ("Статьи на ветровом стекле", "Стертые с фасада" и др.

3. Два документа Хельсинкской группы: № 97 "Политические процессы в СССР над рабочими", № 85 "О нарушениях социальных и экономических прав рабочих в СССР" и др.

4. Статьи и письма в защиту рабочих, преследуемых по политическим мотивам (Михаил Кукобака, Евгений Бузников, Эдуард Кулешов и др.).

5. Личная переписка Некипелова по поводу отказа от гражданства, его желаний эмигрировать и полученных им отказов. (См. вставку).

Из заявлений, сделанных Виктором Некипеловым на суде, следует что фактически основным обвинением его является участие в московской группе "Хельсинки". Несмотря на то, что в приговор включены лишь два документа группы, к делу приобщены около пятидесяти документов, подписанных Некипеловым в числе других членов группы.

Суд не искал доказательств "вины" Некипелова, он лишь пытался создать внешний декорум правосудия. В частности, судом было отклонено ходатайство Некипелова об исследовании всех документов группы "Хельсинки" и о вызове более 20 дополнительных свидетелей для подтверждения фактов, изложенных в инкриминируемых Некипелову статьях, письмах и документах.

Вставка

Кроме того Некипелову вменено хранение с целью распространения следующих материалов: "Жить не по лжи" А. Солженицына, "О третьем томе Архипелага ГУЛАГ" Р. Медведева и др.

Показания Некипелова судом игнорировались. Пресекая все попытки Некипелова добиться последовательного и объективного исследования вменяемых ему эпизодов, суд "доказывал" "вину" Некипелова противоречивыми, а иногда и просто ложными показаниями свидетелей по несуществующим и малозначительным эпизодам. Такой способ "доказывания" временами доходил до абсурда. Например в приговоре говорится, что умысел распространения Некипеловым "клеветы" подтверждается показаниями двух продавщиц о том, что Некипелов неоднократно спрашивал бумагу для пишущих машинок (кстати, эти продавщицы показали, что им было запрещено продавать такую бумагу Некипелову). Из приложенных к настоящему документу записей, сделанных родственниками осужденного в судебном заседании видно, что у суда не было никаких данных для обвинения Некипелова в столь серьезном преступлении, а также для назначения столь серьезной меры наказания.

Виктор Александрович Некипелов — 52 летний врач-фармацевт. В то же время он талантливый поэт и автор блестящих статей, эссе и очерков. Некипелов избран членом Французского и Американского Пэн-Клубов. Его перу принадлежит книга "Институт дураков" — записки об институте Сербского.

Виктор Некипелов — гуманист, противник всякого насилия, он действовал всегда открыто и легально в пределах декларированных Конституцией СССР и ратифицированных СССР документах прав человека и гражданина. Никаких преступлений Виктор Александрович не совершал. Он осужден за мысль, за свободное слово, за стремление помочь преследуемым и угнетенным. Виктор Некипелов на долгие годы изолирован от семьи и от общества. Лишен возможности продолжать свою литературную и общественную деятельность. Но опасность нависла и над семьей Некипелова. Из заявления, сделанным Некипеловым в суде явствует, что в следственных органах КГБ имеется выделенное в отдельное производство дело на его жену Нину Комарову химика-фармацевта. Более того, из этого же заявления известно, что в КГБ заведено "досье" на старшего сына Сергея 23-х лет и младшего Евгения 13 лет.

Мы утверждаем, что арест и осуждение Виктора Некипелова являются еще одним грубым нарушением заключительного акта Хельсинкского Совещания.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров,
Юрий Ярым-Агаев*

17 июня 1980 г.

Московская Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР была организована в мае 1976 г. в полном соответствии с положением Всеобщей декларации прав человека и Пакта о политических и гражданских правах, как свободная общественная ассоциация людей, ставящих себе целью легальную и ненасильственную правозащитную деятельность.

Вскоре такие же группы были созданы на Украине, в Литве, Грузии и Армении, затем (под различными наименованиями) в некоторых странах Восточной Европы, а позже в США и в государствах Западной Европы.

Работа Московской Хельсинкской группы заключается в выявлении нарушений положений Хельсинкского Акта в гуманитарной его части — т. н. "третьей корзины", — в сборе и проверке информации о нарушениях прав человека, предании этих сведений широкой гласности, путем обращения к главам 35 государств, подписавших Хельсинкский Акт, а также к мировой общественности.

Вся деятельность Московской Хельсинкской группы зафиксирована в выпускаемых ею документах. За 4 с лишним года опубликовано 137 документов.

С самого начала своего существования группа подвергается преследованиям со стороны властей, и многие ее члены находятся в заключении или были вынуждены эмигрировать. Хельсинкские группы в республиках также подвергаются жестоким преследованиям и некоторые из них были вынуждены прекратить работу, так как на свободе не осталось ни одного члена.

За пять лет, прошедших с момента подписания Хельсинкского Акта, в нашей стране усилились репрессии не только против участников Хельсинкского движения, но и против правозащитного движения в целом: увольнения с работы, допросы, слежка, вызовы в КГБ для "бесед", "предупреждений", принудительные помещения в психбольницы, осуждения к длительным срокам заключения и ссылки. Громятся религиозные, литературные, благотворительные, научные и культурные, профессиональные и т. п. ассоциации. В том числе — "Хроника текущих событий" (журнал, существующий уже более 12 лет и играющий большую роль в формировании принципов правозащитного движения в СССР), Фонд помощи политзаключенным и их семьям, журналы "Поиски", "Евреи в СССР", "Община", женские журналы; альманахи "Память", "Метрополь"; свободные ассоциации: "Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях", "Христианский комитет защиты прав верующих", "Инициативная группа по защите прав инвалидов в СССР", "Совет родственников узников

ЕХБ", "Христианский молодежный семинар", свободные профсоюзные ассоциации, художники-нонконформисты и др. Преследуются национальные движения на Украине, в Литве, Армении и других республиках, а также движение за эмиграцию евреев и этнических немцев, и движение крымских татар и месхов за возвращение на свои исторические земли. Преследуется всякая независимая мысль, книга, слово.

В последние годы нарушения элементарных прав человека в СССР приобрели характер массового подавления любого инакомыслия во всех сферах человеческой деятельности.

Заключительный Акт "Хельсинки" — первое из международных соглашений, установившее неразрывную связь между проблемами мира, безопасности и разрядки напряженности и проблемой соблюдения прав человека. Защита прав человека в свете Хельсинкского Акта не может больше рассматриваться как "внутреннее дело" каждого государства, а становится объектом международного права.

Сейчас на Западе раздаются голоса за бойкот Мадридского совещания в связи с вторжением советских войск в Афганистан.

Мы считаем такой бойкот неправильным. Мадридское совещание может и должно стать форумом, который способен снова привлечь общественное внимание к проблемам прав человека, неразрывно связанным с общемировой безопасностью.

Несомненно, советское вторжение в Афганистан должно быть обсуждено и осуждено. Но и проблема защиты прав человека должна занять в Мадриде место, соответствующее ее важности.

Мы надеемся, что Мадридское совещание:

а) подтвердит неразрывную связь между разрядкой напряженности и соблюдением прав человека;

б) признает установленным, что соблюдение прав человека является не чисто внутренним делом каждого государства, а международной проблемой и подпадает под действие норм международного права;

в) осудит массовые нарушения прав человека в разных странах с перечислением характерных для каждого государства категорий нарушений;

г) создаст международный трибунал для рассмотрения конкретных случаев нарушения прав человека государствами в отношении своих граждан;

д) признает право на существование общественных групп "Хельсинки" во всех странах-участниках Совещания.

Мы считаем абсолютно недопустимым наличие узников совести в любой стране, подписавшей Акт, и призываем к амнистии всех узников совести по представлению "Эмнести интернейшнл".

Мы просим использовать в работе Совещания материалы информационного журнала "Хроника текущих событий", "Информационный

бюллетень" Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, "Информационный бюллетень" Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР и другие правозащитные материалы, поступающие из СССР.

Мы поручаем нашему представителю Людмиле Алексеевой представить Совещанию 138 Документов Московской Хельсинкской группы. Так как власти во многих прошедших ранее судебных процессах некоторые факты, изложенные в наших документах, квалифицировали как клеветнические, мы просим создать международную комиссию для проверки этих документов.

Мы выражаем надежду, что успешное проведение Мадридского совещания будет новой ступенью к разрешению проблемы соблюдения прав человека во всем мире и к разрядке напряженности между Востоком и Западом.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Феликс Серебров*

20 августа 1980 г.

25 августа 1980 года Верховный суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу В. А. Некипелова, осужденного 13 июня 1980 года Владимирским областным судом по ст. 70 УК РСФСР на 7 лет заключения в лагерях строгого режима и 5 лет ссылки — максимальное наказание по ст. 70.

Виктор Некипелов — врач, поэт, публицист, член Французского и Американского отделений Международного Пен-клуба, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Верховный Суд в составе: председатель Гаврилов, члены Осипенко, Дякин, заслушав адвоката Калинин и прокурора Максимову, оставил в силе вынесенный ранее приговор Владимирского областного суда.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван
Ковалев, Наум Мейман, Феликс Серебров*

27 августа 1980 года

СУДЫ НАД ТАТЬЯНОЙ ВЕЛИКАНОВОЙ И СВЯЩЕННИКОМ ГЛЕБОМ ЯКУНИНЫМ

На этой неделе в Москве состоялись суды над двумя известными правозащитниками – Татьяной Великановой и о. Глебом Якуниным. До этого они 10 месяцев содержались под арестом в Лефортовской тюрьме.

Священник о. Глеб Павлович Якунин (1934 г.р.) стал известен своим письмом Московскому патриарху Алексию о положении в русской православной церкви, написанным в 1965 г. в соавторстве со священником Николаем Эшлиманом. С этого времени началась активная правозащитная деятельность о. Глеба, которая привела к созданию в 1976 г. Христианского комитета защиты прав верующих.

За правозащитную деятельность о. Глеб Якунин был отстранен от священнического служения.

1 ноября 1979 г. о. Глеб был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 70 УК РСФСР).

Дело о. Глеба слушалось в Мосгорсуде с 25 августа по 28 августа 1980 г. Председательствовала судья Лубенцова. Прокурор – Скареев. Адвокат – Попов.

Формально заседание суда было открытым, но в зал кроме жены о. Глеба никто из родных и близких допущен не был.

Обвинительное заключение содержало большое количество писем и обращений, написанных о. Глебом, и документы Христианского комитета защиты прав верующих.

В судебном разбирательстве о. Глебу в основном инкриминировались его письма-обращения к португальским христианам и Всемирному Конгрессу Церквей в Найроби. Однако, инкриминируемые о. Глебу документы в суде не оглашались и судом не исследовались.

В качестве свидетелей на суд были доставлены член Христианского комитета защиты прав верующих Виктор Капитанчук, Лев Регельсон – соавтор многих документов о. Глеба (оба содержатся в тюрьме КГБ Лефортово), Виктор Попков, участник Христианского Молодежного Семинара, осужденный в 1979 г.

Среди свидетелей были не раз представлявшие Русскую православную церковь за границей, в частности, в Найроби, профессор Московской Духовной Академии Осипов и зав. аспирантурой при отделе внешних сношений Московской Патриархии Пустоутов.

Оба эти свидетеля подчеркнули, что письмо о. Глеба к Конгрессу сильно подорвало престиж Русской церкви и затруднило работу советской делегации в Найроби.

О. Глеб себя виновным не признал. В своем последнем слове он сказал, что исполнял свой пастырский и человеческий долг, что у суда он ничего не просит и что благодарит Бога за посланные ему испытания.

Суд приговорил о. Глеба Якунина к 5 годам лагерей строгого режима и к 5 годам ссылки.

Татьяна Михайловна Великанова (1932 г.р.), математик, мать троих детей, бабушка 4-х внуков (двое из них родились после ее ареста) – активнейший участник правозащитного движения в течение 12 лет, член-основатель первой в СССР правозащитной ассоциации "Инициативная группа защиты прав человека" (основана в 1969 г.).

В 1973 г., под давлением КГБ, создавшего ситуацию заложничества, был приостановлен выпуск важнейшего информационного журнала "Хроника текущих событий". В мае 1974 г. Т. Великанова, С. Ковалев, Т. Ходорович взяли на себя ответственность за распространение этого журнала.

В течение всех последующих лет Татьяна Михайловна постоянно подвергалась преследованиям со стороны КГБ за свою правозащитную деятельность.

1 ноября 1979 г. Татьяна Михайловна была арестована по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" (ст. 70 УК РСФСР). Суд над Татьяной Михайловной проводился с 27 по 29 августа 1980 г. в помещении Люблинского районного суда выездной сессией Мосгорсуда. Председатель – судья Романов, прокурор – Чистяков, адвокат – Батова (назначена судом).

Никто из членов семьи о дате и месте суда извещен не был. Более того, когда суд уже шел, детям Татьяны Михайловны в канцелярии суда ответили, что здесь суда нет, а адвокат был извещен о месте суда за час до его начала. В суд были допущены только дети Татьяны Михайловны и ее сестры. Здание суда было блокировано сотрудниками милиции и лицами в штатском. Проезд автомобилей был запрещен.

За все время следствия Татьяна Михайловна не дала никаких показаний и не подписала ни одного документа. Точно так же она отказалась от участия в суде. В отношении адвоката она заявила суду: "Адвокат нужен вам, а не мне; а мне не нужен второй обвинитель".

Ей инкриминировались документы Инициативной группы, совместные заявления с Сахаровым, Ковалевым, Т. Ходорович, распространение "антисоветской литературы", участие в пресс-конференции 30 октября 1974 г., возобновление, изготовление и распространение "Хроники текущих событий", редактирование материалов для "Хроники текущих событий", изготовление и передача за границу 25 выпусков ХТС (28-52) и материалов № 53, "нелегальная связь" с эмигрантами, иностранными корреспондентами и дипломатами.

Так же, как и в суде над о. Глебом Якуниным, ни один из перечисленных документов не оглашался и судом не расследовался.

Перед судом прошло 7 свидетелей и были зачитаны письменные показания еще троих.

Двое свидетелей — заключенные, привезенные из лагеря, двое — сотрудники лагерей, двое уже выступали свидетелями обвинения на процессе Ковалева в 1975 г.

Бывший начальник Великановой, вызванный свидетелем, давал суду объективные показания, но председательствующий его неоднократно прерывал.

Свидетель Зайнутдинов в данных им письменных показаниях сообщил, что в 1971 г. Великанова давала ему книги Авторханова, Амальрика и др.

Остальные обвинения на суде ничем не подтверждены.

Суд приговорил Татьяну Великанову к 4 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Процессы над Татьяной Великановой и священником о. Глебом Якуниным, как и аналогичные процессы проведенные ранее, свидетельствуют о том, что советские власти все более бесцеремонно нарушают положения Хельсинкского акта. В момент все возрастающей международной напряженности такая позиция ведет к дальнейшему разобщению Востока и Запада.

* * *

Приложение к настоящему документу: запись процесса над Татьяной Великановой и о. Глебом Якуниным.

29 августа 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

С 4 по 7 сентября Калининский областной суд приговорил Александра Огородникова к 6 годам лагерей и 5 годам последующей ссылки.

Александр Огородников в 1976 г. организовал в Москве Молодежный христианский семинар и издавал религиозный журнал "Община". В связи с этим он подвергался преследованиям со стороны КГБ. Весной 1979 г. Огородников был осужден судом гор. Конаково к 1 году лагерей общего режима по ст. 209 (тунеядство). Отбывал заключение в Красноярском крае. По истечении срока заключения Огородников не был освобожден из-под стражи, и против него было возбуждено дело по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда).

В суде Огородников в резкой форме заявил два ходатайства:

1) очистить зал от специально подобранной публики и впустить туда его друзей.

Суд отклонил это ходатайство, а из зала суда вывели его мать.

2) отвод всему составу суда.

Это ходатайство тоже отклонено. После этого Огородников поблагодарил адвоката и отказался от его участия в деле. Адвокат покинул зал заседания суда.

Огородников к началу суда держал длительную голодовку протеста (102 дня). Он страдает язвенной болезнью, и голодовка сильно подрывает его здоровье. Когда насильственно удалили из зала суда его мать, Огородников пытался вскрыть себе вены. После этого у здания суда все 3 дня дежурила карета "скорой помощи".

В качестве свидетелей на суд были доставлены Владимир Пореш и Виктор Попков – оба находятся в заключении.

Что именно инкриминировалось Огородникову – неизвестно, но один из пунктов содержал обвинение в издании журнала "Община". Этот журнал издавался еще до первого ареста Огородникова, т.е. до 1979 г.

Возбуждение дела и арест в 1980 г. в последние дни отбывания наказания за "тунеядство" – это противозаконный способ продолжения срока наказания. На третий день суда в зал были допущены родители и жена Огородникова.

Жестокий приговор Александру Огородникову убедительно свидетельствует о намерении властей полностью разгромить движение за свободу вероисповедания.

23 сентября 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

О ПОВТОРНОМ ОСУЖДЕНИИ РАЗМИКА МАРКОСЯНА

13 августа 1980 г. Целиноградский областной суд (Казахская ССР) приговорил Маркосяна Размика по ст.ст. 170-1 и 198 УК Казахской ССР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй и побег из места ссылки) к лишению свободы сроком на 3 года.

Размик Маркосян, 1949 года рождения, впервые был осужден в 1974 г. по ст.ст. 65 и 67 УК Армянской ССР (антисоветская агитация и пропаганда и участие в антисоветской организации) за членство в Национальной Объединенной Партии Армении.

После отбытия 4 лет заключения он был направлен в ссылку в село Кенбидаик Целиноградской области.

27 апреля, за 1 месяц и 6 дней до окончания срока ссылки, Маркосян был арестован. И вместо возвращения в родную Армению к семье и друзьям – вновь заключен в лагерь строгого режима на 3 года.

Обвинение Маркосяна в намерении совершить побег с места ссылки просто абсурдно. Ему оставалось чуть больше месяца до законного возвращения домой. Как побег квалифицировано простое нарушение установленного Исправительно-Трудовым Кодексом режима для ссыльных. Без оформления письменного разрешения милиции Маркосян на автобусе на несколько часов выехал из гор. Целиноград, не имея никакого умысла совершить побег.

Распространением клеветнических измышлений суд признал *жалобы*, направленные им из лагеря в 1977 г. и из ссылки в 1978 г. на имя Президиума Верховного Совета СССР и Генерального Прокурора СССР. Клеветой суд счел содержащиеся в этих жалобах субъективные оценочные суждения по вопросам нарушения прав человека в СССР.

Кроме того, в вину Маркосяну судом поставлены его устные высказывания о нарушениях прав человека и отсутствии свободы слова в СССР, о событиях в Афганистане. Вот как записано это обвинение в приговоре:

”Вина Маркосяна доказана полностью показаниями свидетелей: Злючий показал в суде, что после одной из передач о событиях в Афганистане, Маркосян заявил, что на ближневосточную нефть зарится не США, а СССР, что СССР оккупировал Афганистан, он оккупировал бы и Иран, но этому мешает флот США у берегов Ирана. На его (Злючего) возражения Маркосян не реагировал, *стоял на своих убеждениях*. Свидетель Ризванов показал в суде, что после одной из передач ‘Голоса Америки’ Маркосян заявил, что в СССР людей преследуют за их убеждения, что в СССР нарушены права человека, что в СССР нет свободы слова, при этом в качестве

примера приводил фамилии Сахарова, Любарского, Григоренко, Казаряна, которых будто бы преследуют за их убеждения”.

(Выписки из приговора от 13 августа 1980 г.)

Кончается приговор краткой, но о многом говорящей фразой:

”Вещественное доказательство – книгу А.Д. Сахарова ‘О стране и мире’ – уничтожить”.

Таким образом, сам текст приговора суда устанавливает, что Маркосян осужден за открытое высказывание в жалобах в советские инстанции и в разговорах с частными лицами своих убеждений. Других обвинений ему не предъявлено.

25 сентября 1980 г.

Члены Московской групп ”Хельсинки”:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

СУД НАД ИОСИФОМ ДЯДЬКИНЫМ И СЕРГЕЕМ ГОРБАЧЕВЫМ

16-18 сентября 1980 г. Калининским областным судом рассмотрено дело по обвинению Дядькина и "его знакомого" (так в обвинительном заключении) Горбачева, обвиняемых по ст. 190-1 УК РСФСР (заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй).

Иосиф Дядькин приговорен к 3 годам, а Сергей Горбачев — к 2 годам лишения свободы в исправительно-трудовых колониях общего режима.

Оба подсудимых в суде виновными себя не признали. Адвокаты просили суд об оправдании Дядькина и Горбачева за отсутствием в их действиях состава преступления.

Арестованный 25 апреля 1980 г. Иосиф Дядькин (1928 г.р.), кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Калининского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института геофизических исследований скважин. В 1976 г. Дядькин написал работу "Статистика", в которой анализировал демографические данные о количестве населения в СССР в отдельные периоды, и в результате этого анализа делал выводы, не совпадающие с официальной советской доктриной. Эта брошюра впоследствии была опубликована на Западе.

Из самого обвинения, предъявленного Дядькину и признанного судом доказанным, видно, что он свободно и открыто в своих статьях и устно на семинарах, на собраниях и в беседах с отдельными людьми высказывал суждения, мысли и оценки, отличные от официальных оценок, принятых в нашей стране.

Так Дядькину поставлено в вину высказывание своей оценки Октябрьской революции и Гражданской войны, как событий, которые привели к напрасным жертвам, к развалу экономики; утверждение, что коллективизация привела к уничтожению лучшей части крестьянства и к разрушению сельского хозяйства, последствия которого сказываются и до настоящего времени.

Дядькину также поставлено в вину то, что он "помощь народам ЧССР и Афганистана" характеризует как агрессию и оккупацию. Крамольным признано судом и выступление Дядькина на общем собрании института при обсуждении проекта Конституции СССР, где он утверждал, что в проекте ограничиваются права и свободы граждан.

Ни одного случая распространения заведомо ложной информации о каких-либо фактах, не имевших в действительности места, — в обвинении не приведено. Между тем, даже в теории советского уголовного пра-

ва признавалось, что высказывание оценочных, хотя бы и ошибочных суждений, не может быть квалифицировано как клевета. Так в научно-практическом комментарии УК РСФСР написано:

”Заведомо ложными, порочащими советский государственный и общественный строй являются измышления о якобы имевших место фактах и обстоятельствах, порочащих советское общество и государство, несоответствие которых действительности известно виновному... Распространение измышлений, ложность которых не известна распространяющему их лицу, а равно высказывание ошибочных оценок, суждений или предположений не образуют преступления, предусмотренного ст. 190-1. Изготовление или распространение произведений, хотя и выражающих отрицательное отношение изготовившего их лица к советской действительности, но не содержащих заведомо ложных измышлений упомянутого характера не влечет ответственности по ст. 190-1 УК РСФСР”.

(Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР, Издательство ”Юридическая литература”, 1971 год, стр. 403).

Таким образом, самим приговором устанавливается, что Дядькин осужден не за преступные действия, а лишь за инакомыслие. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в качестве доказательства вины Дядькина суд ссылается на заключение ”научной” экспертизы, которую проводили доктора исторических, экономических наук и ученый-демограф. К сожалению, нам неизвестны их фамилии. Перед этими экспертами в нарушение закона вместо вопросов по их специальности были поставлены чисто правовые вопросы о том, содержится ли в статьях Дядькина заведомая клевета. Эксперты вышли за пределы своих прав и обязанностей и ответили на эти вопросы утвердительно, хотя вопросы о клевете, т.е. о составе преступления, подлежат компетенции только суда.

Арестованный 2 июня 1980 г. Сергей Горбачев, 1952 года рождения, математик, младший научный сотрудник Н-ПО ”Центрпрограммсистем”, осужден к 2 годам лишения свободы только за то, что он передал для прочтения одному человеку брошюру ”Неполитические письма” Растина (псевдоним одного из авторов журнала ”Поиски”). Какие именно заведомо ложные измышления содержатся в этой брошюре и чем установлено, что Горбачев ”знал о ее клеветническом содержании” в обвинении не указано.

Между тем эта статья является изложением взглядов автора по вопросам воспитания детей и подростков и не содержит никаких заведомо ложных измышлений. Никаких других ”преступных действий” Горбачеву не вменено. Объединение его дела с делом Дядькина не основано на законе. Очевидно, что это объединение дел, как и суровое осуждение Горбачева, основано лишь на том, что он является ”знакомым” (так сказано в обвинении) Дядькина.

Одновременно с приговором суд вынес частное определение о привлечении к уголовной ответственности за отказ от дачи свидетельских показаний научных работников: инженера Леонида Лозовского и математика Владимира Голицина. Такое обвинение грозит им увольнением с работы и отбыванием исправительных работ сроком до 6-ти месяцев. Осужденные к исправительным работам, как правило, используются не по специальности, а на неквалифицированных работах. После ареста Дядькина у Лозовского, Голицина и у позднее арестованного Горбачева были произведены обыски. В начале следствия они отправили прокурору Калининской области письмо с протестом против преследования Дядькина.

Вынесено также определение об обсуждении по месту работы поведения жены Горбачева, отказавшейся в суде отвечать на некоторые вопросы о своем муже.

Осуждение Дядькина и Горбачева еще раз подтверждает нарушение советскими властями положений Хельсинкского Акта и стремление властей подавить всякое инакомыслие.

* * *

Приложение к настоящему документу: обвинительное заключение по делу Иосифа Дядькина и Сергея Горбачева.

26 сентября 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

СУД НАД ВЯЧЕСЛАВОМ БАХМИНЫМ

24 сентября 1980 г. Московским городским судом приговорен к 3 годам лишения свободы Вячеслав Бахмин, член "Рабочей комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях". Обвинение было предъявлено Бахмину по ст. 190-1 УК РСФСР ("распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй").

Формально открытый суд проходил в течение трех дней (22-24 сентября 1980 г.) по-существу при закрытых дверях. Друзей и знакомых Бахмина не только не пустили в зал, но не подпускали даже к зданию, где происходил суд, а в последний день им не разрешалось даже проходить по улице, где расположен суд. Жена Бахмина, Татьяна Хромова, и его брат Виктор Бахмин, вызванные в качестве "свидетелей", тем самым были лишены возможности присутствовать в зале суда в течение большей части процесса.

Вячеслав Бахмин, 1947 года рождения, был арестован впервые осенью 1969 г., когда он, 22-летний студент МФТИ, вместе с Ириной Каплун (недавно трагически погибшей в автомобильной катастрофе) и Ольгой Иоффе пытался распространить листовки, направленные против реабилитации Сталина. После 10 месяцев пребывания в Лефортовской тюрьме Бахмин и Каплун были "помилованы" до суда (т.е. не будучи признаны виновными), а Ольга Иоффе помещена в спецпсихбольницу (в настоящее время живет на Западе).

Окончив впоследствии Московский экономико-статистический институт, Бахмин, работавший инженером-программистом, активно участвовал в правозащитном движении и неоднократно подвергался за это преследованиям властей (обыски, допросы, вызовы в КГБ для "предупреждения" и т.п.).

В 1977 г. была образована свободная правозащитная ассоциация – Рабочая комиссия по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях. В ее состав вошли: Вячеслав Бахмин, Александр Подрабинек (в 1978 г. осужден за написание книги "Карательная медицина", отбывал ссылку в Якутии, где 13.06.80 вторично арестован по ст. 190-1 УК РСФСР), Ирина Каплун (впоследствии вышедшая из состава комиссии), Феликс Серебров (в 1977 г. был осужден по сфальсифицированному обвинению в подделке документа и, отбыв год заключения, продолжает работать в Рабочей комиссии, подвергаясь систематическому преследованию властей).

Позднее в состав Комиссии вошли: Леонард Терновский (арестован 12.04.80) и Ирина Гривнина (арестована 16.09.80). Александр Волошанович (вынужденно эмигрировавший на Запад) долгое время был психиатром-консультантом Рабочей Комиссии.

Вместе с другими членами Рабочей комиссии Бахмин старался помочь людям, незаконно подвергшимся психиатрическим репрессиям. Для этого он собирал информацию о таких злоупотреблениях — о незаконных направлениях людей в спецпсихбольницы, о нарушениях прав психически больных, об условиях содержания в спецпсихбольницах, о преследованиях медперсонала за сочувственное отношение к больным и т.п. Собранный информацию Бахмин, как и другие члены Комиссии, рассылал в виде запросов, заявлений и специальных "Информационных бюллетеней" в официальные государственные инстанции и учреждения (в Министерство здравоохранения, в Прокуратуру, главным врачам больниц и т.д.). Эта легальная, гласная деятельность существенно ограничивала произвол властей и вероятно предупредила многие случаи незаконной госпитализации.

Приговором Бахмину инкриминируется "клеветническое" содержание "Информационных бюллетеней", выпускавшихся якобы "тайно и нелегально".

В данном случае клевета содержится именно в тексте приговора и опровергается самим приговором, ибо в том же тексте указано, что на первой странице каждого бюллетеня напечатаны фамилии и адреса его составителей.

Кроме того, легальный и гласный характер деятельности Комиссии подтверждается, как сказано выше, самим фактом рассылки бюллетеней официальным учреждениям и организациям.

Всего с 1977 г. до момента ареста Бахмина было выпущено и распространено 22 номера "Информационного бюллетеня", содержащих информацию о примерно 500 случаях нарушений в области психиатрии.

Из этой обширной информации Вячеславу Бахмину приговором вменено *четырнадцать* эпизодов, сообщения о которых якобы заведомо ложны и не имели места в действительности.

Никаких доказательств *заведомой* ложности в материалах дела нет и в приговоре не приведено. Что же касается ошибок, вполне возможных (особенно в обстановке постоянных преследований и препятствий, чинимых властями сбору и проверке информации), то небольшое количество их как раз свидетельствует о тщательности и добросовестности проверки, проводимой Бахминым и другими членами комиссии. Уже то обстоятельство, что обвинение из более чем 500 сообщений оспаривает только 14, говорит о необоснованности осуждения Бахмина. Однако и цифра 14 необоснованно завышена: в суде Бахмин признал ошибочными только два сообщения, утверждая, что информация об остальных двенадцати эпизодах соответствует действительности.

Ни следствие, ни суд добросовестной проверки материалов "Информационных бюллетеней" не провели, как не проводили ее и те официальные

учреждения, которым рассылались бюллетени. Отказав Бахмину в ряде ходатайств, направленных на действительно объективную проверку фактов (в частности, ходатайство о вызове дополнительных свидетелей), суд обосновал "клеветнический" характер инкриминируемых Бахмину материалов ссылкой на показания свидетелей, явно заинтересованных в исходе дела: врачей-психиатров, ответственных за состояние дел и положение пациентов в психиатрических учреждениях. Так, сообщение в "Информационном бюллетене" о случаях преследования отдельных врачей-психиатров и медперсонала (в частности, в Сычевской СПБ и Красноярской СПО) за сочувственное отношение к больным и отказ от выполнения бесчеловечных процедур, суд счел "заведомо ложными", опираясь на показания начальника Красноярской ОПБ Марченко ("*с моей стороны* гонений в отношении обслуживающего персонала не было") и зав. отделением Сычевской СПБ Гуревича ("*ничего подобного с моей стороны* не было").

Смешно было бы даже предполагать, что такие прямо заинтересованные свидетели подтвердят сообщение о своих собственных незаконных действиях.

Однако даже показаниями таких заинтересованных свидетелей *заведомая* ложность сообщений, помещенных в "Информационных бюллетенях" ни по одному из вмененных Бахмину конкретных сообщений не доказана. Объективные же свидетели, которые могли бы подтвердить достоверность этой информации, ни на предварительном следствии, ни в суде не допрашивались.

На суде выяснилось также, что многие психиатры зачастую не знают не только содержания инструкции о неотложной принудительной госпитализации психических больных, которая регламентирует права больных, но *не знают даже о самом факте существования такой инструкции*. Между тем именно данная инструкция является основным документом, которым руководствуется Рабочая Комиссия и на который она ссылается, указывая на незаконность той или иной госпитализации.

Отдельным пунктом обвинения является передача одному лицу для прочтения книги Солженицына "Архипелаг ГУЛаг". Известно, что эта книга, читаемая во всем мире, у нас неуклонно изымается при каждом обыске.

* * *

Сотни людей знают Славу Бахмина как бескорыстного, правдивого, доброго человека, отзывчивого на чужое горе, всегда спешащего помочь человеку, оказавшемуся в беде. Слава органически не способен на ложь и клевету. Он осужден вопреки закону, при явном отсутствии в его действиях состава преступления, оторван от жены, от восьмилетнего сына, от друзей, от своей работы.

Заканчивая свое последнее слово в суде, Слава сказал:

— Когда-нибудь, может быть, нашим детям, а если не детям, то внукам, будет очень стыдно за то, что сейчас здесь происходит.

Приложение: Текст последнего слова В. Бахмина, произнесенного
24 сентября 1980 г. в суде.

2 октября 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

СУД НАД ВАЛЕРИЕМ АБРАМКИНЫМ

Валерий Абрамкин, один из редакторов свободного московского журнала "Поиски", 4 октября 1980 г. осужден на 3 года лагерей по ст. 190-1 УК РСФСР ("заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй").

Виновным Валерий себя не признал.

Процесс Абрамкина, длившийся в Московском городском суде *четыре дня*, в некотором роде является событием даже на фоне ставших уже бытовым явлением судебных процессов правозащитников в СССР.

Во-первых, Валерий Абрамкин осужден *только и исключительно* за попытку воспользоваться правом, формально предоставленным гражданам советской конституцией, — правом на свободу печати. Он отбыл 10 месяцев предварительного заключения в тюрьме и ему еще предстоит отбыть 2 года и 2 месяца в лагере *только и исключительно* за то, что он в числе семи редакторов "Поисков" легально, нисколько не скрываясь, издавал машинописный дискуссионный журнал, в котором высказывались самые различные (часто противоположные) мнения, суждения и оценки — как теоретических проблем, так и явлений нашей действительности.

Это уголовное наказание за *мысль* — весьма наглядное нарушение нашими властями Советской конституции, Хельсинкского акта и Декларации прав человека. Это и весьма наглядное нарушение советского законодательства, ибо в "Научно-практическом комментарии к УК РСФСР" черным по белому сказано, что "оценочные суждения не могут рассматриваться как клевета". А ничего, кроме "оценочных суждений" не смогли обнаружить в "Поисках" даже так называемые "специалисты" — призванные прокуратурой на помощь доктора и профессора академических институтов.

Во-вторых, 34-летний инженер-химик, в последние годы вынужденный работать сторожем, не имеющий юридического образования и фактически лишенный нормальной защиты, в судебном заседании на-голову разбил и следствие, и суд, и "отзывы" не явившихся на суд "специалистов". В своих мотивированных ходатайствах (а их было более 40 — и почти все были немотивированно отклонены) и в своем последнем слове Абрамкин доказал не только необоснованность и лживость предъявленных ему обвинений, но и незаконность методов следствия, примененных следователем Ю. Бурцевым, которого Валерий потребовал привлечь к уголовной ответственности.

Валерий не защищался, а защищал право на мысль, на свободное слово — и ни судья, ни прокурор не могли помешать ему превратить свое последнее слово, длившееся два часа, в защитительную речь. Они могли

только то, на что они способны: не дать Абрамкину закончить речь и вынести – вопреки совести, логике и закону – predetermined приговор.

Дело Абрамкина показательно тем, что свидетельствует о моральном облике людей, пополняющих ряды правозащитников. За десять месяцев следствия не нашлось *ни одного* свидетеля, который чем-нибудь скомпрометировал бы Валерия Абрамкина. Каждый из свидетелей, выходя к судейскому столу, давал Валерию более чем блестящую характеристику. Все они говорили об уме Валерия Абрамкина, о его трудолюбии, доброте, отзывчивости, способностях – и прежде всего о его несомненной честности, делающей смехотворными обвинения в клевете.

Следствие не постеснялось вызвать на суд бывшую жену Абрамкина, рассчитывая, видимо, поживиться на семейных сложностях. Но и здесь они просчитались: ничего, кроме хорошего, не сказала бывшая жена о находившемся на скамье подсудимых Валерии.

В судебном заседании никаких фактов клеветы или заведомо ложных измышлений не было установлено. Ни один из допрошенных не дал показаний о каких-либо случаях клеветы. Единственный "свидетель обвинения" некий Касаткин, знакомство с которым Валерий Абрамкин категорически отрицает, в общей форме и немотивированно заявил, что "Поиски" – антисоветский журнал, хотя он и не указал конкретно, что именно антисоветского он нашел в этом журнале.

Единственное, на что попыталось опереться обвинение, – это письменные "заключения" уже упоминавшихся "специалистов", составленные в духе политических доносов. Однако ссылка приговора на эти "заключения" явно незаконна, ибо авторы их в судебное заседание не явились. Абрамкин трижды ходатайствовал о вызове "специалистов" – и суд трижды отклонял эти ходатайства, нарушив тем самым основополагающие принципы устности и непосредственности судебного следствия. Одновременно было нарушено и право Абрамкина на защиту, так как он был лишен возможности задавать "специалистам" вопросы.

* * *

Сын рабочего-слесаря Валерий Абрамкин родился в 1946 г. В 1970 г. окончил Московский химико-технологический институт им. Менделеева, работал в НИИ НМ, является автором около 30 научных работ. Но он не только научный работник и хороший специалист, он – человек, для которого характерны разносторонние и глубокие умственные и общественные интересы. Он не просто принимал действительность как она есть, он *размышлял* над ней. И именно это побудило его принять участие в создании свободного московского журнала. И именно за это – за живую, ищущую мысль – осужден на три года лагерей молодой, талантливый, полный сил и энергии человек, который много добра мог принести своей стране и которым страна могла гордиться.

У Валерия Абрамкина два сына – 13 и 2,5 лет. Они-то будут гордиться им!

10 октября 1980 г.

Московская группа "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

30 ОКТЯБРЯ – ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР

Участникам Мадридского совещания по проверке выполнения Хельсинкских соглашений

Сегодня, в традиционный День политзаключенных, мы обращаемся к Вам с приветствием и с надеждой, что Вы не забудете среди многих важных дел повестки дня о тысячах узников совести в СССР, тщетно ожидающих широкой политической амнистии.

Такой амнистии, обычной для многих стран Запада, в Советском Союзе не было никогда. Неизменно беспощадная к любому инакомыслию, власть в СССР ни разу в широком масштабе не применила к мирным своим оппонентам конституционное право прощения. Гордясь своей силой, не проявила такой естественной слабости – которая только возвысила бы ее престиж и ничего другого бы ей не принесла, кроме уважения и благодарности.

Многие годы демократические силы в нашей стране надеялись на очеловечение режима; эти надежды, столько раз угасавшие, вновь пробудились после подписания Хельсинкского Акта, когда 35 глав государств Старого и Нового Света столь торжественно обещали содействовать осуществлению прав человека, когда иные из них прямо провозгласили эти права своей государственной политикой. Не остался в стороне от сладостных этих обещаний и Советский Союз – проникся ли он торжественностью минуты, покорился ли инерции всеобщего воодушевления или попросту оплачивал достигнутые выгоды, но и он, рукою главы своего запечатлел державную подпись под Заключительным Актом с третьей его корзиной, содержащей такой объем правовых гарантий, о котором мог только мечтать гражданин "самого демократического" в мире государства.

Парадоксальным образом режим в СССР после Хельсинки только ужесточился. И первыми его жертвами стали именно те люди, которые добровольно взяли на себя труд помогать Советскому Союзу в выполнении принятых на себя обязательств – члены группы "Хельсинки". Подверглись репрессиям и все примыкавшие к ним инициативные группы и комиссии.

В последние два года аресты и судебные процессы следуют друг за другом с такой частотой, какая не помнится нам с 1953 г., и все более приближает нас к режиму всенародно осужденного сталинского произвола. Вновь вошло в обычай давать заключенному или ссыльному второй срок тотчас же по отбытии первого. Это делается по представлению администрации тюрьмы, лагеря или мест ссылки. Нам не известны случаи, чтоб суд отказался такое представление удовлетворить полностью. Содержа-

ние политзаключенных ухудшается с каждым месяцем — воздействие на них голодом, холодом, непосильной или вредной для здоровья работой, по малейшему поводу запрещением свиданий и переписки с волей — все эти меры, не исключая и физической расправы со стороны науськанных уголовников, применяются к людям, избирающим в качестве оружия лишь мирную проповедь и предложение дискуссии. Применяются, чтобы переломить их сознание и принудить отдать свои человеческие права неумолимому тоталитаризму.

Как могут, политзаключенные защищают себя и в этих жесточайших условиях. Они отстаивают свои права и права своих товарищей, объявляя голодовки протеста, они используют любую возможность дать знать о себе тем мировым организациям, в чьем статусе нашла отражение и воплощение Всеобщая Декларация Прав Человека. Естественно им обратиться к Вам, собравшимся затем, чтобы возвысить дух права в человечестве и наделенным для этого достаточным авторитетом и силой. Быть может, последним авторитетом и последней силой, далее которых уже обращаться не к кому.

Продолжая поправление неотъемлемых прав человека, не гарантируя в ближайшее время амнистии узникам совести, Советский Союз ставит под угрозу срыва само существование Хельсинкских Соглашений. И не случится ли с Хельсинкским Актом так, как случилось то в истории со многими пактами и договорами, принесшими народам сперва надужду, потом — разочарование?

30 октября 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Феликс Серебров.*

Присоединяемся:

*Георгий Владимов, Андрей Сахаров,
Раиса Лерт.*

СУД НАД ЮРИЕМ ГРИММОМ

8-9/X-1980 г. состоялся суд над одним из членов редколлегии свободного московского журнала "Поиски" — Юрием Леонидовичем Гриммом, арестованным 23/1-1980 г. Мосгорсуд своим приговором от 9/X признал Гримма виновным по ст. 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) и осудил Гримма к лишению свободы сроком на 3 года в лагерях строгого режима.

Суд проходил в здании Люблинского нарсуда, где только что прошли процессы Татьяны Великановой и Вячеслава Бахмина, в обстановке, уже ставшей обычной для подобных процессов: здание суда и прилегающие к нему улицы оцеплены милицией и неизвестными лицами "в штатском", в зал суда, заранее заполненный подобранной "публикой", никто из друзей Гримма допущен не был (присутствовали только жена, сын и сестра подсудимого).

В начале судебного разбирательства Гримм отказался от назначенного ему адвоката Бейзерова, однако, в нарушение ст.ст. 48 и 50 УПК РСФСР, суд адвоката от участия в процессе не освободил, чем было нарушено право Гримма на защиту.

Все ходатайства Гримма, направленные на выяснение оправдывающих его обстоятельств, судом были отклонены. После чего Гримм отказался от участия в судебном разбирательстве, воспользовавшись лишь правом произнесения последнего слова.

"Специалисты", дававшие в предварительном следствии письменные "отзывы" или "рецензии" и "закключения" о клеветническом и антисоветском содержании журнала "Поиски", положенные следствием в основу обвинительного заключения, в судебное заседание не вызывались и эти отзывав в судебном следствии не проверялись. Таким образом, судом был нарушен основополагающий принцип устности и непосредственности судебного разбирательства (см. наш документ № 145 о суде над Валерием Абрамкиным).

Как и в других делах по ст. 190-1 УК РСФСР, суд не исследовал основного вопроса о том, какие именно произведения содержат клеветнические измышления и в чем именно эта клевета заключается, ограничившись лишь исследованием факта участия Гримма в редактировании и распространении журнала "Поиски". Ни одного конкретного случая "измышления" о каких-либо фактах, не имевших места в действительности, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не приведено.

Отсюда следует вывод, что Гримм, как и другие члены редакции "Поисков", осужден за свободную мысль, за свободное слово, за использование своих Конституцией декларированных прав, т.е. за действия, не содержащие в себе состава преступления.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Гримму инкриминировано составление, изготовление, размножение и распространение журнала "Поиски", материалы которого впоследствии были использованы средствами массовой информации в капиталистических государствах, т.е. те же самые действия, за которые осуждены другие члены редакции журнала "Поиски" — Абрамкин и Сокирко. Следствие в отношении всех троих велось по одному делу. Перед самым окончанием предварительного следствия дела Абрамкина, Гримма и Сокирко, в нарушение ст. 26 УПК РСФСР, были разделены на три отдельных дела. Таким образом, Гримм и Абрамкин были лишены возможности совместно защищаться от общего для обоих обвинения, а Сокирко, дававший противоречивые "покаянные" показания, был искусственно изолирован от других соредакторов журнала "Поиски". (Сокирко не признал себя виновным к клеветническим измышлениях, но признал, что его действия причинили политический вред советскому государству и народу.)

Отсутствие полноценной защиты по делам узников совести ярко подтверждается тем, что ни один из адвокатов, участвовавших в этих делах, ни в предварительном следствии, ни в суде не заявил ходатайства об объединении незаконно разъединенных дел, хотя в данном случае совместное рассмотрение дела в отношении всех трех соредакторов журнала "Поиски" безусловно облегчило бы защиту всех троих и способствовало бы наиболее полному, всестороннему и объективному разбирательству дела.

* * *

Юрий Леонидович Гримм, 1938 г.рождения, по профессии — фотограф, впервые был арестован в 1965 г. и осужден по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация) за листовки с карикатурой на Хрущева к 6 годам лишения свободы. Впоследствии Верховным судом срок наказания был сокращен до 3-х лет лишения свободы. После отбывания наказания в Мордовских лагерях Гримму удалось устроиться на работу в Научно-исследовательский институт спортивных и зрелищных сооружений в Москве, где он проработал свыше 10 лет, заведя фотолaborаторией. В 1975 г. Гримм подал в ОВИР документы на выезд из СССР и в связи с этим уволен с работы. Свое намерение выехать из СССР Гримм мотивировал тяжелым заболеванием его, тогда еще несовершеннолетнего, сына Клайда Гримм, т.к. в лечебных заведениях Москвы диагноз болезни Клайда — цирроз печени — ставился под вопросом, а проводимое лечение не давало благоприятных результатов. Здоровью и жизни Клайда и до настоящего времени постоянно угрожает смертельная опасность.

Разрешения на выезд из СССР Гримм не получил, устроиться на работу по специальности он не смог и вплоть до дня последнего ареста работал чернорабочим.

На протяжении многих лет Гримм активно участвовал в правозащитном движении и с 1978 г. стал одним из соредакторов журнала "Поиски".

За распространение свободной мысли и слова, действовавший открыто и легально, Юрий Гримм осужден, оторван от семьи (жена и тяжело больной сын), которой он так необходим; оторван от друзей, обречен долгие 3 года провести за колючей проволокой.

13 ноября 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

НОВОЕ ОСУЖДЕНИЕ УГРОЖАЕТ ПАРУЙРУ АЙРИКЯНУ

11 февраля 1981 г. заканчивается срок лишения свободы Паруйра Айрикияна по приговору от 1974 г. и он должен быть отправлен на 3 года в ссылку. Однако его не хотят выпустить из лагеря, ему угрожает новый срок.

В октябре 1980 г. Айрикияна перевели в Следственный изолятор в Перми. Ему предъявлено обвинение ... в даче взятки. Известно, что у заключенного в лагере нет ни денег, ни какого-либо имущества. Обвинение в даче взятки просто нелепо. Однако, именно такое обвинение ему предъявлено по ч. II ст. 174 УК РСФСР. Наказание от 7 до 15 лет лишения свободы с последующей ссылкой.

Такое наказание может оказаться пожизненным, т.к. его здоровье подорвано многолетним пребыванием в тюрьмах и лагерях.

Сейчас Айрикияну 31 год. Впервые он был арестован и осужден за участие в национальном движении в Армении по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) в 1969 г., когда ему было 19 лет. Он отбыл в лагерях 4 года. В марте 1973 г. он был освобожден, но в феврале 1974 г. его осудили по искусственно созданному обвинению в нарушении режима административного надзора на 2 года лишения свободы. Тут же ему предъявили новое обвинение по ст. 70 УК РСФСР и в ноябре 1974 г. он вновь был осужден к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки.

В общей сложности Паруйр Айрикиян находится в тюрьмах и лагерях уже около 11 лет. Больше половины этого срока он провел в карцерах и в лагерных внутренних тюрьмах (ПКТ). Последний раз его держали в ПКТ и в карцере в этом году 7 месяцев подряд. В сентябре он был вновь переведен на обычный режим строгого лагеря. А теперь он снова в тюрьме.

Общеизвестно, что в лагерях строгого режима питание – на уровне явного недоедания. В этих условиях всякая попытка передать заключенному хоть какие-либо продукты питания рассматриваются властями как тяжкое преступление.

В августе этого года к невесте Айрикияна – Елене Сиротенко – в Москве пришли с обыском. Искали письма и квитанции на посылки. Ей было объявлено, что обыск производится по делу Жилина.

Как теперь стало известно, Жилин, вольнонаемный мастер работающий в Пермском лагере № 35, получал продуктовые посылки и продукты, которые передавал через других заключенных Айрикияну. За передачу бульонных кубиков, колбасы, масла, какао и т.п. заключенному Жилин обвиняется по ст. 173 УК РСФСР (получение взятки). Наказание по этой

статье от 8 до 15 лет лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах – даже расстрел.

При допросе 9 октября 1980 г. в Чусовом невесте Айриkyяна следователь заявил, что экспертизой установлено, что из 5 почтовых извещений на посылки, изъятых у Жилина, 2 заполнены ее рукой. В связи с этим следователь угрожал Лене Сиротенко привлечением к уголовной ответственности за дачу взятки. Однако, до настоящего времени обвинение ей не предъявлено.

В наших документах №№ 132 и 142 мы уже писали о повторных осуждения правозащитников, у которых закончились или заканчиваются сроки наказания.

Это, вызывающее тревогу явление, стало уже системой.

К настоящему документу прилагается письмо Елены Сиротенко.

13 ноября 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Феликс Серебров.*

Приложение к документу № 148 МГСВХС

В конце 11-ти лет заключения Паруйру Айриkyяну угрожает новый срок.

Осталось несколько месяцев до конца лагерного срока и перевода в ссылку, когда на него открыли (вероятно, в октябре) фальшивое "дело о взятке". (Похоже на анекдот, если бы не было так грустно, – заключенный /!/ дает взятку вольному мастеру.)

Паруйру Айриkyяну 31 год. Сейчас он в следственной тюрьме в Перми. Первый раз арестован в 1969 г., приговорен по ст. 70 – 4 года лагерей. В марте 1973 г. окончился срок, а в феврале 1974 арестован второй раз по фальшивому обвинению в нарушении административного надзора. По этому обвинению осудили на 2 года лагерей, и сразу же предъявили новое обвинение по ст. 70 УК РСФСР, переводят в тюрьму КГБ, и в ноябре суд и приговор – 7 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки.

Больше половины лагерного срока заключения П. Айриkyян провел в карцерах и ПКТ (только в первый срок – 2,5 года карцеров и ПКТ в общей сложности). Последний раз его держали в ПКТ 7 месяцев, включая 27 суток карцера подряд. Он вышел оттуда в сентябре 1980 г.

Тем, кто пережил здешние лагеря и тюрьмы, можно не объяснять, как эти "воспитательные" меры разрушают силы человека.

В 1977 г. в Мордовии, после 2-х месяцев ПКТ и 15 суток в ледяном карцере, где по стенам и полу текла вода и не просыхала штукатурка, трое заключенных – Черновол, Осипов и Айриkyян попали в больницу и с тех пор температурят постоянно. Как рассказывают сокамерники, темпе-

ратура сопровождается холодным потом, бледностью, расширением зрачков (говорят, у Осипова сейчас диагноз — туберкулез). У Айрияна были периоды, когда повышенная температура в течение суток падала до 35 градусов, потом повышалась снова, при этом резкая слабость, опухание желез. Пот такой сильный, что менял несколько платков за час.

Только за счет духовной энергии он держится как здоровый, поддерживая друзей по лагерю и утешая родных, что чувствует себя неплохо.

Но новый срок может погубить его (не дай Бог, чтобы это случилось!).

Прошу всех, кто помогал Паруйру после ареста — Татьяну Сергеевну Ходорович, Леву Квачевского, Люду Алексееву, тех кто был с ним в лагере — Мишу Хейфеца, Эдика Кузнецова, всех его друзей — знакомых и незнакомых — помочь ему сейчас и вырвать его отсюда.

Прошу Вас помнить о родителях Паруйра, у которых 11 лет мучений отняли уже много сил, и помочь уберечь их от нового страшного горя.

“Дело о взятке”

В августе 1980 г. к невесте П. Айрияна пришли с обыском и допросом “по делу Жилина”, который обвинялся по статье “Злоупотребление служебными обязанностями” (ст. 170 УК РСФСР). В постановлении на обыск сказано: у Жилина В.И. изъято 5 извещений на посылки, 2 из которых отправлены из Москвы и написаны почерком Сиротенко Е.Л. Провести обыск с целью изъятия у Сиротенко Е.Л. писем из ИТК-35, отправленных без штампа цензуры от осужденных Свердлова и Айрияна, в которых сказано об отправке посылок. Взять экспертизу почерка Сиротенко Е.Л. на русском и на иврите.

Обыск провели, но писем не оказалось. Давать показания Сиротенко отказалась. Следователь же во время допроса сказал, что Жилин — мастер цеха в рабочей зоне ИТК-35. Он получал посылки и отдавал их Свердлову. Свердлов делил с Айрияном, а тот — с остальными. “Я допросил (показывает протоколы) Матусевича, Бутченко, Айрияна, — все говорят, что получали продукты, кушали вместе”. “Вот и Вы скажите, что было в посылках?”.

Второй раз, 9 октября, вызвав на допрос в Пермь (в письме написал, что на очную ставку с Айрияном), следователь произносил следующие монологи (я все время молчала): “Если Вы не скажете, что было в посылках и кто просил их отправлять, я переведу Вас в подозреваемые и заведу дело о взятке. Если Жилин брал себе что-то из посылок, значит Вы дали ему взятку. Это уголовная статья, срок от 8 до 15 лет. Ну, что, будете говорить? Я Вас задержу, пока не будет санкции прокурора — арестовать Вас или отпустить. Ну, что, будете говорить?” и т.д.

12 ноября 1980 г.

Елена Сиротенко

Примечание: Свердлов — известный стукач и провокатор.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ—ОТКАЗНИКОВ В КИЕВЕ

В последнее время Киевский ОВИР в массовом порядке отказывает евреям в разрешении на эмиграцию. Только десятки из них, имеющих в Израиле самых близких прямых родственников (родителей или детей) получают разрешение на выезд, а тысячам — отказывают.

В отношении евреев-отказников, активно добивающихся разрешения на выезд (обращения в высшие инстанции, коллективные протесты-заявления, объявление голодовок протеста и т.п.) применяются различные репрессивные меры. Людей увольняют с работы и годами лишают возможности устроиться на работу по специальности. Вызывают на "беседы" в милицию и в КГБ, и эти беседы сопровождаются неприкрытыми угрозами. Подвергают административным арестам ("15 суток") по инсценированным поводам, возбуждают уголовные дела по искусственно созданным обвинениям.

"Отказников" лишают права свободного передвижения, устраивая настоящие облавы на вокзалах и в аэропорту на лиц "еврейской национальности", чтобы воспрепятствовать их выезду в Москву с жалобами и протестами.

Репрессии против евреев—"отказников" в Киеве приняли массовый характер.

Приведем лишь несколько примеров преследований.

В мае 1980 г. группа отказников, преодолев препятствия, сумела выехать в Москву. После безуспешных попыток добиться законного рассмотрения их "выездных дел", группа возвратилась в Киев 16 мая 1980 г. В тот же вечер один из участников этой группы — Пильников, — был схвачен в троллейбусе и обвинен в оскорблении стоявшего рядом с ним мужчины. 19 мая прокурор дал санкцию на арест Пильникова по ч. II ст. 206 УК РСФСР ("злостное хулиганство"). Суд был назначен на 20 июня, но отложен без назначения числа. Приглашенный женой обвиняемого адвокат Немиринская о следующем заседании суда — 25 июня — была извещена с запозданием (24 июня) и приехать в суд не смогла. Суд рассмотрел дело с грубым нарушением права обвиняемого на защиту и приговорил Пильникова к лишению свободы сроком на 5 лет (!).

Жена Пильникова 30 июня пыталась выехать в Днепропетровск к адвокату Немиринской для заключения соглашения на защиту в кассационной инстанции. Однако она была задержана в аэропорту без всякого основания. При личном обыске у нее изъяли все документы по делу мужа.

Отказник Виктор Яненко, добивающийся разрешения на выезд, работал электриком в Киевском цирке. 18 июня 1980 г. он был аресто-

ван на работе прямо в рабочем халате, отвезен в Лукьяновский следственный изолятор и оттуда сразу направлен в психиатрическую больницу на экспертизу. Его жена (тогда была на 9-м месяце беременности), их родители и друзья в течение целой недели разыскивали его, пока им удалось установить его местонахождение. В психиатрической больнице Яненко пробыл до 10 августа без права на свидания и передачи, после чего отправлен в тюрьму с заключением "здоров". Яненко было предъявлено обвинение в присвоении путем мошенничества денег в сумме 47 руб. Виновным себя Яненко не признал. Друзья, присутствовавшие на суде, считают, что обвинение не доказано. Суд осудил Яненко к двум годам лишения свободы. Нам трудно судить о том, насколько в действительности доказано или не доказано обвинение, но совершенно очевидно, что по вменяемой сумме (47 руб.) дело Яненко подпадает под действие ст. 85 УК РСФСР — (мелкое хищение), которая и предусматривает уголовное наказание (до 6 мес. лишения свободы или исправительных работ, либо штраф до 100 руб. (только при наличии двух административных взысканий в течение года за такие же действия).

Административные аресты становятся системой преследования евреев-отказников в Киеве. Вот 3 примера только за октябрь-ноябрь 1980 г.

23 октября в 10 час. утра сотрудник КГБ Мищенко С.М. с капитаном милиции и неизвестным лицом в штатском на улице задержали "отказника" Станислава Зубко (42-х лет), заявив, что он похож на известного квартирного вора. Несмотря на то, что Зубко предъявил паспорт и не пытался бежать, его увезли "для установления личности". Задержание произошло на глазах у трех десятков "отказников", которым отказались сообщить, куда везут Зубко. Тщетными были попытки жены и друзей Зубко узнать о его местонахождении в течение всего дня. Только на другой день стало известно, что Зубко увезли в Дарницкий районный нарсуд, где он получил 15 суток ареста якобы за нецензурную брань на трамвайной остановке. У Станислава Зубко это уже третий административный арест за последние полгода.

5 ноября супруги Владимир и Бронислава Левинштейн в 11 часов вечера возвращались домой. Недалеко от их дома на них неожиданно налетел неизвестный мужчина, из его рук упала и разбилась какая-то стеклянная банка. Тут же оказался милиционер и милицейская машина с двумя милиционерами. Супругов Левинштейн затолкали силой в автомашину и увезли в милицию. Брониславу Левинштейн в 2 часа ночи отпустили домой. Владимира Левинштейн (ему 42 года) утром на следующий день доставили в нарсуд, где он получил 10 суток административного ареста "за мелкое хулиганство".

11 ноября 1980 г. "отказнику" Иосифу Беренштейну позвонил сотрудник КГБ Мищенко С.М. и высказал неопределенные угрозы в связи с тем, что супруги Беренштейн приняли участие в массовой трехдневной голодовке киевских "отказников". 13 ноября Мищенко явился на квартиру к Беренштейну в 7 часов утра с милиционером, чтобы доста-

вить его в милицию в связи с поступившим заявлением о хулиганстве. Жене и дочери Беренштейна не разрешили его сопровождать. В тот же день Дарницкий суд подверг Беренштейна административному аресту на 15 суток. Жenu и дочь Беренштейна тот же Мищенко в зал суда не пустил. Подошедшим к зданию суда друзьям Иосифа Мищенко угрожал. Супруги Беренштейны уже несколько месяцев подвергаются преследованиям за свое намерение выехать из СССР. В мае 1980 г. Иосиф Беренштейн уже подвергался аресту на 15 суток. Против него пытались возбудить дело о "тунеядстве". Супругов Беренштейн неоднократно вызывали на "беседы" в милицию (под страхом привода они являлись). Участником этих "бесед" был сотрудник КГБ Мищенко.

Серьезную тревогу вызывает положение семьи Варвак, которая уже 3-й год активно добивается выезда в Израиль.

Леонид Варвак, 34-х лет, кандидат физико-математических наук, болен и уже больше года как имеет инвалидность II группы. Его жена Ли-лиана Варвак — 36 лет — математик, не работает. У них трое маленьких детей.

Многочисленные жалобы и протесты, адресуемые Лилианой Варвак в различные инстанции, остаются без ответа. Ей и ее мужу угрожают изъятием детей. Ее настойчивые обращения в советские инстанции власти квалифицировали как психическое заболевание. После того как в мае супруги Варвак отказались от советского гражданства, без ведома и согласия Лилианы ее поставили на учет в Киевском психо-неврологическом диспансере, указав в истории болезни, что она "социально опасна".

23 августа сотрудники милиции и КГБ задержали Лилиану Варвак на вокзале при посадке в поезд на Москву, произвели незаконный обыск, изъяли все личные заявления, бумаги, письма и до полуночи продержали в милиции.

В начале ноября Лилиана вместе с другими евреями—"отказниками" обратилась к главам государств — участникам Мадридской встречи. В этом обращении была объявлена 3-дневная голодовка протеста, начиная с 11 ноября. 10 ноября властями была предпринята попытка насильственно госпитализировать Лилиану Варвак в психиатрическую больницу.

Невозможно без содрогания читать описание этой акции в обращении самой Лилианы Варвак (см. приложение) :

"10 ноября в 12 часов дня к моему дому подъехала машина скорой помощи. Я в это время во дворе дома присматривала за гуляющими детьми. Из машины вышли пятеро мужчин: один в форме капитана милицейской службы, двое в белых халатах под верхней одеждой и двое в штатском. Меня окружили и предложили пройти в машину. Я подозвала к себе детей и спросила у подошедших их документы, кроме того я объяснила, что мой муж лежит в больнице и я с детьми одна. Приехавшие отказались назвать себя и тем более — предъявить документы, но потребовали, чтобы я прошла в машину вместе с детьми. Я отказалась, и сказала, что

отдам детей только их отцу. В ответ мне заявили, что с моим мужем оставить детей нельзя, он им и поесть не даст, и вообще неизвестно, что с ними сделает, а они отдадут моих детей в хорошие руки. Я опять потребовала документы. В ответ мне угрожающе заявили: 'Если Вы так будете себя вести, мы Вас упечем в сумасшедший дом на всю жизнь.' Дети жались ко мне и плакали от страха. Я обняла их, чтобы успокоить. Тогда детей стали у меня вырывать силой. Кто-то схватил меня, дети в ужасе закричали, я стала громко звать на помощь. На наши крики стали выходить из дома соседи. Они не смели протестовать, но с осуждением смотрели, как пятеро мужчин вырывали малышей у их матери, и пытались затолкать меня в машину. Нападавших, видимо, смутило такое количество свидетелей, и они отпустили меня и детей, но продолжали требовать, чтобы я поехала с ними. Через некоторое время они уехали. Весь инцидент длился около часа".

Дальше Лилиана Варвак описывает вторую попытку ее насильственной госпитализации, предпринятую в тот же день (см. приложение).

В созданной властями атмосфере запугивания и произвола киевские евреи-"отказники" обращаются к главам государств – стран участниц Хельсинского совещания с призывом о помощи.

Мы присоединяемся к их протесту против грубого нарушения права на эмиграцию, против насилия и издевательств над людьми, виновными лишь в том, что они хотят уехать из СССР в Израиль.

25 ноября 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман, Иван Ковалев,
Феликс Серебров.*

* * *

*Лилиана Варвак
г. Киев 135
Бульвар Леси Украинки
15-а кв. 9*

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли в Советском Союзе и за рубежом с просьбой о защите моей семьи.

Мне 35 лет, по образованию я математик. Моему мужу Леониду Варваку 34 года, он еврей по национальности, математик, кандидат физико-математических наук. Последние годы он тяжело болен, и уже полтора года инвалид II группы. У нас трое маленьких детей: сын Юра – 6 лет, дочка Анюта – 4 лет и сын Петя – 3 лет.

Уже третий год мы добиваемся разрешения покинуть Советский Союз по вызову наших родственников из Израиля. Мой муж болен диабетом в

тяжелой форме и нуждается в лечении современными методами, которое в Советском Союзе невозможно получить.

За наше настойчивое желание покинуть СССР мы уже более полугода лишены права переписки с заграницей (к нам не приходят письма из-за рубежа и наши международные письма не доходят к адресатам).

На протяжении последнего года я обратилась со 170-ю жалобами и заявлениями в советские, партийные и общественные организации с просьбой содействовать нашему выезду, поскольку для моего мужа право на выезд есть право на жизнь.

Сотрудники КГБ пытались помешать мне обратиться в ЦК КПСС с жалобами на действия ОВИРа. Так 23 августа 1980 г. меня схватили на вокзале, когда я садилась на Московский поезд. Меня обыскали и забрали у меня все бумаги (жалобы, заявления, личные письма, записки). Продержав до полуночи, отпустили. Вся процедура была проведена с грубейшими нарушениями советских законов.

Чтобы запугать нас, местные власти стали энергично проверять, правильно ли мы воспитываем своих детей (по Конституции СССР все советские граждане обязаны воспитывать своих детей "строителями коммунизма"). Эти проверки носили достаточно злобещий характер, т.к. известны случаи, когда власти насильно отбирают детей у родителей в наказанные родителями за их религиозные или политические убеждения.

В мае 1980 г. мы с мужем отказались от советского гражданства.

Мое настойчивое желание спасти жизнь отцу моих детей было квалифицировано советской властью как сумасшествие и без моего ведома в Киевском психо-неврологическом диспансере им. Павлова на меня была заведена история болезни, в которой указано, что я социально опасна.

29 мая мне стало известно, что меня намерены принудительно госпитализировать, и я сбежала из Киева. Через две недели моя семья присоединилась ко мне и мы вернулись в Киев только в конце сентября.

После возвращения в Киев я продолжала добиваться права на выезд. В числе других отказников я обратилась к главам государств — участников Мадридской встречи, а с 11 ноября — дня начала работы Мадридской конференции, вместе со многими советскими отказниками я объявила голодовку протеста против незаконного лишения нас права выбирать страну проживания по собственному усмотрению.

. . . (См. цитату в тексте документа)

После их отъезда я поднялась с детьми в свою квартиру, позвонила в больницу, где лежал мой муж, и сообщила ему о происшедшем. Мой муж вынужден был прервать курс лечения и пришел домой. Около трех часов дня опять приехала скорая помощь с теми людьми. Они зашли в квартиру, где кроме меня, мужа и детей находились двое отказников. Мы все стали требовать, чтобы вошедшие предъявили свои документы, а также полномочия увезти меня. Двери на площадку мы оставили открытыми и на лестничной клетке стали собираться соседи. Мы требовали сообщить нам, кто вызвал ко мне машину скорой помощи. Нам отказались ответить. Один из мужчин вышел из квартиры и сказал кому-то: "Они тре-

буют документы". Ему ответили: "Никаких документов!" В конце концов все приехавшие ушли из квартиры, сели в машину и уехали. На следующий день возле моего дома дежурила машина спецмедслужбы УВД, но я уже жила у друзей.

Моя мать, Сергеева Лидия Марковна, служащая военного училища, оказывает всяческое содействие попыткам поместить меня в сумасшедший дом и отобрать у меня детей. Она фанатично предана советской власти и предпочитает видеть свою дочь в могиле, но не в эмиграции.

Итак, на 14 ноября 1980 г. мой муж еще жив, я еще на свободе, а наши дети еще с нами. Но дамокловым мечом висит над нами решение властей уничтожить нашу семью — меня в психушку, детей "в хорошие руки", а в отказе на выезд — смертный приговор моему мужу.

Люди! Я обращаюсь к вашему сердцу! Преступники не любят творить свои черные дела при свидетелях. Два десятка свидетелей уже самым своим присутствием не дали совершиться расправе надо мной и моими детьми, запланированной на 10 ноября.

Люди! Я умоляю вас, будьте свидетелями моей судьбы! Обратитесь к советским властям с требованием прекратить издевательства над беззащитными людьми, над маленькими детьми и разрешить нам покинуть СССР.

Они не посмеют уничтожить нас на ваших глазах!

14 ноября 1980 г.

Варвак

16 ноября сотрудники милиции сказали моему мужу, что в милицию поступило заявление от моей матери, в котором говорится, что я пропала и у нас есть основания полагать, что я стала жертвой уголовного преступления. Это заявление явилось формальным предлогом к объявлению розыска меня. Фактически меня разыскивают, чтобы расправиться со мною.

Прилагаю копию заявления, направленного мною в уголовный розыск.

17 ноября 1980 г.

Варвак

Приложение

*В отдел Уголовного розыска
Печерского РОВД г. Киева
Копия: Министру Внутренних Дел СССР*

*Варвак Лилианы Валентиновны,
Киев, 135, Бульвар Леси Украинки
дом 15-а кв. 9.*

ЗАЯВЛЕНИЕ

16 ноября 1980 г. мне стало известно, что моя мать Сергеева Лидия Марковна, прож.: Киев, ул. Чапаева 14, кв. 9, сделала заявление, что я

пропала, и что у нее есть основания полагать, что я стала жертвой уголовного преступления. Моему мужу Варваку Леониду Петровичу сотрудники милиции сказали, что это заявление является поводом к объявлению розыска меня.

Настоящим заявляю, что я покинула свой дом по своей воле и выехала по личным делам в Москву, где и нахожусь в настоящий момент.

Кроме того, я заявляю, что никто не препятствует моему возвращению домой.

Таким образом за отсутствием события преступления розыск меня подлежит прекращению.

17 ноября 1980 г.

Варвак

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что Варвак Лилиана Валентиновна написала данное заявление по собственной воле и без принуждения, и подпись ее заверяем:

Елистратов Виктор Михайлович – Москва, Б. Черкизовская 1-2-50
(подпись)

Кремень Михаил Шмеерович – Москва, Молостовых 11-2-64
(подпись)

Макар-Лимаков Леонид Григорьевич – Москва, Семашко 5 кв. 4
(подпись).

ОСУЖДЕНИЕ ВАЗИФА МЕЙЛАНОВА

2 декабря 1980 г. Верховным судом Дагестанской АССР (г. Махач-Кала) осужден по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) математик Вазиф Мейланов, 40 лет. Наказание — лишение свободы на 7 лет в лагерях строгого режима и 2 года ссылки.

Вазиф Мейланов участвовал в правозащитной деятельности путем обращений в официальные советские инстанции с заявлениями и протестами от своего имени по поводу известных ему случаев нарушения прав человека. Три года тому назад он был уволен с должности научного сотрудника и с тех пор не мог устроиться на работу по специальности.

25 января 1981 г. он один вышел на демонстрацию протеста против незаконной ссылки Сахарова с плакатом, содержащим следующий текст:

“Протестую против преследований академика Сахарова. С идеями надо бороться идеями, а не милицией. Сахаровы нужны нашему обществу, т.к. они осуществляют истинный неформальный надзор за гос. органами. (...) * Боритесь за свободу слова для оппонентов коммунизма”.

Демонстрация Мейланова перед зданием Горисполкома продолжалась 17 минут. На восемнадцатой минуте он был арестован, и до дня суда — т.е. около 9 месяцев — содержался под стражей. Направлялся в Институт им. Сербского на психиатрическую экспертизу, где был лишен продуктов передач. Признан психически здоровым.

Приговором Мейланову, кроме упомянутой выше демонстрации протеста против преследований академика А.Д. Сахарова вменены следующие “преступления”:

1) Составление публицистической книги “На полях советских газет” (рукопись в одном экземпляре изъята на одном из обысков в Москве, книга нигде не опубликована, содержание ее нам неизвестно).

2) Передача знакомым для прочтения книг А. Солженицына “Архипелаг ГУЛАг” и “Бодался теленок с дубом”.

3) “Подстрекательство” заключенных к протестам против условий содержания в следственной тюрьме.

Из самого содержания приговора видно, что столь суровому наказанию Мейланов подвергнут за слово, за выраженную устно или письменно мысль.

12 декабря 1980 г.

Члены Московской группы “Хельсинки”:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

* Одна фраза пропущена, т.к. она нам неизвестна.

РАЗГОН МИРНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 10 ДЕКАБРЯ НА ПЛ. ПУШКИНА В МОСКВЕ

10 декабря 1948 г. государства – члены ООН, в том числе и СССР, приняли Всеобщую Декларацию Прав Человека, согласно которой обязались законодательно закрепить и гарантировать своим гражданам соблюдение основных прав человека – свободу убеждений, свободу получать и распространять информацию, свободу высказывать свои убеждения (ст. 19), право на свободный выбор страны проживания и места проживания внутри страны (ст. 13), свободу ассоциаций (ст. 20) и др.

10 декабря 1980 г. советское радио сообщило, что в течение многих лет люди доброй воли во всех странах проводят демонстрации и манифесты в знак солидарности со Всеобщей Декларацией Прав Человека, документом, который стал важным этапом в формировании гуманитарных принципов современного общества. Однако в СССР власти силами КГБ, милиции и "дружинников" разгоняют 10 декабря ставшую традиционной мирную демонстрацию на площади у памятника Пушкину в Москве, демонстрацию солидарности с Всеобщей Декларацией Прав.

В приложении к настоящему документу мы представляем описание событий, имевших место на площади Пушкина 10 декабря 1980 г., составленное очевидцем. К этому описанию надо добавить, что по сведениям из других источников на площади Пушкина были задержаны и доставлены в милицию всего 8-9 человек. Трудно определить общее количество людей, непосредственно участвовавших в демонстрации, т.е. снявших головные уборы в 7 час. вечера, так как разные очевидцы дают различные сведения, но как минимум таких участников было не менее 20-30 человек.

"Акция" по предотвращению демонстрации, предпринятая ГБ и милицией, началась еще накануне 9-го и продолжалась весь день 10 декабря. Применялись различные методы. К некоторым потенциальным участникам демонстрации приходили домой работники милиции и лица "в штатском" и предупреждали о том, что не следует "выходить на улицу 10-го". Других задерживали 10-го днем и под разными предлогами держали до вечера в милиции. Иных задерживали 10-го на работе после окончания рабочего дня. Не менее 10-12 человек были на весь день 10-го декабря подвергнуты настоящему домашнему аресту. Нам известно не менее 20 человек, подвергнутых предупреждениям, задержаниям, слежке и домашнему аресту в дни 9 и 10 декабря. Не исключено, что эта информация не полная.

10 декабря 1980 г. власти наглядно показали, что граждане СССР лишены права на мирные демонстрации, права, которым (по сообщениям нашего же радио) беспрепятственно пользуются граждане других государств — членов ООН, права, предусмотренного Всеобщей Декларацией и формально провозглашенного советской Конституцией.

17 декабря 1980 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Софья Каллистратова, Елена Боннэр,
Наум Мейман, Иван Ковалев,
Феликс Серебров.*

*Приложение
к документу № 151 Группы "Хельсинки"*

Свидетельство очевидца

10 декабря 1980 г. КГБ и милиция "основательно подготовились" к разгону традиционной демонстрации правозащитников на площади Пушкина в Москве. Уже в 17 час. 45 мин. милиция оцепила площадь Пушкина, боковые проезды у здания "Известий" и "Московских новостей", сквер при памятнике от самого кинотеатра "Россия" до ул. Горького, перекрыла наземные переходы от "Известий" на площадь и от здания "Московских новостей", а также закрыла выход из метро к памятнику Пушкину.

В 18 час. и в 18 час. 25 мин. к месту оцепления строем прошли две колонны дружинников, приблизительно по 300-400 человек каждая. Подземный переход от "Известий" на противоположную сторону ул. Горького не справлялся с пропуском потока пешеходов и их частично пустили по верху. При этом офицер милиции через мегафон предлагал проходим обходить площадь Пушкина вокруг и перебираться на ее противоположную сторону мимо кинотеатра "Россия". Он пояснял, что подземный выход из метро закрыт в связи с производством ремонтных работ.

На углу ул. Горького у "Известий" к половине седьмого вечера скопилось довольно много людей, явно не собиравшихся "проходить", как советовал милиционер. Среди публики было много "людей в штатском", у которых из-под пальто периодически раздавались команды по радио; офицеров МВД в форме, слонявшихся, видимо, с целью пронаблюдать события, но не участвовавших в них; людей, судя по всему, пытавшихся найти (определить) будущих демонстрантов; и просто любопытных прохожих.

Офицер милиции, начиная с 18 час. 30 мин. стал достаточно настойчиво требовать, чтобы люди проходили и не задерживались.

В 19 часов группа людей, стоявшая у самого оцепления напротив па-

мятника, обнажила головы, — традиционный жест демонстрантов 10 декабря (в этой группе было 20-40 человек, из них много молодежи).

Милиция сначала издевательски вежливо предложила расходиться и освободить площадку у "Известий", надеть головные уборы ("а то простудитесь!"), затем цепь милиционеров, дружинников и "лиц в штатском" начала наступать на демонстрантов, повторяя требование освободить площадку.

Один из демонстрантов попытался возразить, он был немедленно схвачен. Ему заломили руки, зажали рот и поволокли его к одной из оперативных машин, стоявших в две шеренги вдоль проезда у "Известий". Остальную группу демонстрантов оттеснили к подземному переходу (к этому моменту закрытому для пешеходов).

После этого милиция настойчиво стала разгонять всех наблюдавших, предлагая "проходить и не задерживаться". Приблизительно к 19 час. 30 мин. площадку у "Известий" "очистили", но оцепление площади оставалось довольно долго.

Очевидец

СУД НАД АЛЕКСАНДРОМ ЛАВУТОМ

24-26 декабря Московский городской суд слушал дело по обвинению Александра Павловича Лавута (1929 г.р.) "в распространении заведомо ложных и клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" (ст. 190-1 УК РСФСР). Председатель – судья В.В. Богданов, обвинение – прокурор Т.П. Праздникова, защита – адвокат Е.А. Резникова.

Лавут обвинялся в том, что с 1968 по 1980 гг. принимал участие в обсуждении, изготовлении, подписании и распространении на территории СССР и за границей заведомо ложных измышлений, ... о якобы имевших место нарушениях гражданских свобод, об использовании помещения в психиатрические лечебницы в политических целях и т.п. ..." (цитируется обвинительное заключение, реконструированное по памяти). Лавуту инкриминировалось подписание ряда писем в составе Инициативной Группы защиты прав человека в СССР, других правозащитных писем, поддержка и участие в составлении нескольких документов Московской группы "Хельсинки", распространение "Архипелага ГУЛаг" и "Ленин в Цюрихе" Солженицына, статьи "Об отмене смертной казни" Сахарова, книги Т. Ходорович "История болезни Плюща". В обвинительном заключении говорилось также, что подписанные Лавутом письма, протесты и обращения публиковались в "Хронике защиты парв", а также публиковались некоторыми западными издательствами и оглашались западными радиостанциями, что сам Лавут "имел отношение" к "Хронике текущих событий".

В начале судебного заседания Лавут заявил ряд ходатайств. Первое – об обеспечении гласности процесса, – и отметил, что сам видел, выходя из "воронка", как некоторых людей впускали с черного хода, и выразил уверенность в том, что у здания суда стоят его друзья, желающие попасть на его процесс. Несколько друзей Лавута, сумевших пройти в зал, были выведены перед началом процесса. В первый же день собравшиеся у суда друзья Лавута и его сослуживцы направили в суд ходатайство с просьбой допустить их в зал. Шесть человек просили также допросить их в качестве свидетелей по поводу нарушения гласности в этом и подобных процессах, так как им стало известно, что среди инкриминируемых Лавуту документов имеется утверждение о том, что гласность на подобных процессах систематически нарушается. В других ходатайствах Лавут мотивированно просил вызвать в суд ряд свидетелей для доказательства отсутствия в инкриминируемых ему документах клеветы или заведомой лжи, с той же целью он просил приобщить к делу изъятые у него по поста-

новлению следователя Жданова и направленные в отдел КГБ письма и жалобы крымских татар в советские инстанции, вернуть в дело ряд других изъятых у него документов, и затребовать ряд официальных документов и справок. Кроме того, Лавут требовал допросить в суде эксперта Гаркавенко, проводившего научно-идеологическую экспертизу, заключение которого, по мнению Лавута, недобросовестно, некомпетентно и содержит клеветнические высказывания о Лавуте и других людях.

Ходатайства Лавута были поддержаны его адвокатом. Суд все ходатайства отклонил. Необходимые для объективного рассмотрения дела свидетели (например, П.И. Якир, которого по делу Лавута не допрашивали, но чьи показания по его собственному делу вошли в дело Лавута; или Ефройкин, единственный свидетель — в его показаниях есть лжесвидетельство — по эпизоду устной "клеветы" Лавута), так и не были вызваны, а документы не приобщены к делу.

Один из свидетелей, выступавших в суде, Антиди, давал ложные показания о распространении Лавутом литературы. Другой свидетель по этому же эпизоду — Ковальский, путался в своих показаниях (как и Антиди) столь очевидно, что после того, как вконец запутавшийся свидетель кончил давать показания и покинул зал, судья Богданов с улыбкой сказал: "Вот и разрядка напряженности".

Лавут в своих показаниях давал развернутые объяснения по существу инкриминируемых ему документов, четко и аргументированно доказывая отсутствие в них клеветы. К сожалению, как нам стало известно, радио "Свобода" сообщило со ссылкой на ТАСС, будто Лавут признал себя виновным. В тексте сообщения ТАСС от 24 декабря, которым мы располагаем, такого утверждения не содержится. Там говорится лишь, что Лавут не отрицал своего участия в составлении и распространении инкриминируемых ему документов, но не указано основное: то, что Лавут полностью отрицал свою виновность.

Речь прокурора фактически повторяла обвинительное заключение.

Адвокат Резникова начала свою защитительную речь с обстоятельств, характеризующих личность Лавута. Она особо отметила в этой части отличные письменные характеристики Лавута со всех мест работы и прекрасные отзывы, как о работнике и человеке 15-ти его сотрудников в предварительном следствии (трое из них давали такие же показания в суде). Адвокат обратила внимание суда на то, что даже в тюрьме Лавут продолжал научную работу, которую не успел закончить на воле. Адвокат потребовала исключить из обвинения несколько эпизодов: о передаче Ефройкину статьи Сахарова "Об отмене смертной казни", т.к. этой статьи в деле нет и нет протокола ее осмотра, которым доказывался бы ее клеветнический характер (это требование было удовлетворено, в приговор этот эпизод не был включен); о подписании документов "Курту Вальдхайму" и "Буковскому мстят ...", — поскольку это — два экземпляра одного и того же документа, один из них следует исключить (удовлетворено); о подписании "Московского обращения", охарактеризованного следствием как "идеологически вредного", поскольку такая оценка сви-

детельствует о том, что даже следствие не усматривало в нем клеветы; и, наконец, исключить из обвинения статью "Вновь усиливаются ограничения свободы" ("Посев" № 7, 1973), поскольку в деле имеется протокол осмотра документов, подписанный самим же следователем Ждановым, из которого следует, что Лавут этого документа не подписывал (это требование также удовлетворено).

Адвокат показала недоказанность субъективной стороны преступления, т.е. наличия заведомой лжи в материалах, инкриминируемых Лавуту; подвергла сомнению обоснованность некоторых доказательств, выдвинутых обвинением, и потребовала оправдания своего подзащитного.

В коротком последнем слове Лавут сказал, что если бы действительно, как говорил прокурор, для укрепления социалистического государства соблюдались законность и правопорядок, этот процесс не смог бы состояться. Он отметил, что в его деле на всех этапах нарушались статьи УПК, тем не менее сейчас прокурор счел возможным ссылаться на такие сомнительные доказательства, как протокол обыска, в котором вообще не отмечено, что же именно изъято. Лавут подчеркнул, что в его деле нет фактических материалов по существу обвинения, что, как и в деле Решата Джемилева, где следствие сознательно уничтожило огромное количество документов и фактических материалов, подтверждающих правдивость изложенных им фактов и являющихся вещественным доказательством, в его, Лавута, деле сделано то же самое, только культурнее.

Большая подборка писем, заявлений и жалоб в различные инстанции отправлена ст. следователем Ждановым на проверку в КГБ. Лавут также сказал: "Исходя из фактов, изложенных во вмененных мне материалах, суд может понять, что я хорошо осведомлен о делах, подобных моему". Лавут говорил о том, что он наблюдал, как в суде в качестве вещественных доказательств использовались экспертизы, переносимые из процесса в процесс (а на самом деле ненужных, лишь затемняющих суть дела материалов), вместо того, чтобы вызвать свидетелей, могущих доказать в суде тот или иной эпизод... "таких свидетелей становится все меньше и меньше, на моем процессе их вовсе нет. Но остается еще право обвиняемого представлять суду материалы, которые могут подтвердить правдивость изложенных фактов. Я пытался воспользоваться этой последней возможностью, сам старался приводить известные мне факты, на основе которых писались письма, инкриминируемые мне, но встречал все большее сопротивление со стороны суда в этих попытках" (реконструировано по памяти). Последнее слово Лавут закончил ответом на вопрос председательствующего о том, неужели он не видит ничего хорошего, неужели ему ничего не нравится в стране, где он живет (раньше Лавут не ответил на вопрос по моральным соображениям): "Мне нравится страна, мне нравятся люди. Все."

26 декабря Александру Павловичу Лавуту вынесен приговор, максимально возможный по этой статье — 3 года лагерей общего режима.

Мы близко знаем Александра Павловича, мы гордимся тем, что можем назвать себя его друзьями, что нас связывает с ним не только близ-

кое знакомство, но и общее дело, дело защиты прав человека в нашей стране.

Александр Лавут — талантливый математик, автор нескольких научных работ в области прикладной математики. Ему органически присуща честность, добросовестность и ответственность настоящего ученого за каждое слово, каждую запятую. Эти качества непреложно распространяются для него на любую деятельность, какой бы он ни занимался.

В 1969 г. Александр Лавут вошел в состав Инициативной группы и с тех пор вместе со своими ближайшими друзьями — Татьяной Великановой и Сергеем Ковалевым активно участвовали в правозащитном движении. Его вклад в сбор и распространение правдивой информации о борьбе за права человека и о нарушениях этих прав в нашей стране невозможно переоценить.

Александр Павлович не искал ни славы, ни почестей, он "всего лишь" имел мужество отстаивать свою гражданскую позицию противопоставления злу и насилию, которую считал единственно возможной. Он защищал несправедливо преследуемых. Теперь в защите нуждается он сам. И мы надеемся, что он ее получит.

4 января 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

Присоединяюсь:

Андрей Сахаров.

СУД НАД ЛЕОНАРДОМ ТЕРНОВСКИМ

30 декабря 1980 г. Московский городской суд рассмотрел дело по обвинению Леонарда Борисовича Терновского, 48-летнего врача, активного правозащитника (см. наш документ № 129 от 12 апреля 1980 г.).

Следствие по делу Терновского продолжалось более 8 месяцев. За 7 часов суд рассмотрел дело и вынес заранее predetermined приговор — 3 года лишения свободы в лагерях общего режима по ст. 190-1 УК РСФСР (изготовление и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Многомесячное заключение в тюрьме во время предварительного следствия, проведенное в полной изоляции (ни писем, ни свиданий), не сломило Леонарда. Он предстал перед судом спокойный, внутренне свободный, как всегда вооруженный только словом, как всегда убежденный в том, что борьба против несправедливости и помощь людям является гражданским долгом каждого честного, мыслящего человека. И этого правдивого, открытого, мужественного человека, доброго, отзывчивого на чужую боль, органически не способного на ложь, на уловки, — суд признал клеветником ... И этого врача, безупречно проработавшего более четверти века, оказывающего врачебную помощь тысячам больных — суд приговорил к максимальной мере наказания (ст. 190-1 УК РСФСР предусматривает наказание и в виде штрафа и в виде исправительных работ без содержания под стражей) — 3 года изоляции за колючей проволокой, изоляции от семьи, от друзей, от любимой работы.

Какие же "преступные" действия поставлены приговором в вину Леонарду Терновскому?

1. Его участие в работе Рабочей Комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях. Составление и распространение Информационных Бюллетеней этой Комиссии. В этих Бюллетенях суд признал клеветническими: статью о принципах работы Комиссии в № 9 Информационного Бюллетеня за июнь 1978 г.; материалы и письма о незаконном содержании в психбольнице Михаила Кукобаки в номерах Информационного Бюллетеня 14, 15 и 18 за 1979 г.; письмо Терновского с протестом против направления на психиатрическую экспертизу Сергея Ермолаева в Информационном Бюллетене № 17 за 1979 г.

2. Изготовление или подписание и распространение писем-протестов против арестов правозащитников Вячеслава Бахмина (см. наш документ № 144 от 2 октября 1980 г.) и Татьяны Великановой (см. наш документ № 140 от 30 августа 1980 г.).

Какие именно утверждения в этих, вмененных Терновскому материалах, являются **з а в е д о м о** ложными, в приговоре (как и по всем другим делам правозащитников) не указано. Это явное нарушение закона. Факты, сообщения о которых имеются в признанных судом криминальными документах, по существу в суде не проверялись, и их несоответствие действительности ничем не доказано; эти документы даже не оглашались в судебном заседании.

Достаточно посмотреть на эти документы, чтобы убедиться, что никакой клеветы в них нет. Нелишнее отметить, что письма-протесты против ареста Бахмина и Великановой подписаны сотнями людей (под коллективным письмом в защиту Татьяны Великановой стоит более 400 подписей).

По делу было допрошено всего три свидетеля, из которых двое ближайших друзей Терновского, характеризовавших его как человека, не способного на ложь и клевету. Третий свидетель (Сокирко) допрошен по эпизоду обвинения, исключенному судом из приговора (распространение сборников "В защиту экономических свобод").

Сам Леонард Терновский, открыто заявивший в суде, что он с конца 60-х годов активно участвует в правозащитном движении, и не отрицавший своих подписей под правозащитными документами, **к а т е г о р и ч е с к и** не признал себя виновным, утверждая, что он собирал и распространял правдивую информацию и тем самым исполнял свой гражданский долг, действуя открыто и в рамках закона.

Таким образом, в суде не было добыто решительно никаких доказательств клеветнической деятельности Терновского. Доводы адвоката, просившего об оправдании Терновского за отсутствием в его действиях состава преступления, судом игнорированы. Приговор суда не обоснован, а, следовательно, незаконен.

Заканчивая свое последнее слово в суде, Леонард Терновский сказал: "В соответствии со своими убеждениями я стремился бороться с несправедливостью, помогать людям, делать им добро. Этим объясняются все мои действия и выступления. И я пойду в неволю с чистой совестью".

Приложение: Полный текст последнего слова Л. Терновского.*

5 января 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман,
Феликс Серебров.*

Присоединяемся:

*М. Петренко-Подъяпольская, Н. Комарова-Некипелова,
В. Тимачев, М. Ланда, Ю. Гастев.*

* Приложение в данном сборнике не публикуется. — *Ред.*

АРЕСТ ПОСЛЕДНЕГО ЧЛЕНА РАБОЧЕЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХИАТРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ ФЕЛИКСА СЕРЕБРОВА

8 января 1981 г. Следственным отделом Управления КГБ по г. Москве и Московской области арестован активный правозащитник Феликс Аркадьевич Серебров, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и член Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Рабочая Комиссия по психиатрии была организована как свободная и легальная правозащитная ассоциация в 1977 г. Целью этой Комиссии была помощь людям, незаконно подвергавшимся психиатрическим репрессиям, а также сбор и распространение информации о случаях использования психиатрии в политических целях. О всех ставших известными Рабочей Комиссии случаях незаконного помещения людей в психиатрические больницы, о нарушении прав психически больных, об условиях содержания в спецпсихбольницах, о преследовании медперсонала за сочувственное отношение к больным и т.п. — члены Комиссии информировали официальные государственные инстанции и учреждения. (Подробно о работе Комиссии см. наш документ № 144 об осуждении Вячеслава Бахмина.)

С самого начала своей работы члены Рабочей Комиссии по психиатрии подвергались жестоким преследованиям — вызовы в КГБ, слежка, допросы, обыски, административные задержания, аресты и осуждения стали будничными условиями жизни этих мужественных людей.

...
Жизнь Феликса Сереброва сложилась тяжело. Родился в 1930 г. В 1947 г., когда был принят Указ от 4.6.47 г., установивший варварски длительные сроки лишения свободы даже за самые незначительные кражи государственного имущества, Феликс в группе таких же как он несовершеннолетних подростков принял участие в мелкой краже соли с железнодорожной платформы. За эту мальчишескую проделку он был осужден к заключению в лагерях на десять лет. Только после смерти Сталина он был досрочно освобожден, отбыв в заключении около 6-ти лет. Второй раз Серебров был осужден за превышение пределов необходимой самообороны. Длительное пребывание в заключении лишило его возможности получить специальное образование, но он имеет большой трудовой

стаж рабочего, хотя и нелегко ему было жить и работать, имея за спиной "уголовное" прошлое.

Жизненные трудности сформировали личность Феликса, но не сделали его озлобленным человеком, а выработали в нем убеждение в необходимости активно противостоять злу, насилию, несправедливости. Самообразованием он восполнил недостаток формального образования и стал думающим, культурным человеком. Таким и вошел Феликс Серебров в правозащитную деятельность в 70-х годах.

В 1977 г. против Сереброва было возбуждено уголовное дело до такой степени искусственно сфабрикованное, что не оставалось сомнения в том, что его преследуют именно за правозащитную деятельность. Он был осужден, и после отбытия одного года заключения вновь вел активную работу в Рабочей Комиссии по психиатрии.

После ареста члена Московской группы "Хельсинки" Виктора Некипелова (декабрь 1979 г.) Серебров вместе с Леонардом Терновским вступил в группу "Хельсинки", активно участвовал в ее работе, не прекращая деятельность в Рабочей Комиссии по психиатрии.

После ареста Вячеслава Бахмина, 18 февраля 1980 г., Серебров и Терновский (их осталось в Комиссии только двое) сделали такое заявление:

"В связи с арестом Вячеслава Бахмина Рабочая Комиссия заявляет, что работа по выявлению и преданию гласности случаев злоупотребления психиатрией будет продолжена. Необходимость разоблачения репрессивного использования психиатрии зависит не от чьей-то прихоти и произвола, а проистекает из самого факта существования таких злоупотреблений. Прекращение позорного использования психиатрии является поэтому условием и предпосылкой прекращения деятельности Рабочей Комиссии.

*Феликс Серебров
Леонард Терновский".*

Но 10 апреля 1980 г. был арестован и Леонард Терновский. Феликс продолжал работу один. По-прежнему десятки здоровых людей, подвергнутых психиатрическим репрессиям, и сотни психически больных, права которых нарушались, со всех концов страны обращались за помощью в Рабочую Комиссию по психиатрии, и Феликс откликался на каждый зов тех, чьи права были нарушены. В то же время он продолжал оставаться активным членом Московской группы "Хельсинки".

Откуда черпал силы для такой непосильно большой работы этот человек, уже перешагнувший порог пятидесятилетия, страдающий гипертонией, имеющий полный рабочий день на своей профессиональной работе, остававшийся хорошим семьянином и другом многих людей?

Эти силы он черпал в своем непоколебимом осознании чувства гражданского долга, в своем добром сердце, в сознании ответственности каждого за все зло и всю несправедливость в стране.

5 января 1981 г. Феликс подписал документ группы "Хельсинки", документ протеста против необоснованного осуждения Леонарда Терновского ... А 8 января, утром, когда жена уже ушла на работу, в квартире раздался звонок, и представители беззаконной законности увезли Феликса "для допроса". В действительности это был арест, и Феликс не возвратился домой, а был отвезен в Лефортовскую тюрьму.

В отсутствие самого Сереброва и его жены был проведен обыск. В протоколе обыска в качестве присутствующего при обыске члена семьи была указана его теща, восьмидесятилетняя, совершенно слепая и почти полностью глухая женщина. Забрали книги, рукописи, письма, архивы Рабочей Комиссии. Забрали единственное "оружие", которое является с л о в о м — печатным, машинописным, рукописным, свободным и открытым с л о в о м.

За мысль, за слово, за правдивую информацию, за стремление помочь людям будут судить правозащитника Феликса Сереброва, последнего члена Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Приложение: Справка об арестах и осуждения членов Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (1978-1981 гг.).*

25 января 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман, Иван Ковалев.*

* Приложение в данном сборнике не публикуется. — *Ред.*

ПОВТОРНОЕ ОСУЖДЕНИЕ БРАТЬЕВ АЛЕКСАНДРА И КИРИЛЛА ПОДРАБИНЕКОВ

6 января 1981 г. в Якутии осужден по ст. 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй) один из основателей Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — Александр Подрабинец. Приговор — заключение в лагерях сроком на 3 года 6 месяцев и 13 дней.

9 января 1981 г. Липецким облсудом по той же статье осужден к лишению свободы в лагере строгого режима Кирилл Подрабинец.

Оба суда над братьями Подрабинеками — в разных краях страны — проходили, как и все политические процессы последних лет, в условиях нарушения действительной гласности и с нарушением прав подсудимых на защиту. На обоих процессах фактически не исследовались какие-либо конкретные доказательства виновности подсудимых. Все ходатайства подсудимых, направленные на установление действительных обстоятельств, неуклонно судом отклонялись, а доводы назначенных адвокатов, доказывающих отсутствие состава преступления и недоказанность обвинения, — игнорировались судами.

Александр Подрабинец, 1954 г. рождения, фельдшер, в 1977 г. вместе с Вячеславом Бахминым (осужден в 1980 г., находится в заключении), Ириной Каплун (впоследствии из Рабочей Комиссии вышла) и Феликсом Серебровым (арестован 8 января 1981 г.) образовал свободную ассоциацию правозащитников, получившую название "Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях". Эта Рабочая комиссия, в которую вошли впоследствии Леонард Терновский (осужден 30 декабря 1980 г., находится в заключении) и Ирина Гривнина (арестована 16 сентября 1980 г.) вела открыто и легально большую работу по сбору информации о злоупотреблении психиатрией в политических целях и по оказанию помощи узникам совести, заключенным в психиатрические тюрьмы, и их семьям.

На основании материалов о нарушениях прав психически больных, о помещениях людей, не нуждающихся в этом, в психиатрические больницы, и об условиях содержания в психиатрических тюрьмах (так называемых спецпсихбольницах, находящихся в ведении МВД), Александр Подрабинец написал книгу "Карательная медицина", опубликованную на Западе.

Кирилл Подрабинец после демобилизации из Советской армии написал очерк "Несчастные", описывающий в реалистических красках усло-

вия службы в армии. Этот очерк также был передан для опубликования на Западе.

Братья Подрабинеки подвергались систематическим преследованиям. Осенью 1977 г. Александр Подрабинец был вызван в КГБ, где ему предложили выехать в Израиль со всей семьей. Александр категорически отказался. Кирилл и его отец соглашались уехать, но их отказались выпустить без Александра. После этого Александру пригрозили, что если он не согласится уехать, то плохо будет его брату Кириллу.

Угроза была исполнена. 29 декабря 1977 г. Кирилл был арестован по обвинению в хранении оружия и боеприпасов. За это он и был осужден на 2 года и 6 месяцев лишения свободы. Обвинение было явно сфальсифицировано. В качестве огнестрельного оружия фигурировал ... пистолет для подводной охоты; принадлежность Кириллу мелкокалиберных патронов, обнаруженных в служебном помещении, которым пользовалось кроме Кирилла еще несколько человек, ничем доказана не была.

14 мая 1978 г. был арестован и Александр Подрабинец, которого осудили по ст. 190-1 УК РСФСР (заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй) к пяти годам ссылки.

Так расправились власти с братьями Подрабинеками в 1978 г. Однако выпускать их на свободу после отбытия наказания не захотели.

13 июня 1980 г. в Усть-Нере (Якутия), где отбывал ссылку Александр, его арестовали по повторному обвинению по той же статье – 190-1 УК РСФСР.

30 июня 1980 г. кончался срок пребывания под стражей по первому приговору у Кирилла Подрабинека. Но и он не увидел свободы. 24 июня 1980 г., т.е. за 6 дней до освобождения, Кирилла перевели из тюрьмы в следственный изолятор и предъявили ему новое обвинение в систематическом распространении в устной форме (среди заключенных) "клеветнических измышлений" – все та же статья 190-1 УК РСФСР.

И вот повторные суды и новые тяжелые сроки лишения свободы.

Александру Подрабинеку поставлено в вину три эпизода:

1. Изготовление и распространение в июне 1979 г. обращения к Конгрессу США, якобы содержащего ложные измышления в адрес советского строя (на самом деле обращение нигде не распространялось, это был черновик).

2. Продолжение в 1979-1980 гг. работы над произведением "Карательная медицина".

3. Распространение в мае 1980 г. фотокопии с текстом, содержащим антисоветские клеветнические измышления об истории социалистической революции в России.

Лишенный права на полноценную защиту, получивший отказ по всем заявленным в суде ходатайствам, Александр Подрабинец отказался от участия в судебном следствии, однако воспользовался правом произнести последнее слово. В последнем слове Александр привел неотразимо

убедительные доводы необоснованности обвинения. Не имея возможности привести в настоящем документе полный многостраничный текст последнего слова, мы ограничимся цитатами.

Начиная свое последнее слово, Александр сказал:

”Задавшись целью лишить меня свободы, следственные и судебные органы состряпали дело быстро и неумело. Предъявленное мне обвинение нелепо и бездоказательно, а предварительное и судебное следствие изобиловало нарушениями уголовно-процессуального законодательства. Только такое ведение дела позволяет суду осудить невиновного человека”.

Закончил Александр Подрабинек так:

”В последнем слове принято просить суд вынести то или иное решение по делу. Скорее в силу этой традиции, чем в надежде на правосудное решение, я требую оправдательного приговора ввиду отсутствия в моих действиях состава преступления. Я, впрочем, не сомневаюсь, что мера наказания за несовершенно преступление давно уже определена мне, и не Верховным Судом Якутии, а другими, вышестоящими инстанциями. Но какой бы лагерный срок ни был сейчас мне отмерен, у меня остается уверенность, что честные люди вынесут свой приговор по этому делу — оправдательный мне и обвинительный моим нынешним судьям”.

Кириллу Подрабинеку приговором поставлено в вину то, что он ”начиная с мая 1978 г. и по июнь 1980 г. систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, среди осужденных в учреждениях ЯЦ-34-16 и ЮУ-323-ст. 2”.

В приговоре приведены высказывания Кирилла, признанные судом клеветническими:

”Подрабинек в явно искаженном тенденциозном виде говорил, что в Советском Союзе отсутствует демократия, свобода слова, печати, собраний. Конституцию СССР называл фикцией; утверждал, что члены Коммунистической партии Советского Союза являются эксплуататорами народа, что выборы в государственные органы не свободные; права евреев в СССР нарушаются, что СССР является колониальной державой, в которой евреи, казахи и другие народы занимают угнетенное и бесправное положение.

Подрабинек оскорбительно и клеветнически отзывался об основателе КПСС и Советского государства В.И. Ленине и об одном из руководителей нашего государства”.

Кирилл, не признавая себя виновным, утверждал, что свидетели — отбывающие наказание уголовники, дают ложные показания. Кирилл заявил ходатайство о вызове 20-ти свидетелей заключенных, находившихся с ним в одной камере длительное время. Это ходатайство судом было отклонено.

Ссылка Кирилла Подрабинека на то, что свидетели — заключенные, находящиеся в зависимости от администрации мест заключения, дают ложные показания, нашла себе некоторое подтверждение в судебном заседании. Свидетель заключенный Филимонов в суде отказался подтвердить показания, данные им на предварительном следствии, заявив, что он давал ложные показания под влиянием администрации. Свидетель Филимонов заявил в суде, что на предварительном следствии давал показания "под страхом пресс-камеры".

На вопросы судьи Филимонов ответил, что все заключенные знают о существовании специальных камер, называемых в тюремном быту "пресс-камерами" или "пресс-хатами", в которых специально подобранные уголовники по указанию администрации избивают и уродуют неугодных администрации заключенных. Филимонов показал, что о таких избиениях он слышал от сокамерников Абдулаева и Мошкина, которых видел после избиения.

Это уже не впервые свидетели-заключенные в суде отказываются от показаний, данных на допросах в тюрьме под страхом репрессий (например, дело Мустафы Джемилева в 1976 г. в Омске, где единственный свидетель заключенный Дворянский заявил в суде, что при допросах в тюрьме его вынудили под страхом дать показания против Джемилева. Но и Джемилев был осужден и впоследствии был осужден Дворянский к дополнительному сроку наказания).

Кирилл Подрабинец осужден. Естественно возникает тревога за судьбу Филимонова.

Независимо от допущенных в предварительном следствии и в судах процессуальных нарушений, независимо от недоказанности обвинений братьев Подрабинеков, — из самих приговоров видно, что они осуждены только за свободное высказывание устно (Кирилл) или письменно (Александр) своих суждений и убеждений, которые не могут являться *заведомо для них ложными*, т.е. они осуждены при отсутствии в их действиях состава преступления.

Такое осуждение особенно трагично потому, что и Кирилл и Александр еще при отбывании первого наказания получили тяжкие заболевания. Александр в условиях суровой ссылки перенес тяжелый гепатит, который перешел в хроническую форму, Кирилл заболел в тюрьме туберкулезом легких. Вследствие позднего установления диагноза и неполноценного лечения процесс (туберкулезный) развивается, и в настоящее время у Кирилла диагностирован "очаговый туберкулез правого легкого в стадии инфильтрата".

Мы призываем глав правительств государств, подписавших Хельсинкские соглашения, и советскую и мировую общественность поднять голос в защиту свободы и жизни братьев Подрабинеков.

29 января 1982 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

АРЕСТ В. БРАЙЛОВСКОГО И РАЗГОН НАУЧНОГО СЕМИНАРА ОТКАЗНИКОВ

13 ноября 1980 г. арестован Виктор Браиловский, ученый, кандидат наук, секретарь научного семинара евреев-отказников, в течение многих лет не получавший от властей разрешения на выезд в Израиль. Браиловскому предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР, предусматривающей наказание до трех лет исправительно-трудовых лагерей. С момента ареста прошло почти три месяца, но нет никаких данных о ходе следствия и состоянии здоровья Браиловского.

Сразу после ареста Браиловского власти сделали невозможной дальнейшую работу семинара, который последние три года проходил на квартире Браиловского – без всякого объяснения участники семинара не допускались в квартиру милицией и лицами в штатском.

Научный семинар существовал с 1972 года, являясь для многих его участников единственной формой научного общения и международного научного сотрудничества. За восемь лет кроме регулярных воскресных семинаров было проведено четыре международных сессии, с участием ученых из многих стран, в том числе и Нобелевских лауреатов. Последняя международная сессия состоялась в апреле 1980 года, в ее подготовке активное участие принимал Виктор Браиловский. Несколько западных ученых при получении визы на въезд в СССР указали, что целью их поездки является участие в семинаре; получение ими виз было по-существу официальным признанием семинара, вся деятельность которого соответствовала духу Соглашений в Хельсинки. За время, прошедшее с апрельской международной сессии, ничто не изменилось в характере работы семинара. Арест Виктора Браиловского и закрытие научного семинара являются показателями изменения отношения властей к Хельсинкскому Соглашению и нарушением Хельсинкского Акта.

6 января 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

ДЕЛО ОКСАНЫ ЯКОВЛЕВНЫ МЕШКО

5-6 января 1981 г. в Киеве состоялся суд над известной киевской правозащитницей, одной из основательниц Украинской группы "Хельсинки" Оксаной Мешко. Она осуждена по ч. 1 ст. 62 УК Укр. ССР (ст. 70 УК РСФСР). Приговор — 6 мес. лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. Шесть месяцев лишения свободы Мешко уже отбыла в период предварительного следствия. Сейчас она будет отправлена в ссылку по этапу. Ольга Яковлевне 75 лет, она больная — сердечница, а в предварительном заключении она перенесла гнойный плеврит.

Единственный сын Мешко после семи лет пребывания в лагерях (по ст. 70 УК РСФСР) в настоящее время находится в ссылке в Хабаровском крае. Других трудоспособных близких родственников у нее нет. Таким образом, старую, больную женщину власти бесчеловечно обрекли на одинокое существование в тяжелых условиях далекой ссылки.

Ольга Яковлевна Мешко на протяжении ряда лет систематически подвергалась преследованиям властей за свою правозащитную деятельность (обыскам, допросам, кратковременным задержаниям, постоянной слежке). До окончательного ареста 14 октября 1980 г., Мешко летом 1980 г. была противозаконно помещена милицией в психиатрическую больницу. Свидания, записки и передачи были ей запрещены. 25 августа 1980 г. Мешко выписали из больницы, но следствие по ее делу продолжалось. 13 октября сотрудниками КГБ в ее доме был произведен обыск. 14 октября она была вызвана повесткой КГБ на допрос и домой не вернулась — снова помещена в психиатрическую больницу. В декабре стало известно, что Мешко признана экспертизой вменяемой и переведена в следственную тюрьму.

Мы не имеем полной информации о том, что именно инкриминировалось О.Я. Мешко, так как суд был практически закрытым и даже близким родственникам не сообщили о времени и месте судебного заседания.

Нам известны высокие моральные и человеческие качества О. Мешко. Это честный, правдивый, бескорыстный человек, противник любых насильственных мер, чьим оружием было лишь свободное слово и доброе сердце, и чья деятельность была направлена лишь на сбор и распространение правдивой информации о нарушении прав человека в СССР и на помощь людям.

Итак, еще одна жертва репрессий властей против попыток воспользоваться декларированными Конституцией СССР правами и свободами обречена на бесчеловечное и угрожающее жизни наказание.

* * *

Мы обращаем внимание участников Мадридского совещания и международной общественности на трагическую судьбу Оксаны Мешко и призываем поднять голос протеста против очередной судебной расправы.

7 февраля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

О ЖЕНЩИНАХ — УЗНИЦАХ СОВЕСТИ

Тяжела судьба всякого, заключенного в тюрьмы и лагеря, и ссыльного. Особенно тяжела судьба политзаключенного, человека, лишенного свободы за мысль, за слово, за ненасильственную борьбу за права человека, за стремление помочь людям.

Но труднее всего женщинам — узницам совести.

Сегодня, когда в нашей стране готовится формальное празднование Международного женского дня, когда официальные средства массовой информации воспевают "счастливую жизнь" советской женщины, — мы думаем о десятках наших матерей, дочерей, жен и сестер, которые томятся в лагерях и ссылках, и о которых не проникает ни одно слово ни в наши газеты, ни в радио и телепередачи.

Мы вспоминаем Екатерину Петровну Алешину, ей сейчас уже 73 года, уже более 8-ми лет она отбывает наказание в Мордовском лагере строгого режима лишь за то, что верила в Бога и хотела говорить и жить в соответствии со своей верой (Истинно Православная Церковь).

Мы думаем о верующих Волковой Анастасии, Волковой Клавдии, Кульдышевой Глафире, Попович Оксане, Семеновой Марии, Усовой Надежде, Хвотковой Александре, Соколовой Татьяне — отбывших семилетнее заключение и находящихся теперь в ссылке (ИПЦ).

Нас волнует судьба адвентисток: Марии Зинец, Галины Асташовой, Лидии Миленко, Нины Авчаренко и Валентины Запорожец; баптисток: Галины Вильчинской, Надежды Ивановой, Любви Косачевой, Надежды Быковой, Тамары Быстровой, Ольги Никора, Веры Сидоровой, Надежды Сидоровой, Елены Тиссен, Маргариты Эпп, Галины Юдинцевой; католичек: Виткаускайте Оны, Навицкайте Гено; униатки Ковальской.

Наши сердца всегда с правозащитниками, мужественными женщинами, открыто выступавшими с правдивым свободным словом, только в этом "виновными", находящимися в лагерях и ссылках или ожидающими суда в Лефортовской тюрьме. Татьяна Великанова, Мальва Ланда, Оксана Мешко, Ольга Матусевич, Ида Нудель, Татьяна Осипова, Ирина Гривина — эти имена широко известны.

Бессрочно заключены в психиатрические тюрьмы Евгения Ерыгина, Зита Кирснаускайте, Вера Липинская, Ольга Ножаков, Анна Черткова, Шевченко, Любовь Штейн.

По имеющимся у нас сведениям 62 женщины — узницы совести находятся на сегодняшний день в лагерях, ссылке и спецпсихбольницах (список прилагается)*. Этот список — наверное неполный. Возможно, в нем

* В данном выпуске приложение не публикуется. — *Ред.*

есть неточности и ошибки. Неимоверные трудности в получении информации лишают нас возможности расширить и уточнить список женщин – узниц совести. Мы с благодарностью примем и учтем всякую информацию. Но и то, что мы знаем – ужасно. 62 женщины. Молодых и старых (Оксане Мешко 75 лет, Людмила Крылова была арестована в 1979 году, когда ей было 19 лет). Одиноких и имеющих детей. Известных и никому неизвестных. А скольких мы еще не можем вообще назвать?

В течение последних лет проводилось несколько гласных и негласных амнистий для женщин. Но ни одна из этих амнистий не освободила ни одной узницы совести, ни одной, осужденной за веру в Бога или за правозащитную деятельность.

Мы убеждены в незаконности самих арестов и осуждений этих женщин. Но, не надеясь добиться гласного пересмотра всех этих дел и оправдания невинно осужденных, мы ограничиваемся требованием полной амнистии для всех женщин-политзаключенных и политссыльных и освобождения из психиатрических тюрем женщин-верующих.

Мы обращаемся к главам всех государств, подписавших Хельсинкский Акт, ко всем международным женским организациям, ко всей международной общественности с просьбой – поддержать наше требование амнистии.

1 марта 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ ЕВСЮКОВЫХ

Евсюков Серафим Дмитриевич, 1928 г.р., бывший штурман гражданской авиации, со стажем более 25 лет, получающий пенсию и работавший инженером в аэропорту "Домодедово", в 1978 г. обратился в Президиум Верховного Совета СССР и в ЦК КПСС с заявлением об отказе от советского гражданства и с просьбой разрешить ему с семьей выезд из СССР.

На эти заявления, так же как и на многочисленные заявления, посланные в последующие годы, Евсюков ни одного ответа не получил.

В 1979 г. начались преследования семьи Евсюкова. Его вызывали в КГБ, требовали, чтобы он подписал объявленное ему "предостережение" об отказе "от антиобщественной деятельности", вменяя ему "попытку проникнуть в иностранное посольство и ведение антиобщественных бесед". Евсюков подписать "предостережение" отказался. После этого начались преследования по работе: необоснованные лишения премии, выговора и т.д. В сентябре 1979 г. его уволили под предлогом сокращения штатов. До сих пор Евсюков не может добиться ни восстановления на работе, ни предоставления ему другой работы.

Дочь Евсюкова — Людмила, 1961 г.рождения, работала библиотекарем в школе, которую она в 1978 г. окончила, и училась на заочном отделении Областного Педагогического института. Весной 1980 г. руководство школы потребовало от нее осудить намерение отца покинуть СССР. Однако дочь поддержала отца и заявила, что она также хочет выехать из СССР. После этого она была исключена из комсомола, исключена из института, а затем, в сентябре 1980 г., уволена с работы в школе.

Когда сыну Евсюкова, Серафиму, 1962 г. рождения, исполнилось 18 лет, он 26 марта 1980 г. послал заявления Министру Обороны, в Президиум Верховного Совета СССР и на имя Брежнева — с просьбой освободить его от службы в армии. Он писал:

"... мы третий год ходатайствуем о выезде за границу. Служба в армии усложнит выезд".

Ответа, как обычно, не последовало. В мае 1980 г. он получил повестку о призыве в армию, на призывной пункт не явился, был арестован, и 22 июля 1980 г. осужден по ст. 80 УК РСФСР (уклонение от призыва на военную службу). Несмотря на то, что на суде Серафим заявил, что он

отказывается служить в армии лишь до момента получения ответов на посланные им заявления в Верховный Совет и Председателю Верховного Совета Л.И. Брежневу — суд признал его виновным и приговорил к лишению свободы на два с половиной года. В последнем слове на суде Серафим просил назначить ему наказанием — высылку из СССР. Сейчас он отбывает наказание в лагере: 665548, Иркутская обл., Чунский район, пос. Октябрьский УК-272/23-7-11.

17 января 1981 г. родители Серафима и его сестра приехали в лагерь на свидание с ним. Получив разрешение на свидание "после окончания карантина по гриппу", они решили не уезжать (стоимость дороги в Чуну и обратно для них непосильна) и ожидать окончания карантина в поселке около лагеря. В дневное время семья Евсюковых гуляла вблизи от лагеря вокруг зоны, надеясь хотя бы издали увидеть Серафима. Пребывание вблизи лагеря не нарушает закон. Несмотря на это, офицеры охраны препятствовали пребыванию Евсюковых вблизи лагеря. Им сначала угрожали ("уходите, а то спустим на вас собак"), потом перешли к действиям.

16 января 1981 г. охранник по приказу офицера охраны с расстояния около 2 метров произвел выстрел прямо над головами Евсюковых. На другой день охранники около зоны повалили Евсюковых на землю и пытались волоком оттащить их. В тот же день все трое Евсюковых были задержаны милицией, доставлены в прокуратуру, а затем помещены в КПЗ милиции, где их продержали в камерах более трех суток. И прокурор и начальник милиции угрожали Евсюковым привлечением к уголовной ответственности по ст. 190-3 УК РСФСР (групповые действия, нарушающие общественный порядок) и по ст. 206 УК РСФСР (хулиганство).

Во время пребывания Евсюковых в КПЗ на квартире, где они остановились, был произведен негласный обыск (без ордера), при котором изъяты письма и личные документы. Евсюковы писали жалобы на действия охраны лагеря, милиции и прокуратуры во всевозможные инстанции, но ответов не получили. После освобождения из КПЗ Евсюковым сообщили, что Серафим помещен в штрафной изолятор, разрешение на свидание отменяется, и свидание будет разрешено только в сентябре 1981 г. (по закону родственники имеют право на два личных свидания в год — в лагере общего режима).

Возвратившись домой, Евсюковы из письма Серафима узнали, что он содержался в штрафном изоляторе 30 суток, что он писал жалобы, письма, ответов не получил, но его вызвал "для беседы" приезжавший в лагерь начальник Иркутского областного КГБ.

* * *

Судьба семьи Евсюковых — лишь один из примеров того, как преследуются в СССР люди (и целые семьи) лишь за одну попытку воспользо-

ваться правом на выезд из своей страны, правом, четко записанным в статье 13 Всеобщей Декларации прав человека и в ст. 11 Пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Советским Союзом 18 сентября 1973 г.

23 марта 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев.*

АРЕСТ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

17 марта 1981 г. в Москве по постановлению Следственного Отдела Владимирского Областного УКГБ арестован известный правозащитник Анатолий Тихонович Марченко.

Анатолий Марченко родился в 1938 г. в г. Барабинске (Сибирь) в рабочей семье. После окончания 8-го класса школы работал на комсомольских стройках в Сибири. В первый раз был арестован в возрасте 19-ти лет. Второй раз был арестован в 1960 г. за попытку перехода границы по ст. 64 УК РСФСР (измена родине), несмотря на то, что никаких признаков измены родине материалами дела не было установлено, и он мог нести ответственность только по ст. 83 УК РСФСР ("незаконный выезд за границу"). Именно по этой статье и был осужден его товарищ, с которым они вместе пытались перейти границу. Однако Анатолий получил наказание — 6 лет заключения в политлагерях — по ст. 64.

В 1966 г. он освободился по окончании срока наказания и с тех пор постоянно преследовался властями.

Рабочий по профессии, литератор по призванию Марченко открыто выступал в защиту гражданских и политических прав. Он автор двух документальных работ: "Мои показания" и "От Тарусы до Чуны" и ряда публицистических статей и писем (о положении в политлагерях, о событиях 1968 г. в Чехословакии, об экономическом и политическом положении советских рабочих, о разрядке, письмо академику Капице по поводу ссылки Сахарова и т.д.).

Работы Анатолия Марченко распространялись в самиздате, а затем публиковались за рубежом.

Открытое, свободное слово Анатолия Марченко, его противостояние злу, несправедливости и насилию вызвали систематические преследования мужественного и бескомпромиссного правозащитника. С 1968 г. у него произведено не менее 15-ти обысков, на которых изымались рукописи, черновики и планы задуманных работ, личная переписка, записные книжки, дневниковые записи и т.п. Обыски по его последнему месту жительства были произведены в марте 1980 г. (по делу Мальвы Ланда), в октябре 1980 г. и 17 марта 1981 г. (в день ареста). В этот день обыски были произведены и в Москве у родственников жены Марченко — Ларисы Богораз — т.е. у Александра Даниэля и Екатерины Великановой, а также в г. Струнино у бывшего политзаключенного Е. Пашнина. В этот

же день и был арестован Анатолий Марченко у дома своего тестя И.А. Богораз.

Это уже шестой арест. За период жизни с 19 лет и до сегодняшнего дня, когда Анатолию исполнилось 43 года, он провел в заключении и ссылке 15 лет и только 9 лет на свободе и то из них 2 года под гласным административным надзором.

В 1974 г. Анатолий Марченко намеревался эмигрировать в США (по приглашению руководителя профсоюза учителей), но в ОВИРе получил отказ в разрешении на выезд; при этом ему было сказано: "Уезжайте к родственникам жены в Израиль". Анатолий отказался от такой фальсификации мотивов своего отъезда, и был тогда в очередной раз арестован.

1 апреля 1980 г. Анатолий был вызван в районное управление КГБ в г. Александрове, где ему предложили немедленно уезжать из страны, угрожая в противном случае арестом: "У вас считанные дни остались", — сказали ему. Марченко отказался покинуть страну по принуждению властей. И вот через год — угроза осуществлена. Анатолий арестован.

Что именно ему вменено в вину (какое предъявлено обвинение) — мы не знаем. Судя по постановлению на производство обыска, против Анатолия Марченко следственным отделом УКГБ Владимирской обл. (начальник следственного отдела Плешков) 16 марта 1981 г. возбуждено дело № 41 по обвинению "в изготовлении и хранении антисоветской и клеветнической литературы". Отсюда следует вывод, что обвинение предъявлено по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и это грозит Анатолию многолетним заключением.

Сейчас следствие ведет следователь Владимирского КГБ Кривов. Анатолий содержится во Владимирском следственном изоляторе (тюрьме) КГБ.

У Анатолия Марченко есть жена и 8-летний сын. Будучи лишен права жить в Москве, в квартире жены, последние два с половиной года он жил в пос. Карабаново, где работал оператором газовых котельных. Одновременно он своими руками строил дом для своей семьи. Несмотря на то, что его здоровье подорвано многолетним пребыванием в тюрьмах, лагерях и ссылке (перенесенный менингит, потеря слуха, заболевание кишечника), он всегда и всюду работал, являясь рабочим не только по роду занятий, но и по внутреннему самосознанию.

И вот он снова арестован, оторван от семьи, от друзей. Начинается 16-й год его неволи ...

Повторяем: мы не знаем, какое именно конкретное обвинение заготовлено для Анатолия Марченко, но мы знаем его и его жизнь. Мы знаем этого мужественного, честного, бескомпромиссного, много страдавшего человека. Мы убеждены, что только стремление к охране свобод и прав человека, только высокий нравственный уровень, чуткая совесть

и отзывчивое на чужую беду сердце были побудительными мотивами его действий. Мы знаем, что будучи противником всякого насилия, он противостоял злу словом и только словом. Анатолий Марченко принадлежит к лучшим людям нашей эпохи. За это и только за это он преследуем властями.

Обращаясь к главам всех государств, подписавших Хельсинкский Акт, к советской и международной общественности, мы призываем: сделайте все возможное для возвращения свободы Анатолию Марченко.

30 марта 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев.*

ОСУЖДЕНА ТАТЬЯНА ОСИПОВА

“Я считаю защиту прав человека делом своей жизни”.

(Суд над Татьяной Осиповой)

31 марта – 2 апреля 1981 г. в Москве в здании районного суда Люблинского р-на проходил суд над членом Московской группы “Хельсинки” Татьяной Осиповой. Председатель суда – судья Лубенцова, прокурор – зам. Генерального Прокурора СССР советник юстиции Поляков, защитник – адвокат Швейский.

Осипова обвинялась по ст. 70 УК РСФСР (“антисоветская агитация и пропаганда”). Обвинение инкриминировало Осиповой хранение, изготовление и распространение ряда документов группы “Хельсинки” (документы №№ 49, 55, 58, 63, 69, 70, 85, 93, 100, 119); авторство совместно с В. Некипеловым публицистических очерков “Опричнина”, черновика письма к Конгрессу США в связи с предстоящей ратификацией договора ОСВ-2 (в соавторстве с А. Подрабинком); обращение в связи с 40-летием пакта Молотова – Риббентропа; письма “О тех, кто попустительствует международному разбою и сохраняет твердость в борьбе с мыслью”; изготовление Информационного бюллетеня Инициативной Группы защиты прав инвалидов в СССР № 8 и “Хроники текущих событий” № 54; хранение с целью распространения книг “Технология власти” Авторханова, “Архипелаг ГУЛАг” Солженицына, рукописи А. Шатравки “Если ты болен свободой или репортаж из желудка людоеда”, двух номеров журнала “Посев”, письма НТС “Это моя страна” и обращение НТС “Реши по совести”, двух номеров журнала “Континент” и “Хроники текущих событий” №№ 33, 34, 40, 43-52.

Осипова в своем заявлении суду после зачитания обвинительного заключения сказала, что ее судят в основном за участие в группе “Хельсинки” и что ни она лично, ни группа никогда никакой антисоветской деятельности не занимались, и поэтому виновной она себя не признает. Она сказала также, что сегодня судят фактически всю группу “Хельсинки”.

Перед судом прошли 5 свидетелей: трое – мать, отчим и бабушка – говорили в основном о том, что они воспитывали Таню в советском духе, и что она “попала на скамью подсудимых под чуждым влиянием”; врач-психиатр из Днепропетровской спецбольницы Буткевич сообщила суду, что она не знает случаев помещения в психиатрические больницы здоровых людей; заместитель председателя колхоза “Россия” (село “Ильинка”) Желтов говорил, что права колхозников не нарушаются. Были зачитаны также показания еще пяти свидетелей, не явившихся в суд. Один из них, Виктор Чамовских, был единственным свидетелем,

давшим показания о распространении Осиповой литературы, да и то — одной-единственной книги, которую он взял из шкафа сам без спросу.

Прокурор в своей речи говорил, что не существует никакой группы "Хельсинки"; просто "так называемые инакомыслящие", выполняющие социальный заказ "подрывных центров", прикрывают этим названием свою грязную деятельность; он особо отметил нравственную чистоту следователей по делу Татьяны Осиповой. Прокурор требовал у суда наказания для Татьяны Осиповой 5 лет лагеря общего режима и 3 года ссылки.

Адвокат сказал, что он не находит состава преступления в деятельности Татьяны Осиповой, но даже если стать на точку зрения обвинения, то он бы считал, что обвинительное заключение не соответствует содержанию ст. 70, и может быть квалифицировано только по ст. 190-1 УК РСФСР.

Несмотря на то, что в зале были свободные места (8 из 30), никто из друзей Осиповой в зал допущен не был. В первый день суда пытались не пустить и мужа Осиповой Ивана Ковалева. Его обыскивали утром, когда он приходил в суд, и после каждого перерыва. В первый день у него были отобраны букет цветов и магнитофон; было запрещено вести записи. Судья запрещала ему и Осиповой улыбаться друг другу, заявив, что такое поведение безнравственно.

В ходе всего процесса Осипову перебивали и не давали высказать свою мысль до конца — так было и в первый день, когда ей не дали полностью зачитать свое заявление суду, и во второй, когда ее практически лишили последнего слова. Все ее ходатайства, поддержанные адвокатом, судом были отклонены, в том числе и ходатайство о приобщении к делу ее заявления, которое ей не позволили зачитать полностью.

В своем последнем слове Осипова сказала: "Я считаю защиту прав человека делом своей жизни, потому что нарушения этих прав приносят человеческие трагедии". "Что вы просите у суда", — перебила судья. "Я ничего не прошу", — ответила Таня Осипова. После этого судьи сразу же поднялись и вышли из зала, лишив Осипову возможности закончить последнее слово.

Приговор — 5 лет лагеря общего режима с последующей 5-летней ссылкой.

2 апреля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

АРЕСТ АНАТОЛИЯ КОРЯГИНА

13 февраля 1981 г. во время поездки из Харькова в Москву в Белгороде арестован врач-психиатр, кандидат медицинских наук Анатолий Иванович Корягин (1938 г.р.). После окончания медицинского института с 1963 года Корягин работал психиатром, защитил диссертацию по вопросам лечения шизофрении, к моменту ареста работал врачом Харьковского областного психоневрологического диспансера.

С 1979 г. А.И. Корягин начал сотрудничать в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в качестве врача-консультанта. По поручению Комиссии он проводил обследования и экспертизы лиц, подвергавшихся психиатрическим репрессиям по политическим мотивам, давал заключения об их психическом состоянии. Одно из последних заключений было сделано после обследования шахтера Никитина, содержавшегося ранее в течение нескольких лет в психиатрической больнице. Корягин признал его психически здоровым. Однако Никитин, несмотря на протесты Рабочей Комиссии, был вновь помещен в психиатрическую больницу.

С начала своей деятельности в качестве врача-консультанта при Рабочей Комиссии А. Корягин подвергался систематическим преследованиям со стороны администрации по месту работы и органов КГБ. В декабре 1979 г. без объяснения причин и без санкции прокуратуры А. Корягин был задержан и подвергнут личному обыску на вокзале г. Харькова. В сентябре 1980 г. на квартире Корягина был произведен обыск работниками Харьковского УКГБ якобы по делу Зинченко, с которым Корягин не был знаком и никогда не встречался. На обыске были изъяты рукописи научных работ, личные письма, черновые записи обследования больных. После обыска последовал вызов в КГБ для допроса. Корягин отказался от дачи показаний.

5 февраля на работе у Корягина в его отсутствие состоялось собрание сотрудников диспансера для обсуждения его характеристики по запросу Прокуратуры. Коллеги Корягина осудили его участие в деятельности Рабочей Комиссии, квалифицировав ее как "враждебную государству". 13 февраля 1981 г. последовал арест, а 18 февраля – повторный обыск на квартире Корягина, во время которого следователь Мурзин неофициально (устно) сообщил, что против Корягина возбуждено уголовное дело по ст. 62 УК Укр. ССР (ст. 70 УК РСФСР), однако в протоколе обыска это указано не было.

В настоящее время А. Корягин содержится в следственной тюрьме в Харькове. Следователь Сидельник В.А., ведущий его дело, отказывается официально сообщить жене по какой статье УК ее мужу предъявлено обвинение.

После ареста Корягина пожилая его мать 68 лет, потерявшая мужа во время Великой Отечественной войны, три малолетних (3 года, 10 лет, 13 лет) сына и жена разлучены с сыном отцом и мужем, единственное "преступление" которого состоит в том, что он использовал свои профессиональные знания и опыт врача-психиатра в борьбе против психиатрических репрессий.

Арест Корягина окончательно пресекает гуманную, легальную общественную деятельность Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и вызывает опасение, что власти стремятся вновь широко использовать психиатрические преследования по политическим мотивам.

Приложение: Открытое заявление Корягина, составленное им на случай ареста.*

5 апреля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

Присоединяемся:

Ф. Кизелов.

* В данном сборнике не публикуется. — *Ред.*

НА УКРАИНЕ АРЕСТОВАН ИВАН КАНДЫБА

24 марта 1981 г. в с. Пустомыты Львовской обл. вновь арестован Иван Алексеевич Кандыба.

В 1961 г. Иван Кандыба вместе с Левко Лукьяненко и др. был осужден по обвинению в измене родине за создание независимого Украинского рабоче-крестьянского союза, основным требованием которого было проведение референдума среди украинского населения по вопросу об отделении Украины от СССР. Назначенное судом наказание — 15 лет заключения в лагерях — Кандыба отбыл полностью, был освобожден в 1976 г. и поселен в с. Пустомыты Львовской обл. под гласным административным надзором, который постоянно (19 раз!) продлевался до момента его ареста. Являясь по образованию и профессии юристом, Кандыба был лишен работы по специальности и вынужден был работать кочегаром, слесарем по ремонту швейных машин и т.п.

Иван Кандыба и Левко Лукьяненко вступили в Украинскую группу "Хельсинки" с момента ее основания в 1977 г. В том же году Л. Лукьяненко был арестован и вновь осужден (по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР) к 10 годам лишения свободы и 5 годам ссылки, а Кандыба продолжал заниматься правозащитной деятельностью и постоянно подвергался преследованиям властей: незаконным задержаниям, обыскам, вызовам на "беседы" в КГБ, клеветническими нападкам местной прессы.

Так, например, в сентябре 1977 г. он был доставлен на "беседу" к начальнику Львовского областного КГБ Полудень, который предложил ему право жить во Львове и работать по специальности в обмен на публичное покаяние, выход из группы "Хельсинки" и осуждение ее деятельности, на что Кандыба не согласился. Позже начальник районного УКГБ капитан Полишук неоднократно вызывал Кандыбу, требовал прекратить "антиобщественную деятельность", выйти из группы "Хельсинки", прекратить переписку с политзаключенными, угрожая в противном случае возбуждением уголовного дела.

В областной Львовской и районной прессе неоднократно публиковались клеветнические материалы о Кандыбе. В частности, газета "Ленинский прапор" от 3 августа 1978 г. опубликовала статью, в которой указывалось:

"...Кандыба не прекращает своей грязной деятельности. Он пишет письма в разные организации и инстанции, ... заодно старается начинить эти жалобы националистическим фаршем. В этом отношении он брал ответственные консультации у таких изменников советского народа, как Сахаров, Буковский, Орлов, Руденко, Тихий и другие".

Комментарии излишни!

Иван Кандыба неоднократно пытался получить разрешение на выезд из СССР, но ему отказывали. В частности, летом 1978 г. он получил вызов в США от своей двоюродной сестры. В ноябре его вызвали по этому поводу к заместителю прокурора Львовской области по надзору за КГБ Руденко. Прокурор и два присутствующих сотрудника КГБ дали понять, что они недовольны тем, что Кандыба получил вызов.

Гласный административный надзор и различные преследования продолжались до момента ареста.

Мы лишены возможности получить информацию о том, какое именно обвинение предъявлено Ивану Кандыбе. Но мы убеждены, что ничего противоречащего Конституции СССР и ничего противозаконного И. Кандыба совершить не мог.

И вот человек, который провел 15 лет в заключении только за свое несогласие с официальной внутренней политикой властей, снова арестован, снова в тюрьме и ожидает заранее predetermined приговора.

6 апреля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев.*

СУД НАД ГЕНРИХОМ АЛТУНЯНОМ

С 26 по 31 марта 1981 г. в Харьковском городском суде слушалось дело Генриха Алтуняна по ст. 62 УК Укр. ССР ("антисоветская агитация и пропаганда" – ст. 70 УК РСФСР).

Генрих Ованесович Алтунян (1933 г.р.), в прошлом преподаватель Харьковского Высшего авиационного инженерного училища, радиоинженер по образованию, майор ВВС, в 1968 г. был исключен из рядов КПСС, демобилизован из армии и уволен с работы (якобы по несоответствию занимаемой должности) за свободные высказывания и суждения, не совпадающие с официальными советскими доктринами.

В 1969 г. Генрих Алтунян стал одним из членов-основателей Инициативной группы защиты прав человека в СССР – первой правозащитной общественной ассоциации в Советском Союзе, подписав документ от 20 мая 1969 г. о принципах работы Группы.

С 1968 г. он работал инженером, а в 1969 г. был арестован и осужден по ст. 187-1 УК Укр. ССР (ст. 190-1 УК РСФСР) к трем годам заключения в лагерях. В тот же период и по той же статье были осуждены друзья Алтуняна – Недобора, Пономарев и Левин.

После отбытия наказания Алтунян работал на Харьковском комбинате кинофикации наладчиком аппаратуры, жил с семьей (тяжело больные родители, жена, двое детей), общался с друзьями.

В 1980 г. в Харькове расследовалось дело А. Зинченко по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В результате противоречивых и недостоверных показаний обвиняемого Зинченко и свидетеля по его делу Анцупова о якобы антисоветских высказываниях Алтуняна 16 декабря 1980 г. последний был арестован. По приговору суда Алтунян признан виновным в устной антисоветской агитации и пропаганде, в хранении и распространении книг и других материалов, которые суд считает антисоветскими.

Ему вменено в вину:

- что в январе 1975 г. в разговоре со своим родственником Косулиным он назвал ввод войск в Чехословакию в 1968 г. оккупацией, говорил, что в СССР нет истинного социализма;

- что в 1977 г. в разговоре с врачом-психиатром Гриценко по поводу принудительной госпитализации Воровского он говорил о случаях содержания в психиатрических больницах здоровых людей и о нарушениях в СССР прав человека;

- что в беседах с А. Зинченко обсуждал ввод советских войск в Афганистан, говорил о несоблюдении отдельных статей Конституции СССР, о незаконной высылке академика Сахарова;

– что он хранил и распространял книги, статьи, стихи и фотографии, которые суд считает криминальными. Например, "Архипелаг ГУЛаг" Солженицына, "Живая история" Карякина, "Куль личности в биологической науке" Жореса Медведова, "Хроника текущих событий" № 49, стихи Высоцкого, Руденко, Некипелова, фотографии Сахарова, Солженицына и др. "антисоветчиков".

В суде Алтунян заявил, что он не скрывал своих убеждений, взглядов, оценочных суждений, но не считает их антисоветски направленными. Алтунян не согласился и с тем, что его действия были направлены на подрыв основ советского строя и государственного порядка. При этом он опровергал показания свидетелей обвинения, которые трактовали его высказывания именно таким образом. Он также отрицал криминальность содержания книг, статей и других материалов, вмененных ему обвинением.

Несмотря на очевидное отсутствие состава преступления в действиях Алтуняна суд приговорил его к 7 годам заключения в лагерях и 5 годам ссылки.

Из самого текста приговора совершенно ясно, что Алтунян не совершил никакого уголовного преступления, и сурово осужден только за свободную мысль, за свободное слово, за книгу.

В своем последнем слове Алтунян сказал, обращаясь к судьям и прокурору:

"Сегодня по доносу судят меня, завтра – моих друзей, а послезавтра – вас. Это очень опасное начинание.... Это фактически суд над мыслью и книгой: с книгами можно бороться только книгами, а не дубинками и решеткой".

Осуждение Генриха Алтуняна свидетельствует об усилении преследований всех инакомыслящих в СССР.

7 апреля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

АРЕСТ МИХАИЛА ЗОТОВА

В конце января в г. Тольятти арестован рабочий молокозавода, художник-любитель Михаил Васильевич Зотов (1923 г.р.). У Зотова нет близких родственников и неполные сведения об обстоятельствах его ареста получены нами недавно.

М. Зотов родился в 1923 г. в семье немцев Поволжья. В 1941 г. 17-летний Михаил вместе с братом и матерью оказались в ссылке, где он в тяжелых условиях так называемой "трудовой армии" начал работать. С большим трудом ему удалось добиться призыва в действующую армию, после чего он попал на фронт, получил два ранения и стал инвалидом Великой Отечественной войны. По окончании войны он много лет работал на "Куйбышевгидрострое". В местной прессе о нем писали как об одном из лучших фрезеровщиков. Впоследствии, в связи с ухудшением состояния здоровья, он перешел работать на молокозавод в г. Тольятти, где выполнял обязанности художника-оформителя, где и работал до дня ареста.

С ранней юности Зотов увлекался живописью и к моменту ареста создал более 100 полотен. На протяжении ряда лет он добивался организации в г. Тольятти выставки своих произведений, но, несмотря на то, что его просьбы были поддержаны сотнями рабочих, ему было отказано под предлогом несоответствия тематики его картин задачам советского изобразительного искусства.

Равнодушие официальных инстанций и их неспособность должным образом обеспечивать и защищать права граждан привели его в ряды правозащитников.

Он близко познакомился с некоторыми известными советскими правозащитниками, стал подписывать протесты против незаконных репрессий и других нарушений прав человека в СССР, публиковал критические статьи в Самиздате, в результате чего начал подвергаться регулярным преследованиям властей (обыски, задержания, помещения в психиатрические лечебницы) и был арестован в конце января 1981 г.

Прокурор г. Тольятти устно сообщил дальним родственникам, что Зотову предъявлено обвинение в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, не указав при этом статью УК. В марте из г. Тольятти Зотов был переведен в Сызранский следственный изолятор (Куйбышевская обл.), откуда 25 марта увезен на судебно-психиатрическую экспертизу через следственный изолятор г. Челябинска. С момента ареста он не имел ни

передач, ни каких-либо контактов с дальними родственниками и друзьями.

Во второй половине марта на квартире Зотова был произведен повторный обыск, при котором изъяли пять его картин, в том числе автопортрет, на котором автор изобразил себя опутанным цепями.

Арест Зотова свидетельствует о стремлении властей подавлять не только свободное слово, но и всякое проявление свободного творчества, в том числе и в изобразительном искусстве.

13 апреля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АЛЕКСАНДРА БОЛОНКИНА СТАНОВИТСЯ БЕССРОЧНЫМ

10 апреля 1981 г., за десять дней до окончания срока содержания под стражей по последнему приговору суда в лагере вблизи Улан-Удэ, арестован Александр Болонкин. Начальник следственного отдела КГБ Прозоров сообщил жене Болонкина, что против него возбуждено дело по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР и ведется следствие.

Александр Болонкин (1933 г.р.), математик-кибернетик, доктор технических наук (блестяще защищенная им диссертация не утверждена ВАКом в связи с арестом Болонкина; в 1973 г. ВАК лишил его и звания кандидата наук).

В сентябре 1972 г. Болонкин был арестован и осужден к четырем годам заключения и двум годам ссылки по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) за хранение и распространение самиздательской литературы и документов.

После освобождения из лагеря Болонкин отбывал ссылку в пос. Багдарин Бурятской АССР, где работал в мастерской комбината бытового обслуживания.

20 апреля 1978 г., за 26 дней до окончания срока ссылки, Болонкин был повторно арестован и осужден по искусственно созданному обвинению в частно-предпринимательской деятельности и хищениях к трем годам заключения и 26 дням неотбытой ссылки. Во время пребывания в лагере Александр Болонкин (и по первому, и по второму приговорам) неоднократно подвергался преследованиям со стороны администрации: помещениям в ШИЗО, ПКТ, лишением в связи с этим свиданий и т.п.

Болонкин неоднократно объявлял голодовки протеста.

20 апреля 1981 г. жена и 14-летний сын ждали освобождения Александра Болонкина. Вместо известия об освобождении они получили сообщение о его новом аресте, уже в третий раз.

Поскольку в условиях лагеря никакая активная, в том числе и "антисоветская", деятельность практически невозможна, предъявление обвинения по ст. 70 УК РСФСР просто абсурдно.

Наказание по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 10 лет с последующей ссылкой до пяти лет.

Так как Александр Болонкин уже отбывал наказание по ст. 70 УК РСФСР, то он неизбежно будет признан опасным рецидивистом, что повлечет за собой отбывание наказания в нечеловеческих условиях лагеря особого режима.

После 9-летнего пребывания в лагерях и ссылке здоровье Болонкина окончательно подорвано (хронический гастрит, холецистит, воспаление прямой кишки) и новый длительный срок может стать для него пожизненным.

Мы обращаем внимание глав правительств, подписавших Заключительный Хельсинкский Акт, ученых всех стран и мировую общественность на трагическую судьбу Александра Болонкина, чтобы сделать все возможное для его освобождения.

30 апреля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

НОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КИРИЛЛА ПОДРАБИНЕКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Мы неоднократно уже обращали внимание глав правительств, подписавших Заключительный Акт Хельсинкских соглашений, и международной общественности на трагическую судьбу молодого правозащитника Кирилла Подрабиника (1952 г.р.). Он был первоначально необоснованно осужден якобы за хранение огнестрельного оружия и в июне 1980 г., в день окончания срока лишения свободы, вновь помещен в следственную тюрьму в связи с новым обвинением по ст. 190-1 УК РСФСР. Так и не выйдя на свободу, вторым приговором суда Кирилл Подрабинек был вновь приговорен к трем годам заключения (см. наши документы).

По официальным сведениям, полученным отцом Кирилла Подрабиника из медицинских учреждений МВД, его сын страдает активной формой туберкулеза правого легкого в стадии инфильтрата. Стационарное лечение в тюремной больнице г. Ельца было прервано в связи с предстоящим окончанием срока лишения свободы и переводом в тюрьму для освобождения, которого не последовало из-за возбуждения нового уголовного дела.

В Усмани, куда Кирилл Подрабинек был направлен для отбывания наказания по повторному осуждению, он не был помещен в стационар для продолжения лечения и работал учеником слесаря. В конце апреля 1981 г. без видимых причин Кирилл Подрабинек был этапирован в Ульяновскую область (точный адрес его пребывания отцу до сих пор неизвестен). Тяжелые условия этапа ухудшили и без того плохое состояние здоровья Кирилла.

Из письма его отца (от 29 мая 1981 г.), адресованного Московской группе "Хельсинки" и международным правозащитным организациям, нам стало известно, что на этапе и в пересыльной тюрьме г. Саратова Кирилл Подрабинек подвергался физическому насилию и унижению его человеческого достоинства, что вызвало с его стороны активное сопротивление действием (см. прилагаемое письмо П.А. Подрабиника).*

Мы принципиально против насильственных методов сопротивления беззаконию, но ответные действия Кирилла Подрабиника на попытки представителей администрации унижить его человеческое достоинство и на физическое насилие были неизбежны, ибо в его распоряжении не было иных средств самозащиты.

События, изложенные в письме П.А. Подрабиника, вызывают тревогу за дальнейшую судьбу Кирилла Подрабиника. Всякое ужесточение наказания, и так непосильного для него, может привести к его гибели.

1 июня 1981 г. Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

* В настоящем сборнике не публикуется. — Ред.

ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЮРИЯ ФЕДОРОВА И АЛЕКСЕЯ МУРЖЕНКО В ОПАСНОСТИ

15 июня 1970 г. в Ленинградском аэропорту и в лесу около г. Приозерска была арестована группа людей, покушавшихся на угон самолета местной авиалинии АН-2. В качестве "оружия" они имели только непригодный к стрельбе старый пистолет и стартовый пистолет. Чтобы не причинять неприятностей посторонним пассажирам, они закупили все билеты на данный рейс. К моменту задержания никаких действий, направленных на захват самолета, произведено не было. Все задержанные (12 человек) были преданы суду по ст. 64 УК РСФСР (измена родине) и ст.ст.15 и 93-1 УК РСФСР (покушение на хищение в особо крупных размерах). В суде было установлено, что подсудимые не имели умысла на совершение действий, предусмотренных ст. 64 УК РСФСР, как то: причинение ущерба государственной независимости СССР, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР, переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, заговор с целью захвата власти (см. текст ст. 64 УК РСФСР).

Что же касается упомянутого в ст. 64 "бегства за границу", то при отсутствии перечисленных выше целей и учитывая, что действия подсудимых были обусловлены тем, что они исчерпали все легальные возможности добиться разрешения властей на выезд из СССР, эти действия должны квалифицироваться как попытка незаконного выезда за границу, т.е. по ст. 83 УК РСФСР (лишение свободы до 3 лет).

Тем не менее они были осуждены по ст. 64 УК РСФСР к различным срокам лишения свободы. Федорову было определено наказание сроком 15, а Мурженко — 14 лет заключения в лагерях.

Явно неправильным было применение ст. 93-1 УК РСФСР, так как у осужденных не было намерения присвоить ("украсть") самолет, как материальную ценность. Они хотели воспользоваться самолетом только как транспортным средством для пересечения границы (угон самолета), и заведомо знали, что в соответствии с международными соглашениями в подобных случаях самолет возвращается законному владельцу.

В настоящее время все осужденные по делу, кроме Федорова и Мурженко, освобождены и выехали за границу (по помилованию, по окончанию срока, по обмену с США). И только Федоров и Мурженко вступают в 12-й год своего заключения. Между тем, как видно из приговора, эти люди виновны не больше, чем некоторые из уже освобожденных их подельников.

В 1970 г. в СССР не было специального закона об ответственности за угон самолета. В 1973 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена такая статья (ст. 213-2 УК РСФСР). Первая часть этой статьи, устанавливающая наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет, полностью применима к действиям, за которые осуждены Ю. Федоров и А. Мурженко. По общему правилу, закон, устанавливающий более мягкое наказание, имеет обратную силу.

Признавая, что Федоров и Мурженко пытались совершить противоправные действия, мы считаем, что они осуждены неправильно и чрезмерно сурово, а после введения статьи 213-2 УК РСФСР, их дело должно было быть пересмотрено, а действия переквалифицированы по ст.ст. 213-2 и 83 УК РСФСР (незаконный выезд за границу). Однако многочисленные жалобы адвокатов, самих осужденных и их родственников высшими судебными-прокурорскими инстанциями оставлены без удовлетворения.

При правильной квалификации действий Федорова и Мурженко они сейчас уже отбыли максимальный срок за преступления, на совершение которого они покушались. Не только юридически, но и по принципу справедливости невозможно объяснить, почему Федоров и Мурженко продолжают оставаться в заключении, когда все остальные уже освобождены.

Многолетнее заключение в тяжелых условиях лагерей особого режима полностью подорвало их здоровье. Федоров страдает хроническим нефритом, а Мурженко тяжелой формой гастрита и гипертонической болезнью. Дальнейшее пребывание в местах заключения угрожает их жизни.

Мы хотим надеяться на проявление со стороны властей справедливости и гуманности и ожидаем немедленного освобождения Федорова и Мурженко.

6 июня 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

СУД НАД ВИКТОРОМ БРАЙЛОВСКИМ

17-18 июня 1981 г. Московский городской суд рассмотрел в помещении Люблинского районного нарсуда дело Виктора Браиловского, арестованного и содержавшегося под стражей в течение всего периода предварительного следствия.

Председательствовал в суде член Мосгорсуда "по спецделам" Богданов. Обвинение поддерживала пом. прокурора г. Москвы Праздникова. Это — опытные в проведении политических процессов люди (они участвовали и в рассмотрении дел Натальи Горбаневской еще в 1970 г., и в других делах, в том числе в недавнем процессе Александра Лавута). Процесс Браиловского "гладко" прошел по привычному уже "сценарию". От назначенного ему адвоката Браиловский отказался и вел свою защиту сам.

Как и обычно, милицейские кордоны и лица в штатском не пропускали никого к зданию суда. Формально открытый суд был фактически тайным, закрытым. Ни друзья Браиловского, ни иностранные корреспонденты не только не смогли присутствовать на процессе, но были даже лишены возможности приблизиться к зданию, где проходил "гласный" процесс. В зале суда присутствовали только жена и сын Виктора Браиловского.

Виктор Браиловский обвинялся в составлении, изготовлении и распространении №№ 5-8 и 15-20 самиздатского неподцензурного журнала "Евреи в СССР" (с 1978 г., после 20-го номера, журнал прекратил свое существование), якобы содержащего заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (ст. 190-1 УК РСФСР). Кроме того, Браиловскому вменено подписание (наряду с десятками других людей) в 1976 г. двух писем-протестов евреев-отказников.

Никаких других действий Браиловскому не вменялось. Опять — суд за свободную мысль, за неподцензурное слово, за сбор и распространение информации, с необоснованным приклеиванием ярлычка "клеветы".

Характерной особенностью этого процесса явилось полное отсутствие каких-либо свидетельских показаний, подтверждающих обвинение. (Так было и в некоторых других политических процессах, например, в деле Валерия Абрамкина.) В судебном заседании было допрошено всего четыре свидетеля, из которых один (Владимир Престин) от дачи показаний вообще отказался, ссылаясь на нарушение принципа гласности в суде. Остальные трое (Марк Новиков, Леонид Шабашов и Крейдлин) ни одним словом не подтвердили ни один пункт из предъявленного обвинения.

Сам Браиловский практически участия в судебном следствии не принимал, не давал показаний и воспользовался лишь правом произнесения защитительной речи.

В обвинительной речи прокурора не содержалось ссылки на какие-либо доказательства того, что в журнале и письмах содержатся заведомо ложные измышления.

В своей защитительной речи Виктор Браиловский, не отрицая подписания писем евреям-отказников и участия в редактировании и выпуске журнала "Евреи в СССР", приводил точные цитаты из инкриминируемых ему писем, статей и рассказов, убедительно доказывал, что в них нет клеветы, а тем более — клеветы на государство.

Браиловский в полном соответствии с текстами вмененных ему писем и публикаций доказывал, что в них содержатся критика и протесты в отношении отдельных лиц и организаций с указанием конкретных и имевших в действительности место фактов.

Так, например, — говорил Браиловский, — в журнале была опубликована статья с критикой произведений Емельянова и Бегуна (советский журналист). В этой критической статье приведены цитаты из критикуемых произведений, буквально совпадающие с высказываниями черносотенцев. Но в статье нет никаких обобщений о государстве в целом. Браиловский сказал, что он не понимает, зачем следовательно в обвинительном заключении и прокурору в речи понадобилось говорить о том, что в этой статье содержится клевета на государственный и общественный строй. Можно спорить об оценке позиции двух авторов (Емельянова и Бегуна), но нет оснований эту критику расценивать как клевету на государство.

Браиловский также оспаривал экспертизу Главлита, которая обнаружила в опубликованном в журнале эссе Г. Фреймана "Евреи" клевету на государственный и общественный строй. В эссе, отметил Браиловский, говорится о нарушениях прав евреев со стороны отдельных математиков, ВАКа, некоторых сотрудников Института им. Стеклова (в частности, академика Виноградова). Браиловский сказал:

"Указаны люди и организации, к которым относится критика, и я не понимаю, почему оценка деятельности этих людей преподносится обвинением, как оценка политики государства".

В обвинительном заключении была признана криминальной статья Браиловского "Тетради для внуков", в которой утверждается, что Солженицын — великий русский писатель. (!) Даже прокурор Праздникова поняла анекдотичность такого обвинения и предложила исключить этот эпизод из обвинения, т.к.

"...неправильно расценивать это утверждение, как клеветническое, это — частное мнение о Солженицыне". (!)

"Что же касается произвола властей, о котором говорилось во вмененных мне письмах, то моя судьба и судьба моей семьи является ярким примером и доказательством того, что письма не являются ложными", —

так сказал Браиловский в своей защитительной речи.

Заранее predeterminedный приговор вынесен. Браиловский осужден по ст. 190-1 УК РСФСР к ссылке на 5 лет. Уже не впервые по делам узников совести суд под видом гуманности назначает осужденным по этой статье наказание в виде длительной ссылки, хотя такой вид наказания санкцией статьи не предусмотрен.

Впервые такое нарушение закона было допущено еще в 1968 г., когда были осуждены к ссылке участники демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию (Богораз, Литвинов, Бабицкий).

Суд ссылается в приговоре на ст. 43 УК РСФСР, дающую возможность назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом, а фактически назначает более тяжелое наказание, чем предусмотрено санкцией ст. 190-1 УК РСФСР, т.к. 5 лет ссылки бесспорно более тяжелое наказание, чем низший предел наказания по этой статье (исправительные работы на срок до 1 года или штраф до 100 руб.).

Виктору Браиловскому 45 лет. В 1965 г. он получил степень кандидата технических наук, работал старшим научным сотрудником в Институте электронных управляющих машин, имеет около 40 научных публикаций. В 1972 г. после подачи заявления в ОВИР о выезде в Израиль был уволен с работы "по сокращению штатов" и с тех пор лишен возможности получить работу по специальности. Уже более 8 лет он не может добиться разрешения на выезд из страны. Все эти годы Виктор Браиловский, зарабатывая средства на жизнь уроками и работой не по специальности, не прекращал своей научной работы. В частности, он был активным участником неофициального физико-математического семинара. Этот научный семинар, проводившийся, как правило, в квартире Браиловского, неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей. Однако участие в работе семинара Браиловскому не вменялось, и в приговоре не упомянуто. Тем не менее при допросе свидетеля Шабашова, показавшего, что он был у Браиловского на семинаре, где говорилось о деле Бейлиса, обвинитель Праздников сказал:

"Вот видите, — говорите 'математиков', 'физиков', а говорили о том, что вас не должно было интересовать". (!)

Итак, еще один ученый будет отправлен по этапу в тяжелые условия далекой ссылки, будет на годы разлучен с семьей (жена и двое детей), полностью будет лишен всякой возможности научной работы, общения с друзьями, надежды на выезд из страны.

Из самого текста приговора видно, что этот человек "виновен" лишь в том, что осмеливался свободно мыслить и свободно выражать свои мысли, и "виновен" лишь в том, что пытался осуществить в пределах советских законов и международных актов, формально признанных СССР, право на свободное неподцензурное слово и право на эмиграцию.

27 июня 1981 г.

Члены Московской Группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

НОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАН НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЕХАТЬ ИЗ СССР

Мы неоднократно обращали внимание Глав правительств государств, подписавших Заключительный Акт Хельсинкских соглашений, и международной общественности на многочисленные случаи нарушения права граждан СССР свободно выезжать из страны.

Нам стали известны новые факты преследований немцев, проживающих в Таджикской ССР, добывающихся выезда в ФРГ к своим родственникам.

16 апреля 1981 г. группа немцев – жителей Душанбе, пришла к зданию ЦК КП Узбекистана с просьбой о приеме по поводу их ходатайства о выезде на постоянное жительство в ФРГ. В приеме им было отказано, а в результате попыток добиться беседы с кем-либо из ответственных работников ЦК, их задержали и насильственно отправили в одно из отделений милиции г. Душанбе. Через несколько часов все задержанные, кроме Лозинга Роберта Ивановича и Бергера Иосифа Андреевича, были отпущены. Лозинг и Бергер были доставлены в народный суд и подвергнуты административному аресту на 10 суток за "мелкое хулиганство".

19 июня 1981 г. немец – житель Душанбе, активно добивающийся с 1979 г. разрешения на выезд в ФРГ, Марсал Артур Михайлович (1936 г. рождения) был арестован по постановлению городской прокуратуры и находится под стражей до настоящего времени. В день ареста у него дома и на работе были произведены обыски, при которых изъяты воинский билет, адресованные ему письма из ФРГ, записные книжки, копии обращений граждан немецкой национальности к советскому правительству и т.п. Жене Марсала в прокуратуре сообщили, что он обвиняется в "клеветнических измышлениях в адрес советского государственного и общественного строя".

Репрессируя граждан, единственным "преступлением" которых является желание выехать из СССР, власти в очередной раз нарушают основные положения Всеобщей декларации прав человека и демонстрируют нежелание выполнять гуманитарные статьи Заключительного Акта Хельсинкских соглашений.

30 июня 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ ВЛАДИМИРА КИСЛИКА

26 и 27 мая 1981 г. в Киеве состоялся суд над Владимиром Кисликом.

Владимир Самуилович Кислик (1935 г.р.), окончив школу в 1953 г., поступил в Институт цветных металлов и золота им. Калинина. После окончания института в 1958 г. работал инженером — металлургом-исследователем. В 1966 г. защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата технических наук. С 1968 г. работал в Киевском институте ядерных исследований АН УССР, имел много научных публикаций.

В связи с возбуждением ходатайства о выезде в Израиль в 1974 г. был вынужден оставить работу по специальности.

В конце 70-х годов у Кислика был произведен первый обыск, после чего последовал арест на 15 суток.

В 1975 г., после открытого письма В. Зорину, в котором Кислик выразил несогласие с некоторыми положениями его телевизионного выступления, он был жестоко избит и попал в больницу на два месяца.

В 1977 г. вокруг Кислика началась клеветническая кампания в прессе. Тогда же был проведен еще один обыск. В 1980 г., накануне Олимпийских игр, Кислик был вновь подвергнут административному аресту по вымышленному обвинению в связях с иностранцами в целях спекуляции.

В течение всех лет пребывания в отказе Кислик регулярно подвергался различным видам психологического давления — угрозы по телефону и на улице, неотступной слежке в течение недель, многочисленным приводам в милицию, вызовам в КГБ. Все это — за желание выехать в Израиль на свою историческую родину, за участие в траурных церемониях, посвященных памяти евреев — жертв фашизма; за то, что в 1977-1978 гг. он вел научно-технический семинар для евреев-отказников, лишенных работы по специальности.

И, наконец, 19 марта 1981 г. по дороге домой с празднования Пурима Кислик был арестован по обвинению в злостном хулиганстве (ст. 206 ч. 2 УК РСФСР).

Спустя неделю, в газете "Вечерний Киев" была опубликована клеветническая статья, в которой говорилось, что Кислик избил женщину и мужчину, который за нее заступился.

На следствии Кислик отказался давать показания, заявив, что стал жертвой провокации органов внутренних дел.

В ходе судебного следствия выяснилось, что 19 марта 1981 г. в 23 час. 40 мин. В. Кислик стоял на остановке троллейбуса. Кто-то толкнул его сзади; обернувшись, он увидел женщину (впоследствии оказавшуюся свидетельницей Шебалиной, студенткой Киевского торгового института),

которая стала кричать, что он ее ударил. Подбежавшие милиционеры за-
ломили Кислику руки, посадили в подъехавшую машину и отвезли в ми-
лицию.

В последнем слове Кислик не признал себя виновным, заявив, что все
происходящее с ним является провокацией тех органов власти, которые
и так долго не разрешают ему выехать в Израиль.

Суд приговорил В. Кислика к 3 годам лишения свободы в лагере об-
щего режима.

В 1978 г. Кислик перенес инфаркт миокарда, он страдает от приступов
стенокардии. Жена и дети Кислика много лет живут в Израиле. Отец
В. Кислика тяжело болен.

Еще один гражданин СССР осужден по сфабрикованному уголовно-
му делу только за то, что свободно высказывал свои суждения, хотел вос-
пользоваться гарантированными Конституцией СССР правами, а также
правом на свободный выбор места жительства в соответствии с положе-
ниями Всеобщей декларации прав человека, Пакта о гражданских и поли-
тических правах, ратифицированного правительством СССР.

Еще раз власти наглядно демонстрируют пренебрежительное отноше-
ние к гуманитарным статьям Заключительного Акта Хельсинкских со-
глашений, подписанных Советским Союзом в 1975 г.

Этот документ, подписанный членами Московской группы "Хельсин-
ки", имеет приложение: письмо Самуила Иосифовича Кислика (отца
В. Кислика) на имя зав. отделом административных органов горкома КП
г. Киева УССР А.Д. Крупчана (письмо С. Кислика опубликовано в ...-51).*

7 июля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

* В настоящем сборнике не публикуется. — Ред.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЕВРЕЕВ—ОТКАЗНИКОВ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Ранее (см. документ № 172) мы сообщали об осуждении В. Кислика в г. Киеве к трем годам лишения свободы в лагерях общего режима по сфабрикованному обвинению в хулиганстве.

18 марта 1981 г. был арестован, а 18 мая 1981 г. — осужден по ст. 214 ч. 1 УК УССР (ст. 209 УК РСФСР — злостное уклонение от трудовой деятельности) Ким Бениаминович Фридман, находящийся в отказе уже 9 лет, в течение которых он был фактически лишен возможности получить постоянную работу по специальности и зарабатывал на жизнь временными работами в различных государственных учреждениях. За это время он постоянно подвергался преследованиям со стороны властей — обыски с изъятием книг на иврите, административный арест и т.д.

30 мая 1981 г. в Кишиневе у здания синагоги собралась группа евреев-отказников, чтобы отнести в УВиР заявление, в котором выражались претензии к работе этого учреждения и требования соблюдения законности при решении эмиграционных вопросов. Собравшиеся были задержаны и отвезены в отделение милиции. Двое из них арестованы и находятся под стражей. Якову Лапшину и Владимиру Цукерману предъявлено обвинение в "организации групповых действий, нарушающих общественный порядок" (ст. 190-3 УК РСФСР, предусматривающая наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет). Остальные были выпущены через несколько часов.

15 мая 1981 г. Михаил Эльберт (30 лет, отказник с 1979 г.) был остановлен на улице г. Киева милиционером, который заявил, что Эльберт "похож на человека, подозреваемого в растлении малолетних". Эльберта и его мать отвезли в отделение милиции, обыскали, изъяли еврейскую литературу.

Отказник Евгений Лейц (Ленинград), участник семинара по изучению истории и религии еврейского народа, содержится под стражей и ему предъявлено обвинение по ст. 191-1 ч. 2 УК РСФСР.

Перечисленные факты — лишь небольшая часть беззаконий и издевательств, творимых властями в отношении лиц, желающих выехать в Израиль. В СССР отсутствуют какие-либо правовые нормы и законы, регулирующие вопросы эмиграции, поэтому граждане, желающие выехать из СССР, не могут в законном порядке обжаловать действия властей, которые, в свою очередь, не считаются ни с положениями Всеобщей декла-

рации прав человека, ни с положениями Пактов о гражданских и политических правах, ни с подписанным правительством Советского Союза Заключительным Актом Хельсинкских соглашений.

Мы призываем главы правительств стран, подписавших Заключительный Акт Хельсинкских соглашений, международную общественность призвать советское правительство проявить гуманность по отношению к желающим выехать из СССР и дать им возможность покинуть страну.

8 июля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман.*

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ АЛЕКСЕЯ МЯСНИКОВА

7 июня 1981 г. отправлен этапом в Уральский лагерь УЩ-349/47-1 Алексей Александрович Мясников, осужденный Мосгорсудом 30 января 1981 г. к трем годам лагерей общего режима по обвинению в изготовлении и распространении в устной и печатной форме клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190-1 УК РСФСР) и изготовлении и распространении порнографических произведений (ст. 226 УК РСФСР).

Алексей Александрович Мясников (1944 г.р.) окончил философский факультет МГУ, кандидат философских наук, работал в области социологии труда, имеет более 90 научных публикаций в советской печати.

6 августа 1980 г. на квартире Мясникова был проведен обыск Мосгорпрокуратурой, на котором были изъяты его неопубликованные произведения, в том числе рассказ "День и вся жизнь", повести "Встречи" и "Вдали за косогором", философское эссе "Голос из тьмы" и статья "173 свидетельства национального позора или о чем умалчивает Конституция". На последовавшем после обыска допросе Мясников признал авторство указанных произведений, но отказался признать их клеветническое содержание. Следователь Боровик, проводивший допрос, пытался добиться от Мясникова показаний, компрометирующих его товарища Попова О.А. Того же пытался добиться допрашивавший жену Мясникова (Омельченко Н.Б.) следователь Воробьев. Мясников и его жена давать такого рода показания отказались.

19 августа 1980 г. А. Мясников был задержан на работе, помещен в КПЗ 22-го отделения милиции г. Москвы. В течение трех дней пребывания Мясникова в КПЗ следователь прокуратуры Дзержинского р-на г. Москвы Кудрявцев И.Н. пытался вынудить Мясникова дать показания против Олега Попова, угрожая в противном случае возбудить против Мясникова уголовное дело по ст. 190-1 и 223 УК РСФСР. Мясников отказался давать показания и 21 июня 1980 г. против него было возбуждено уголовное дело по указанным статьям и он был переведен в Лефортовскую следственную тюрьму.

30 января 1981 г. в Московском городском суде проходил процесс Алексея Мясникова под председательством Байковой П.Г.; прокурор — Сергина Т.Я., адвокат Швейский В.Я.

Номинально открытый процесс проходил, как все политические процессы, при закрытых дверях. В зал судебного заседания в первый день были допущены лишь близкие родственники. Во второй и третий день суда свидетелям, давшим показания, было разрешено присутствовать в зале.

Как выяснилось в ходе судебного разбирательства, в ходе предварительного следствия были допущены многочисленные нарушения законности. Выступавшие в суде свидетели приводили примеры незаконных методов ведения допросов следователями Кудрявцевым и Воробьевым. В частности, намеренные искажения показаний свидетелей, приписки в протоколах допросов, угрозы и шантаж. Следователь Кудрявцев в отсутствие свидетеля Попова задним числом оформил протокол с понятыми о якобы имевшем место отказе от дачи показаний, а незадолго до окончания предварительного следствия предъявил обвинение жене Мясникова Н. Омельченко как соучастнице. Через несколько дней он снял это обвинение.

В период предварительного заключения Мясников под давлением следствия признал вредный характер инкриминируемой ему статьи "173 свидетельства ...", отрицая ее заведомо клеветническое содержание. Однако, ознакомившись с материалами своего дела перед судом, он в суде отказался от своих показаний, касающихся оценки этой статьи.

Адвокат в защитительной речи показал, что в действиях Мясникова не усматривается состава преступления. Все допрошенные в суде свидетели утверждали, что Мясников не давал им читать инкриминируемую ему статью "173 свидетельства ...", а основной свидетель обвинения – Гуревич – в суд не явился. Таким образом, факт распространения статьи в судебном следствии не доказан. В материалах дела и в показаниях свидетелей в суде нет никаких доказательств наличия в инкриминируемых произведениях клеветы, тем более заведомой, а высказанные в них мысли есть частное мнение автора.

Повесть "Встречи", признанную следствием порнографической, Мясников несколько лет назад давал на рецензию писателю Ю. Перону, который показал, что не считает ее таковой. Вопрос о том, носит ли она порнографический характер – спорный, а факт ее распространения не доказан, т.к. кроме не явившегося в суд свидетеля Гуревича никто не подтверждает, что был с нею тем или иным способом ознакомлен.

Все инкриминируемые материалы Мясников хранил у себя и не публиковал.

В последнем слове А. Мясников убедительно опроверг обвинения в клеветническом характере его произведения. Судья неоднократно прерывала его, не позволяя цитировать статью, – "Опровергайте, но не цитируйте. Мы не позволим заниматься антисоветской пропагандой".

Повесть "Встречи" Мясников порнографической не признал и сообщил, что несколько лет назад милиция ее изъяла, но потом вернула. Кроме того, повесть написана 7 лет назад, не предназначалась для печати и распространения, будучи лишь первой пробой пера.

Суд признал А. Мясникова виновным и приговорил его к трем годам лагерей общего режима.

19 мая 1981 г. в Верховном суде РСФСР состоялось кассационное разбирательство дела Мясникова. Приговор оставлен в силе.

Алексей Мясников, ученый-социолог, на три года отправлен в лагерь, оторван от семьи, лишен возможности продолжать работу по специальности лишь за высказанные им в своих произведениях мысли; в произведениях, которые даже не были нигде опубликованы. Это очередное нарушение властями своих же законов, своей Конституции.

8 июля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев.*

СУД НАД ИРИНОЙ ГРИВНИНОЙ

14-15 июля 1981 года в помещении Люблинского нарсуда Московский городской суд рассматривал дело Ирины Гривниной (1945 г.р.) — члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР, обвиняемой по ст. 190-1 УК РСФСР. Как и все суды по политическим статьям, формально открытый процесс проходил при закрытых дверях — зал был заполнен "спецпубликой". Никто из друзей и близких, кроме мужа, в зал заседаний допущен не был. Здание суда было оцеплено милицией, дружинниками и лицами в штатском. Подходы к зданию были также перекрыты.

Ирина Гривнина начала сотрудничать в Рабочей комиссии с 1978 г., арестована 16 сентября 1980 г. (см. наш документ №). Ей вменено в вину:

"... что ... в период с сентября 1978 г. по апрель 1980 г. в Москве совместно с Серебровым Ф.А., Бахминым В.И., Подрабинеком А.П. и Терновским Л.Б. систематически изготовляла и распространяла на территории СССР нелегальные "информационные бюллетени", в которые включала тенденциозно подобранные и обработанные в клеветническом духе материалы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, о якобы планомерно применяемых в Советском Союзе органами власти "психиатрических репрессиях", преднамеренном помещении в психиатрические больницы заведомо здоровых людей за их политические и религиозные убеждения и истязания этих лиц в психиатрических учреждениях, искажая и дискредитируя тем самым деятельность советских органов власти и медицинских учреждений.

Указанные документы в тот же период с участием Гривниной были размножены, распространены на территории СССР и направлены в тех же целях на Запад, в результате чего они были использованы зарубежными антисоветскими издательствами и средствами империалистической пропаганды в осуществлении акции идеологической диверсии против Советского Союза".

(Выписка из обвинительного заключения,
почти дословно повторенная в приговоре суда
по делу Гривниной.)

Всего Гривниной вменено шесть выпусков Информационных бюллетеней: №№ 11, 14, 19, 20, 21 и 22. В нарушение закона, ни обвинительное заключение, ни приговор не содержат конкретных указаний — какие имен-

но из сообщений, помещенных в ИБ, признаются заведомо ложными. В ходе предварительного следствия "на допросах в качестве обвиняемой Гривнина заявила, что она отвечает за изготовление и распространение 'информационных бюллетеней'; вместе с тем виновной себя в совершенном преступлении не признала, в содеянном не раскаялась, на допросах безмотивно отказывалась от дачи показаний и участвовать в производстве следственных действий" (т. 1, л.д. 26-100, из обвинительного заключения). Суд отклонил все ходатайства Гривниной (всего около 20) об истребовании доказательств для исследования сообщений ИБ, которые в материалах дела фигурируют как клеветнические. После этого Гривнина отказалась от участия в процессе адвоката и заявила:

"Я считаю вполне естественным существование в законодательстве статей, введенных с целью охраны структуры государства и существующего строя — таких, как ст. 70 и 190-1 УК РСФСР. Неестественным и противозаконным я считаю любой факт произвольного и расширительного толкования этих норм законодательства, что фактически приводит к преследованиям за политическое инакомыслие. Я не считаю, что нарушила закон, так как никогда не распространяла информацию, в истинности которой не была уверена. Если существовали хоть малейшие сомнения в достоверности — информация не предавалась огласке... Отказ в удовлетворении всех моих ходатайств свидетельствует о нежелании суда установить истину по делу. Поэтому я отказываюсь от унижительных попыток доказывать что-либо в таких условиях, отказываюсь отвечать на любые вопросы суда, но сохраняю за собой право на последнее слово".

В суде было допрошено 12 свидетелей — врачей-психиатров, являющихся должностными лицами тех психиатрических больниц, работа которых критиковалась в сообщениях "Информационных бюллетеней". Эти явно заинтересованные в исходе дела "свидетели" отрицали факты незаконных госпитализаций, дурного обращения и плохого содержания, а также неправильного лечения больных, т.е. факты нарушений, за которые им самим, в случае их подтверждения, надлежало бы нести ответственность.

Кроме того, в качестве свидетелей были допрошены Кувакин и Серебров, которые никаких показаний, в чем-либо уличающих Гривнину, не давали. Более того, Серебров отказался от показаний, записанных в протоколе его допроса на предварительном следствии, заявив, что эти показания были получены обманом и он их не подписывал.

Исследование каких-либо иных доказательств виновности Гривниной в судебном заседании не происходило.

Несмотря на очевидное отсутствие состава преступления в действиях Гривниной, суд признал ее виновной и приговорил к 5 годам ссылки.

Приговорив Ирину Гривнину к 5 годам ссылки, суд проявил "гуманность", применив ст. 43 УК РСФСР о назначении более мягкого наказания,

чем предусмотрено законом. В действительности, это не только не гуманно, но и противозаконно, т.к. санкция ст. 190-1 УК РСФСР предусматривает лишение свободы сроком до 3 лет, или исправительные работы без содержания под стражей сроком до 1 года, а также штраф в размере до 100 руб. Не возникает ни малейшего сомнения в том, что 5 лет ссылки — более суровое наказание, чем исправительные работы или штраф.

За попытку воспользоваться гарантированными Конституцией СССР правами, за сбор и легальное предание гласности информации о правонарушениях в области психиатрии Ирина Гривнина осуждена к многолетней ссылке, разлучена с семьей, с друзьями. Избранное судом "гуманное" наказание является для нее особенно тяжким еще и потому, что оно влечет длительную разлуку с тяжело больной малолетней дочерью, для которой жизнь вместе с матерью в условиях ссылки невозможна.

31 июля 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман*

**ОСУЖДЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ЧЛЕНА
РАБОЧЕЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХИАТРИИ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ
ФЕЛИКСА СЕРЕБРОВА**

20-21 июля 1981 года в Московском городском суде слушалось дело Феликса Сереброва, члена Московской группы "Хельсинки" и последнего члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

До этого были арестованы и осуждены к различным срокам лишения свободы и к ссылке члены Рабочей комиссии: Александр Подрабинек — 3 года лишения свободы (осужден второй раз), Вячеслав Бахмин — 3 года лишения свободы, Леонард Терновский — 3 года лишения свободы, Ирина Гривнина — 5 лет ссылки, и врач-консультант Рабочей комиссии Анатолий Корягин, который получил особо жестокое наказание, максимально возможное по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР — 7 лет заключения в лагерях и 5 лет последующей ссылки.

Серебров признан судом виновным, и ему вменено составление и распространение следующих документов:

1. "Информационные бюллетени" Рабочей комиссии с № 12 по № 22 (совместно с Подрабинек, Терновским и Гривниной);
2. "Слово островитянина Архипелага ГУЛаг", 1978 г.;
3. "Факультет демократии", 1979 г. (совместно с В. Некипеловым);
4. Воззвание "К людям, живущим на земле", 1980 г.;
5. Заявление по поводу обыска у Сереброва, 1980 г.;
6. Заявления в защиту Великановой, Якунина, Терновского, Лавута и Осиповой (личные и коллективные);
7. Документы Московской группы "Хельсинки" №№ 138 и 146, обращенные к Мадридской встрече, 1980 г.;
8. Открытое письмо ("Автобиография"), написанное перед арестом.

Действия Сереброва квалифицированы как антисоветская агитация и пропаганда по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР.

Феликс Серебров в суде частично признал себя виновным, считая, что его деятельность нанесла ущерб международному престижу СССР. При этом он категорически отрицал клеветнический характер вмененных ему документов. Серебров заявил в суде, что не намерен впредь заниматься инкриминированной ему деятельностью.

Феликс Серебров приговорен к 5 годам лагерей и 5 годам ссылки.

29 июля 1981 г. Члены Московской группы "Хельсинки":

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев

СУД НАД МИХАИЛОМ ЗОТОВЫМ

13-14 июля 1981 г. в Куйбышевском областном суде слушалось дело Михаила Зотова (1923 г.р., рабочего, инвалида Великой Отечественной войны, художника-любителя — см. наш документ №).

М. Зотов был арестован в конце января 1981 г. в г. Тольятти, где он жил и работал на молокозаводе. В конце марта 1981 года Зотова перевели в г. Челябинск для проведения судебно-психиатрической экспертизы, которая признала его психически больным с диагнозом "инфекционно-травматическая шизофрения".

Вопреки закону, дело слушалось в закрытом судебном заседании. Сам Зотов в суд доставлен не был. По имеющимся в нашем распоряжении неполным сведениям, Зотову инкриминировались статьи, обращения, письма, рукопись романа "Диссидент" и девять его картин из числа изъятых на обыске в его квартире после ареста. Его творческая деятельность была квалифицирована следствием, а затем судом, как изготовление и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190-1 УК РСФСР). Обвинение основывалось, в частности, на заключении идеологической экспертизы о том, что его произведения могут быть использованы враждебными по отношению к СССР кругами во враждебных целях.

Адвокат оспаривал клеветнический характер произведений Зотова, однако, согласившись с заключением судебно-психиатрической экспертизы, просил суд направить его на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа. Позиция адвоката в данном случае противоречила закону, так как при отсутствии состава преступления (клеветнического характера произведений Зотова) принудительное лечение применено быть не может, а уголовное дело подлежит прекращению.

Суд признал действия Зотова подпадающими под диспозицию ст. 190-1 УК РСФСР и вынес определение о его направлении на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа; "вещественные доказательства" — рукописи и девять картин — суд определил уничтожить.

Дело Михаила Зотова — очередной пример преследования за свободную мысль, слово и художественное творчество. Строить обвинение на заключении идеологической экспертизы о возможности использования того или иного произведения во враждебных СССР целях — абсурдно. Западные исследователи Советского Союза в своих работах значительно шире используют данные, публикуемые в официальной советской печати, чем так называемые "клеветнические измышления" инакомыслящих в СССР.

Кроме того, ни следствием, ни судом в деле Зотова не доказан заведомо ложный характер его писем, статей, обращений, а говорить о клевет-

ническом характере художественных произведений бессмысленно, ибо они отражают субъективное видение мира художником и в силу этого не могут быть заведомо ложными, так как выражают лишь оценочное суждение, которое нельзя инкриминировать по ст. 190-1 УК РСФСР. Последнее относится к любым произведениям искусства, но особенно к произведениям искусства изобразительного. Уничтожение же книг, рукописей, полотен живописца, безотносительно к мнению суда об их ценности или вредности – средневековый вандализм, напоминающий "охоту на ведьм".

Не чиновникам карательных органов, не идеологическим экспертам судить о ценности произведений искусства. Окончательный приговор вынесет время.

Мы не претендуем на профессиональную оценку ни художественного творчества М. Зотова, ни его психического состояния. Мы лишь протестуем против творимого в отношении него беззакония – против принудительного помещения в психиатрическую больницу человека, который не проявлял агрессии, не призывал к насилию, честно жил, работал, занимался живописью, не представляя решительно никакой социальной опасности для общества и самого себя.

8 августа 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр,
Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман*

СУД НАД АНАТОЛИЕМ КОРЯГИНЫМ

3-5 июня 1981 г. Харьковский областной суд рассмотрел дело Анатолия Корягина (1938 г.р.), кандидата медицинских наук, врача-психиатра, по обвинению по ч. 1 ст. 62 УК УССР (антисоветская агитация и пропаганда — ч. 1 ст. 70 УК РСФСР) и по ч. 1 ст. 218 УК РСФСР (незаконное хранение огнестрельного оружия).

С 1978 г. А. Корягин участвовал в работе Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в качестве врача-консультанта, был арестован 13 февраля 1981 г. (см. наш документ №).

В обвинительном заключении указано (цитируемый текст обвинительного заключения восстановлен по памяти):

“Регулярно прослушивая передачи антисоветских радиостанций, читая антисоветскую литературу и общаясь с лицами, ранее уже осужденными за антисоветскую деятельность, — Ю. Дзюбой и А. Здоровым — А.И. Корягин сам стал на преступный путь враждебной советской власти и КПСС деятельности”.

Конкретно по обвинительному заключению А. Корягину вменяется то, что он:

1. Изготовил и распространил статью “Пациенты поневоле”, в которой “порочатся советская власть и КПСС” (опубликована в журнале “Посев” № 2 за 1981 г.);

2. Изготовил и распространил статью “злобного клеветнического содержания ‘Добро, зло и насилие’ ” (опубликована в журнале “Ланцет”);

3. Изготовил и распространил индивидуальную карту обследования А.А. Будко, “в которой под видом беседы с пациентом изложена антисоветская клевета ...”;

4. Изготовил письмо Ю. Белову, “порочащее советский строй, миролюбивую политику СССР, КПСС” и т.д.;

5. Изготовил “записи собственных измышлений, порочащих советскую демократию и такое выражение сознательности и энтузиазма советского народа, как коммунистические субботники. Записная книжка изъята при обыске”;

6. Изготовил “записи, порочащие героическое прошлое СССР и КПСС в сталинский период”. Записная книжка изъята при обыске;

7. Изготовил “записи собственных злостных клеветнических измыш-

лений ... как вести себя допрашиваемому, арестованному, подследственному. Тетрадь зеленого цвета изъята при обыске”;

8. Изготовил ”стихотворение ’В мире уродливом’, антисоветского характера, содержащее злобную клевету на советскую власть. Изъято при обыске на квартире”;

9. Изготовил ”письмо, адресованное его деду в США, содержащее клевету на советский строй и КПСС ... Изъято при обыске”;

10. Изготовил машинописный документ ”Автобиография”, ”в котором клеветал на советскую действительность”;

11. Изготовил ”Заявление на случай моего ареста”, ”злобного клеветнического характера”;

12. Изготовил ”рукописный документ ’Паранояльный психопат’, содержащий злобную клевету на миролюбивую политику СССР и КПСС...”.

Кроме того, ему инкриминировано:

- хранение иностранных журналов, в частности, содержащих статьи ген. Григоренко о поэте Руденко, статью о Буковском, рубрику ”СССР сегодня”;

- хранение книги Дмитрия Дудко ”Об уповании”, частных писем, адресованных ему из-за границы;

- устная антисоветская агитация и пропаганда и ”преступная связь с антисоветчиками в СССР и за границей” – всего 20 пунктов обвинения по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР).

Помимо этого, ему вменено незаконное хранение огнестрельного оружия (см. ниже).

В суде А. Корягин отказался давать какие-либо показания и на вопрос председателя суда о том, согласен ли он иметь защитником назначенного адвоката Мисевру, заявил: ”Я не желаю, чтобы кто бы то ни было играл здесь роль моего защитника”.

Судья сделал замечание: ”Ведите себя прилично, выбирайте выражения. Здесь суд, а не спектакль, никто никаких ролей не играет”, – и продиктовал секретарю: ”Запишите, что подсудимый отказывается от защитника”, – на что А. Корягин ответил: ”Я требую, чтобы все мои высказывания записывались дословно. Я выразился стилистически и грамматически правильно”.

По требованию прокурора, суд, в нарушение закона, оставил назначенного защитника, лишив тем самым А. Корягина права произнести защитительную речь.

На вопрос судьи, признает ли он себя виновным и желает ли давать показания, А. Корягин ответил:

”Я не считаю себя виновным и отказываюсь говорить, так как это не суд, а расправа за участие в деятельности Рабочей комиссии

по расследованию использования психиатрии в политических целях”.

По закону суд может включать в приговор только данные, проверенные и установленные в судебном следствии. Между тем, по существу предъявленного обвинения никто в суде допрошен не был и никакие доказательства антисоветской агитации и пропаганды не исследовались.

Характер допроса свидетелей иллюстрируют следующие примеры.

Свидетель Рудометов на вопрос судьи, были ли разговоры с Корягиным о политике, ответил: ”Были... например, о Сталине, сталинском периоде. Я считаю, что Сталин — это личность, и хотя он ошибался, но сделал много хорошего. Корягин же очень критически подходил к этому вопросу. Называл меня сталинистом, говорил, что я мало знаю, а знал бы больше — изменил бы свое мнение о Сталине”.

Далее судья спросил, читал ли Корягин запрещенную литературу. Рудометов ответил: ” Не знаю. Часто я заходил к нему, и он что-то прятал под газетой — какую-то книгу ... он говорил хвалебно о Солженицыне”. На вопрос судьи, читал ли произведения Солженицына свидетель, Рудометов ответил: ”Я — нет. Я просто знаю, что он воевал, в 1942 г. оставил роту, сдался в плен, а после освобождения из плена был осужден... Он мне несимпатичен, его произведения не воспитывают советский патриотизм”.

Свидетеля Черникова (шофера психо-неврологического диспансера, в котором работал Корягин) судья попросил охарактеризовать Корягина как специалиста. Черников сказал: ”Ну, не знаю. Он добросовестный. Мнение о нем у окружающих хорошее”.

Свидетель Серик (председатель месткома профсоюза) показал, что Корягин в общественной жизни коллектива не участвовал, в частности, отказался от работы пропагандиста, мотивируя это тем, что он не может пропагандировать то, во что сам не верит. Серик доложил об этом ответе главному врачу диспансера. На вопрос прокурора, не было ли со стороны Корягина разговоров или высказываний антисоветской направленности, Серик ответил: ”Нет, ничего такого я не слыхал. В политинформациях, которые он проводил, говорил все правильно, как надо”.

Свидетель Никитин (главный врач психо-неврологического диспансера) показал, что Корягин с работой справлялся, является квалифицированным врачом, но отказался выполнять работу пропагандиста. На вопрос председательствующего, что говорил Корягин на открытых профсоюзных и партийных собраниях, Никитин ответил, что тот не говорил ничего, так как не посещал их.

Вопрос председательствующего:

— А скажите, на политинформациях он не говорил ничего такого, антисоветского, никаких нелестных высказываний?

Никитин:

— Нет, на политинформациях он говорил все правильно, все как в газете ”Правда”.

В своем последнем слове Анатолий Корягин, в частности, сказал:

”Я не считаю себя виновным — я ни в чем не поступился перед своей совестью и долгом врача-психиатра. Для меня не удивительно то, что происходит, потому что все пять членов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — Вячеслав Бахмин, Леонард Терновский, Александр Подрабинек, Ирина Гривнина, Феликс Серебров — уже посажены, и, стало быть, теперь моя очередь”.

Несмотря на явное несоответствие содержания судебного следствия предъявленному обвинению, суд признал Корягина виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР).

Дополнительное вменение А. Корягину тем же приговором хранения огнестрельного оружия находится в прямом противоречии с диспозицией ст. 218 УК РСФСР, которая исключает уголовную ответственность за хранение гладкоствольных охотничьих ружей. Нарушение правил хранения и регистрации такого оружия влечет по закону лишь административную ответственность (конфискация ружья и наложение штрафа). Применение судом ст. 218 УК РСФСР не влияет на избранную меру наказания и, очевидно, преследует цель дискредитировать А. Корягина в глазах советских граждан.

За честное отношение к своим профессиональным обязанностям, за свою общественную деятельность, которую он считал своим профессиональным и гражданским долгом, за помощь людям, за свободное слово и мысль Анатолий Корягин получил непомерно суровый (максимально возможный по ст. 62 УК УССР) срок наказания, на 12 лет разлучен с тремя малолетними сыновьями и женой и лишен возможности работать по специальности, обречен на долгие годы жизни в тяжелых условиях лагерей и ссылки.

9 августа 1983 г.

Члены Московской группы ”Хельсинки”:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман*

Примечание: Автобиография Анатолия Корягина и заявление Корягина на случай ареста опубликованы в ”Русской мысли” № 3365 от 18 июня 1981 г. и № 3364 от 11 июня 1981 г.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ РАУШ

В 1972 г. члены семьи Рауш (Таблер Марта Готлибовна – 1916 г.р., Рауш Гертруда Августовна – 1940 г.р., Рауш Гуко Иванович – 1938 г.р., Рауш Иоганнес Гукович – 1961 г.р., Или Гельмут Антонович – 1966 г.р.) обратились в ОВИР МВД Таджикской ССР с ходатайством о выезде из СССР в ФРГ и получили первый немотивированный отказ. С тех пор они восемь раз подавали документы на выезд, в том числе четыре раза по приглашению мужа Марты Готлибовны Таблер – отца Гертруды Августовны Рауш, и каждый раз им отказывали.

Намерение семьи Рауш покинуть СССР послужило причиной постоянных преследований со стороны властей. В частности, 6 февраля 1981 г. сотрудники паспортного стола г. Курган-Тюбе (где живут Рауши) изъяли паспорта всех членов семьи, заявив, что их вскоре обменяют на загранпаспорта. До сих пор никто из членов семьи Рауш не получил загранпаспорта, а советские им не возвращают. Таким образом, все они фактически лишены советского гражданства и в любой момент могут быть привлечены к уголовной ответственности за проживание без паспорта.

Попытки членов семьи Рауш 29 июля с.г. вручить их заявление с просьбой оформить вид на жительство, как лиц без гражданства, чиновнику приемной Верховного Совета не увенчались успехом – им было сообщено, что вопросы гражданства решает МВД. Из приемной всю семью выгнала милиция, угрожая отправить всех в спецприемник.

Ранее, в апреле 1981 г., после приема в ОВИРе МВД СССР Гертруда и Иоганнес Рауш были задержаны милицией и помещены на трое суток в спецприемник.

Судьба семьи Рауш – лишь один из многих тысяч примеров того, как власти обходятся с советскими гражданами немецкой национальности, единственным "преступлением" которых является желание воспользоваться правом покинуть свою страну – правом, записанным во Всеобщей декларации прав человека и Пакте о гражданских и политических правах, ратифицированном Советским Союзом.

12 августа 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман*

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ СТАНИСЛАВА ЗУБКО

21 июля 1981 г. в народном суде Дарницкого р-на г. Киева состоялся суд над киевским евреем-отказником Зубко С.А. (1937 г.р.), арестованным 16 мая 1981 г. по обвинению в незаконном хранении огнестрельного оружия (ст. 222, ч. 1 УК УССР) и в незаконном хранении наркотических средств (ст. 229-6, ч. 1 УК УССР).

Станислав Зубко, кандидат химических наук, до 1979 г. работал старшим научным сотрудником в одном из научно-исследовательских институтов г. Киева. В 1979 г. Станислав Зубко вместе с матерью — Анной Левицкой — возбудил ходатайство о разрешении на выезд в Израиль. В выдаче разрешения им было отказано, после чего последовали регулярные преследования со стороны властей. Он был уволен с работы и полностью лишен возможности заниматься научной деятельностью по своей специальности. Был вынужден работать грузчиком в магазине, а затем переплетчиком. Зубко продолжал активно добиваться разрешения на выезд в Израиль и оказывал помощь многим отказникам. Менее чем за два года он шесть раз подвергался необоснованным административным арестам. В знак протеста против последнего административного ареста Зубко объявил голодовку на все десять суток.

16 мая 1981 г. на квартире Зубко был проведен обыск, предлогом для которого было подозрение в квартирной краже, которая якобы имела место в марте с.г. В комнате матери при обыске был обнаружен пакетик с гашишем размером 2 х 3 см, а в кухне под холодильником — пистолет марки "ТТ".

Как в предварительном следствии, так и в суде Зубко не признал себя виновным и категорически утверждал, что пистолет и гашиш ему не принадлежат и он считает, что эти предметы подброшены в его квартиру.

Доводы подсудимого о том, что обнаруженные при обыске в квартире огнестрельное оружие и наркотическое вещество ему не принадлежат и он их не хранил, в ходе судебного следствия ничем опровергнуты не были, не были проверены все возможные версии о вероятности принадлежности огнестрельного оружия и гашиша другим лицам, которые бывали в квартире подсудимого и по каким-либо мотивам могли оставить там эти предметы. Не был исследован вопрос — кому был выдан найденный пистолет, когда и при каких обстоятельствах оружие и гашиш могли попасть к Зубко. Установлено, что на предметах, изъятых при обыске, не было обнаружено следов отпечатков пальцев подсудимого.

В нарушение закона изъятые на обыске предметы не были должным образом упакованы и опечатаны, что ставит под сомнение достоверность самих вещественных доказательств — единственных, на которых основано обвинение.

Защитник в своей речи просил суд оправдать Зубко за недоказанностью обвинения.

Прокурор голословно поддерживал обвинение.

Суд признал Станислава Зубко виновным по обеим статьям и приговорил его к четырем годам лагеря общего режима.

Необоснованное осуждение Станислава Зубко — заключительное звено в цепи преследований со стороны властей за активное стремление осуществить свое право на выезд из страны.

20 августа 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Иван Ковалев, Наум Мейман*

АРЕСТ ЧЛЕНА МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ" ИВАНА КОВАЛЕВА

25 августа 1981 г. следственным управлением КГБ СССР арестован член Московской группы "Хельсинки" Иван Ковалев (1954 г.р.).

Отец Ивана Ковалева, ученый-биолог Сергей Ковалев – известный правозащитник, был арестован и осужден в 1974 г. по ст. 70 УК РСФСР к 7 годам заключения в лагерях и 5 годам ссылки. В настоящее время он отбывает наказание в Чистопольской тюрьме и подлежит направлению в ссылку в декабре с.г.

После осуждения отца Иван Ковалев в возрасте 20-ти лет активно включился в правозащитную деятельность, а в октябре 1979 г. вступил в Московскую группу "Хельсинки" (см. наш документ № 105). В последние годы Иван Ковалев и его жена Татьяна Осипова (тоже член Хельсинкской группы) подвергались систематическим преследованиям со стороны властей (обыски, вызовы в КГБ). Иван Ковалев, инженер по образованию, был вынужден работать подсобным рабочим, пожарником в театре и т.п.

В мае 1980 г. была арестована, а в марте 1981 г. осуждена по ст. 70 УК РСФСР жена Ивана Ковалева Татьяна Осипова (см. наши документы №№ 133 и 161). В июле-августе 1981 г. Иван Ковалев дважды ездил в Мордовские лагеря, пытаясь получить положенное по закону личное свидание с женой, но под различными предлогами (ремонт помещения, карантин) свидание не было предоставлено в нарушение ИТК РСФСР.

Как нам стало известно, Ивану Ковалеву предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). В частности, ему вменяется сбор информации о нарушении прав человека в СССР, составление документов по этим вопросам и распространение документов и информации внутри страны и на Западе посредством контактов с иностранцами и телефонных разговоров.

Судебно-следственные органы, как это стало уже обычным, постараются представить Ивана Ковалева уголовником, но все, кто его знает, понимают, что этот человек не способен на преступление. Бескорыстный и искренний, он всегда говорит и пишет то, что считает правдой. Он любит людей, отзывчив на всякую чужую беду. К нему обращались сотни людей и всегда находили в нем понимание и поддержку. Его лучшими друзьями были Александр Лавут, Татьяна Великанова, Андрей Сахаров и другие правозащитники, и так же, как они, Иван Ковалев принадлежит к той лучшей части наших соотечественников, которые живут не по лжи, и своим словом, мыслью и деятельностью способствуют оздоровлению общества.

Ковалев никого и никогда не призывал к насилию. Он хотел людям

добра и желал его, так же как и его отец, жена и друзья-правозащитники; он заключен в тюрьму не за преступление, а только за бесстрашную попытку отстаивать принципы свободы мысли, слова и общественную деятельность.

Иван Ковалев не нарушал советские законы, не ставил перед собой цель подрывать или ослаблять государственную власть, и, тем более, не распространял клеветническую информацию.

Сам его арест и предрешенное осуждение являются не только незаконными, но и преступными, так как необоснованный арест, возбуждение уголовного дела против заведомо невиновного по обвинению в тяжком государственном преступлении и неправосудный приговор подпадают под диспозицию ст.ст. 176, 177 УК РСФСР, предусматривающих суровую кару за подобные действия.

Мы призываем немедленно освободить Ивана Ковалева из-под стражи, прекратить дело производством, а виновных в незаконном возбуждении против него уголовного преследования привлечь к уголовной ответственности.

29 августа 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЕХАТЬ ИЗ СССР

Ранее (см. наши документы №№ 171, 172, 173, 179) мы неоднократно указывали на репрессии и факты дискриминации, которым подвергаются граждане СССР, желающие покинуть страну. Нами получены новые сведения о преследованиях за намерение эмигрировать.

В конце августа 1981 г. в г. Киеве инженер-строитель Марк Очеретянский объявил голодовку с требованием предоставить ему возможность выехать в Израиль. Два года назад он получил разрешение на выезд, но по неизвестной причине виза у него была отобрана и до сих пор он проживает без паспорта со всеми вытекающими последствиями.

3-4 августа 1981 г. в Ленинграде состоялся суд над евреем-отказником Евгением Леиным (см. наш документ № 173). Ему было предъявлено обвинение в оказании сопротивления работнику милиции, сопряженного с насилием, по ч. 2 ст. 191-1 УК РСФСР. Суть обвинения сводилась к тому, что 17 мая с.г. Е. Леин ударил ногой в бедро капитана милиции, явившегося на квартиру, где проходил семинар по еврейской культуре, для проверки документов. Леин виновным себя не признал и утверждал, что удара милиционеру не наносил. Обвинение построено на показаниях "потерпевшего" — капитана милиции, и трех дружинников. Однако четверо других свидетелей — участники семинара — в суде категорически утверждали, что Леин не бил милиционера. Несмотря на это суд признал Леина виновным и применил наказание в виде условного осуждения к двум годам лишения свободы с обязательным привлечением к труду.

22 августа 1981 г. в г. Нальчик группа немцев (47 чел.), жителей Кабардино-Балкарской АССР, добивающихся выезда из СССР в ФРГ, пытались вручить первому секретарю КПСС К-Б АССР коллективную жалобу на действия республиканских органов МВД по отношению к лицам, подавшим заявления на выезд из СССР в ФРГ. Милиция, дружинники и сотрудники КГБ пытались разогнать собравшихся. Последние выделили делегацию — четырех человек (в том числе Миллера, — см. ниже), которую после длительных препирательств принял человек, назвавший себя секретарем обкома Мельником. Коллективную жалобу он принять отказался, в ходе беседы спросил у Миллера его фамилию, а также разъяснил, что выездные дела решаются в каждом случае индивидуально.

27 августа с.г. в г. Майский К-Б АССР Генрих Миллер (1944 г.р.) был арестован по обвинению в тунеядстве и бродяжничестве (ст. 209-1 УК РСФСР). После подачи документов в ОВИР Миллера неоднократно увольняли с работы (см. приложение к настоящему документу — письмо же-

ны Г. Миллера – Дегнер М.А. *) и с момента его последнего увольнения прошло всего 20 дней. Генрих Миллер в знак протеста против ареста объявил голодовку. Он страдает хроническим бронхитом и нуждается в постоянном медицинском наблюдении.

6-7 и 10-12 августа 1981 г. в нарсуде Октябрьского р-на г. Душанбе состоялся суд над Артуром Марсалом (1936 г.р.), немцем, с 1979 г. добивающимся выезда из СССР в ФРГ, арестованным 19 июня 1981 г. (см. наш документ № 171). Вплоть до своего ареста Марсал работал научным сотрудником Таджикского филиала ВНИГНИ. Ему было предъявлено обвинение в распространении в устной и письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) по ст. УК Таджикской ССР, соответствующей ст. 190-1 УК РСФСР). Обвинение состояло из 12 пунктов и основывалось на показаниях нескольких коллег Марсала, а также на письме родителям его жены (которые возражают против выезда жены Марсала в ФРГ). Суд был открытым, однако в зал не пускали таджиков.

Марсал не признал себя виновным. В суд было вызвано около 20 свидетелей, которые давали противоречивые, уклончивые ответы на вопросы прокурора и судьи. Только основной свидетель обвинения Андреев – непородственный начальник Марсала, утверждал, что в частных беседах с ним Марсал говорил, что в СССР нет свободы слова и собраний, что советское государство шовинистическое и стремится к мировому господству. Андреев назвал фамилии лиц, присутствовавших при его беседах с Марсалом, однако эти лица, вызванные в суд, не подтвердили показания Андреева. Марсал категорически отрицал все, что показал Андреев, утверждая, что последний неоднократно провоцировал его на такие высказывания, но он, Марсал, ничего подобного не говорил. Некоторые свидетели обвинения показали в суде, что Марсал клеветал на советский государственный и общественный строй, однако они заявляли, что они не помнят, когда и при каких обстоятельствах и что конкретно говорил Марсал.

По ходатайству Марсала в суд было вызвано дополнительно шесть свидетелей – сослуживцев Марсала, которые опровергли показания Андреева и других свидетелей обвинения.

По поводу письма родителям жены Марсал заявил, что инкриминируемые ему письменные обвинения советского государства в шовинизме и дискриминации немцев относятся к конкретным лицам (родителям жены), а не к государственной системе. В доказательство он процитировал полный текст указанного письма.

Прокурор в своей речи повторил все пункты обвинения.

Адвокат подробно разобрала все 12 пунктов обвинения и показала, что ни одно из них не доказано. Кроме того, она указала на противоречивость свидетельских показаний, на очевидную недостоверность многих из них. Адвокат заявила, что в действиях Марсала отсутствует состав пре-

* В настоящем выпуске не публикуется. – *Ред.*

ступления и потребовала оправдать подсудимого и освободить из-под стражи.

В последнем слове Марсал заявил, что не признает себя виновным.

Суд признал Марсала виновным в совершении действий, предусмотренных ст. УК Таджикской ССР эквивалентной ст. 190-1 УК РСФСР и приговорил его к 2,5 годам лишения свободы.

У Марсала двое детей – сын 8-ми лет и дочь 6-ти.

* * *

Усиливающиеся в последнее время преследования властями людей за одно лишь желание выехать из страны, осуществив свое право выбора страны проживания, записанное в Пакте о гражданских и политических правах, который ратифицирован СССР – грубое нарушение Советским Союзом своих международных обязательств.

5 сентября 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

СУД НАД АНАТОЛИЕМ МАРЧЕНКО

2-4 сентября 1981 г. Владимирский областной суд рассмотрел дело Анатолия Марченко (1938 г.р.), арестованного 17 марта 1981 г.

Анатолий Тихонович Марченко, известный правозащитник, рабочий по профессии, литератор-публицист, автор документальных книг "Мои показания" и "От Тарусы до Чуны", ряда публицистических статей, многочисленных открытых писем и обращений, в течение многих лет подвергался систематическим преследованиям со стороны властей – допросам, обыскам, арестам и необоснованным осуждениям. В общей сложности Марченко провел в заключении и в ссылках 15 лет (подробные биографические сведения о Марченко см. в нашем документе № 160 от 30.3.81)

По обвинительному заключению Марченко вменено:

- книга "От Тарусы до Чуны" (опубликована за рубежом);
- статья "Третье дано";
- несколько обращений и открытых писем;
- черновые записи в записных книжках.

Сочинение и распространение этих работ квалифицированы как антисоветская агитация и пропаганда (ч. 2 ст. 70 УК РСФСР).

Жена А. Марченко Лариса Богораз не была извещена о дате и месте проведения суда. Даже в день начала процесса – 2 сентября, когда Л. Богораз пришла к зданию Владимирского областного суда, судья Колосов отказался сообщить ей, где будет слушаться дело, и заявил:

– Вы вызваны свидетелем, приходите завтра и вас отведут куда надо.

Только уезжая на процесс вместе с судьей, адвокат Фрадкин успел сказать, что суд будет в клубе МВД им. Фрунзе.

Как и в большинстве случаев при рассмотрении политических дел имело место фактическое нарушение принципа гласности. Суд заседал в маленькой комнате, заполненной спецпубликой, хотя рядом был большой пустой зал. Адвокату было передано заявление от родственников и друзей Марченко с просьбой допустить их в зал суда. Однако Фрадкин не только не заявил такого ходатайства, но сказал своему подзащитному, что никто из родственников и знакомых, кроме жены Л. Богораз, к зданию суда не явился. 2 сентября ее в зал заседания не допустили, а 3 сентября допросили в качестве свидетеля в последнюю очередь.

Совершенно очевидно, что вызов Л. Богораз в суд в качестве свидетеля, как это часто практикуется в подобных случаях, был лишь поводом, чтобы не допустить ее присутствия на первой половине процесса. Это видно из содержания ее допроса (см. Приложение № 1).

Точной информацией о содержании допросов других свидетелей мы не располагаем.

Стало известно, что еще 18 марта 1981 г. (на следующий день после ареста) Марченко написал заявление об отказе от участия в следствии. На процессе он отказался давать показания, заявив, что не признает данного суда, сделал заявление об отказе от защитника – адвоката Фрадкина. В ходе процесса Марченко не отвечал на вопросы адвоката и неоднократно возобновлял это заявление. Однако в нарушение ст. 50 УПК РСФСР суд своим определением оставил назначенного защитника. Таким образом суд грубо нарушил право обвиняемого на защиту, т.к. при отказе от адвоката обвиняемый сам приобретает права защитника, в частности, право участвовать в судебных прениях. В данном случае это допущенное судом нарушение особенно существенно, потому что занятая адвокатом Фрадковым позиция находилась в резком противоречии с позицией самого обвиняемого (см. ниже).

Нарушен был и принцип устности и непосредственности процесса. Инкриминируемые Марченко произведения суд не исследовал и даже не оглашал. Суд просто постановил "считать оглашенными следующие документы..." и не читать их в заседании ввиду "антисоветского содержания" последних. Никакого обоснования признания их антисоветскими в суде не добыто и в приговоре не дано. Было даже отказано Марченко в ходатайстве зачитать его заявление, сделанное в ходе выполнения требований ст. 201 УПК РСФСР. Причем адвокат не только не поддержал его, но и активно возразил.

Прокурор Сальнов инкриминировал Марченко семь его работ:

1. "От Тарусы до Чуны".
2. "Третье дано".
3. Публичный ответ газете "Известия".
4. Открытое письмо академику Капице.
5. "Живи как все".
6. Черновик, начинающийся "Процессы, демонстрация...".
7. Черновик, начинающийся "Войдут ли советские танки в Польшу?"

Эти работы прокурор охарактеризовал как

"... антисоветские произведения, написанные с целью подрыва и ослабления советской власти..., извращающие ход исторического развития нашей страны..., призывающие враждебные государства усилить акции против СССР..., порочащие советский образ жизни..."

Отягчающими вину обстоятельствами в нарушение ст. 39 УК РСФСР прокурор признал школьную характеристику, характеристику из КАРЛАГА; характеристику, написанную участковым по надзору над Марченко.

Прокурор потребовал признать Марченко особо опасным рецидивистом и назначить ему наказание – 10 лет лишения свободы с содержанием в ИТК особого режима с последующей ссылкой на 5 лет.

При предоставлении слова для произнесения защитительной речи адвокату Фрадкову, Марченко вновь заявил об отказе от защитника.

Адвокат Фрадкин в своей речи признал, что Марченко является преступником, а причины преступления – “пережитки прошлого”, которые в данном случае попали на благодатную почву. Далее он сказал, что назначение подзащитному минимального срока наказания по данной статье поможет Марченко осознать свою вину и исправиться, т.к. он оценит это проявление гуманности.

Марченко не отрицал ни авторства, ни того, что в его книгах и статьях содержится резкая критика советской государственной системы, но никогда не признавал себя виновным в совершении какого-либо преступления. При этом условия позиция адвоката не только безнравственна, но и незаконна (см. Приложение № 2), так как привела к тому, что в процессе оказалось два прокурора (один “злой” требовал максимальную меру наказания, а второй “добренький” просил минимального срока – трех лет лишения свободы) и ни одного защитника.

В своем последнем слове Анатолий Марченко сказал:

“... Да, в шестой раз мне приходится сидеть на этой скамье, но в этот раз я доволен, так как впервые меня судят не по фальшивому обвинению, судят за то, что я действительно сделал. Вон они, на столе – книги, статьи, публицистические очерки, которые я написал... Меня, конечно, не удивляет ни этот суд, ни готовый мне приговор – 10 лет... Ни в одной цивилизованной стране мира, кроме стран с коммунистическими и фашистскими режимами, не судят людей за критику государства, за литературу, за публицистику. Только коммунистический и фашистский режимы защищают себя таким образом: вместо того, чтобы бить по идеям, бьют по головам... Казалось бы, даже смешно такому огромному государству с такой сильной машиной массовой пропаганды, государству, которому принадлежит вся пресса, радио, телевидение, бороться с идеями такими способами – лагерями, тюрьмами. Но, значит, коммунистическая идеология не находит других аргументов... Верно говорили прокурор и адвокат – я враждебно настроен по отношению к советской власти, но я не обязан ее любить... советские лидеры говорят, что любят свой народ... тратятся миллиарды на вооружение, и это преподносится народу как необходимость: ‘нас вынуждает к этому капиталистическое окружение и мы вынуждены защищать свои интересы в разных частях света...’ Кто определит, где наши интересы существеннее, где нужнее миллиарды – на Кубе или в Рязани?.. Советский человек не знает и не может знать, во сколько миллиардов рублей и во сколько тысяч жизней обходится ему защита советских интересов в Анголе, Вьетнаме, Афганистане... На самом деле советская власть ведет гражданскую войну против своего народа путем террора... Ленин в своей записке наркомунюстиции Курскому пишет, что надо усилить террор ... и это после гражданской войны в период перехода к мирному строительству... Ленин знал, что встретит сопротивление народа, который потребу-

ет выполнения обещаний (следует перечисление некоторых пунктов программы РСДРП – *сост.*), а Сталину понадобилось сочинить теорию усиления классовой борьбы с той же целью... Всегда нужна борьба с чем-нибудь. Теперь выдумали идеологическую, а завтра выдумают гомосексуальную... Что такое 70-я статья, по которой меня судят? Эта статья нужна для того, чтобы духовно поработить всякого и каждого, чтобы всех нас превратить в рабов... Мы, которых судят и сажают, по сути дела не осужденные, а военнопленные – гражданская война продолжается... Когда-то пленников съедали, потом обращали в рабов, вот и для меня приготовлены исправительно-трудовые...”

Марченко подробно остановился далее на инкриминируемых ему произведениях. Он сказал, что суд не привел ни одного факта из этих работ в доказательство чего бы то ни было. Были лишь ярлыки, а доказательств суду и не нужно – либо их нет, либо суд не в состоянии оспорить эти произведения. Но доказать Марченко хочет одно, что клеветы в них нет.

Марченко сказал, что на следствии его спросили, с какой целью он сочинил в соавторстве статью “Третье дано”. Он ответил, что это видно из текста статьи, где говорится, что эта работа есть выражение одной из точек зрения на советскую внешнюю политику и положение страны в мире. В книге “От Тарусы до Чуны” тоже нет клеветы:

– Разве я не был арестован, не голодал? .. – сказал Марченко.

Вместе с письмом Капице он упомянул письмо Бондарчуку и выразил недоумение, почему на эти письма отвечает приговором суд?

– Может быть, Капица и Бондарчук неграмотны?.. Скорее всего, им нечего ответить, – сказал Марченко.

Касаясь инкриминируемых ему черновиков, записей в записных книжках, он отметил, что в обычном человеческом обществе считается неприличным даже заглядывать в чужие черновики, а здесь ими наполнены тома дела.

* * *

“... Сегодня судят меня здесь люди старшего поколения, чем мое. Защитив Европу от фашизма, они вернулись на родину, звеня орденами и медалями. И тут же погнали друг друга в лагеря. Где же было их мужество под родной палкой? Теперь признают, что это была ошибка, а тогда люди этого поколения, когда их арестовывали, только недоумевали: ‘За что?!..’ Так свидетельствует боевой офицер, лауреат Нобелевской премии, замечательный русский писатель Александр Солженицын. Я горжусь, что не принадлежу к этому поколению. У меня вообще большое преимущество перед теми, кто находится в этом зале – я не держу кукиш в кармане, я говорю и говорю то, что думаю...”

... Если этот государственный строй считает, что единственный способ опровергнуть таких как я, это держать их за решеткой, у ме-

ня нет тогда возражений. Значит, я буду вечно, до конца дней за решеткой, буду ваш вечный арестант...".*

Суд признал Марченко виновным по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР и приговорил его к 10 годам лагерей строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет. Оплату судебных издержек суд возложил на Марченко.

* * *

Анатолий Марченко никогда и никого не призывал к насилию, к свержению советской власти. За резкую критику государственной внешней и внутренней политики СССР, выраженную в его литературно-публицистических работах, письмах и обращениях, он приговорен к заключению на длительный срок, который, с учетом его состояния здоровья, может стать пожизненным. Его семья – малолетний сын и больная жена, для которых он был единственным кормильцем и опорой, остались без средств к существованию.

Осуждение Анатолия Марченко, честного, бескорыстного и открытого человека, который всю жизнь протестовал против несправедливости и насилия, свободно выражал свое мнение, предавал гласности известные ему факты беззаконий и нарушений прав человека, не только незаконно, но и аморально, ибо изоляция таких людей снижает нравственный потенциал общества.

6 сентября 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

Приложения**:

1. Краткая запись процесса, восстановленная по памяти.
2. Выдержка из редакционной статьи в журнале "Социалистическая законность", № 6, 1978 г. об обязанностях адвоката.

* Текст последнего слова, цитированный выше, восстановлен по памяти.

** В настоящем выпуске не публикуются.

40-я ГОДОВЩИНА МАССОВЫХ РАССТРЕЛОВ ЕВРЕЕВ В БАБЬЕМ ЯРЕ

29 сентября исполнилось 40 лет со дня одной из величайших трагедий русских евреев — массовых расстрелов еврейского населения Киева нацистами (было уничтожено около 100 тыс. человек). В течение десятилетий место расстрелов не было отмечено каким-либо мемориалом и было фактически превращено в свалку. Только в начале 70-х годов, в результате настойчивых требований общественности, удалось добиться сооружения памятника жертвам нацизма (однако в надписи на памятнике слово "евреи" отсутствует).

С момента сооружения мемориала многие евреи Киева и других городов Советского Союза собирались в Бабьем Яре в ближайшее к памятной дате воскресенье, чтобы почтить память расстрелянных и возложить у памятника цветы. Ежегодно власти противодействовали этому естественному стремлению.

В этом году, 27 сентября — в 40-ю годовщину массовых расстрелов евреев в Бабьем Яре — жителям Киева и группам евреев, приехавших из разных городов Советского Союза с намерением возложить цветы и венки, в большинстве своем не удалось даже подойти к мемориалу, так как все подходы и подъезды к нему были перекрыты милицией и "дружинниками в штатском".

Некоторых приехавших задерживали на вокзале и в аэропорту. Трое из задержанных были обвинены в "мелком хулиганстве" и осуждены к различным срокам административного ареста: москвич Алексей Лоренцсон — к 15 суткам, ленинградцы Павел Астрахан и Михаил Эльман — к 10 суткам ареста.

Москвичей Евгению Нартову и Моисея Равича (участники Великой Отечественной войны) насильно посадили в поезд и в сопровождении милиционеров доставили в Москву.

Одесситам Александру Кушнiru, Яну Мешу, Валерию Певзнеру и Юлию Шварцу, сумевшим "дойти" до Бабьего Яра, позволили в сопровождении сотрудников милиции, т.е. буквально под конвоем подойти к подножию памятника жертвам нацизма и возложить цветы. Затем этих людей под присмотром сотрудников милиции и КГБ препроводили в Одессу.

Несколькими днями раньше, 24 сентября, также по обвинению в "мелком хулиганстве" были осуждены на 15 суток административного ареста жители г. Киева Светлана Ефанова, Валерий Каневский и Владимир Терещенко.

События в Киеве свидетельствуют о стремлении властей стереть в сознании людей память о Бабьем Яре. Одновременно власти использова-

ли 40-ю годовщину массовых убийств евреев под Киевом как повод для очередных репрессий по отношению к евреям, желающим выехать из Советского Союза.

23 октября 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннер, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО В СССР

Седьмой раз отмечаем мы сегодня День политзаключенного в СССР

Впервые группа правозащитников отметила его, собравшись 30 октября 1974 года в Москве, на квартире академика Андрея Сахарова, где были зачитаны и переданы западным корреспондентам заявления и открытые письма политзаключенных Уральских и Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы.

По инициативе этих узников совести и по их примеру ежегодно в этот день политзаключенные советских лагерей держат голодовки, протестуя против наименования их уголовниками, требуя признания статуса политзаключенных, требуя всеобщей политической амнистии, отмены принудительного труда, протестуя против бесчеловечных условий содержания в лагерях.

Сегодня, через семь лет, положение не только не улучшилось, но и резко ухудшилось. Подавляющее большинство тех правозащитников, которые, находясь на воле, выступали в поддержку требований узников совести, сейчас сами являются такими узниками. В частности, в лагерях или в ссылке находятся почти все участники первой пресс-конференции в защиту политзаключенных (30.X.74 г.) — Сергей Ковалев, Андрей Сахаров, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Владимир Слепак.

Напомним: заключенные, которых мы называем **узниками совести**, не совершили никаких преступлений. Они не применяли и не пропагандировали насилие. Их приговорили к длительным срокам заключения только за то, что они — в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека и с Хельсинкским Актом — отстаивали права человека на свободу убеждений и слова, на создание свободных ассоциаций, на выбор страны проживания. Таким образом, отстаивание положений международных актов, подписанных советским правительством, трактуется советской юстицией как уголовное преступление.

Но приговор суда — это только начало. Дальше следует отбывание заключения, которое администрация лагерей, тюрем и психбольниц чаще всего превращает для политзаключенных в настоящую пытку. В распоряжении мировой общественности имеется ряд документов Московской группы "Хельсинки", сообщающих о фактах бесчеловечного обращения с политзаключенными, которых доводят до тяжелейших заболеваний, иногда кончающихся смертью. В большинстве случаев преследование узников совести в лагерях вызвано стремлением сломить их волю, растоптать их человеческое достоинство и таким образом довести их до "раскаiania". Когда это не удается (а в большинстве случаев не удается), лагерное начальство от самого мелкого до самого крупного — усиливает давление на политзаключенных всеми доступными способами, от карцера до лишения переписки и свиданий.

Все это — голод, холод, изнуряющий принудительный труд, карцер, отказ в медицинской помощи, лишение свиданий и пр. — присуще советским лагерям и отмечено еще в документах политзаключенных, присланных в 1974 г. С тех пор режим содержания узников совести неуклонно ухудшается. Особенно тяжело для заключенных на длительные сроки и их родных ставшее системой лишение свиданий под любым предлогом. Анатолия Щаранского, осужденного на 15 лет, увезли в тюрьму, не дав ему свидания с больным отцом — и отец умер, так и не увидев сына. Мать Щаранского виделась с ним в 1980 году; в 1981 году ей отказали в положенном свидании, объявив, что она сможет увидеть сына лишь в конце 1982 года.

Сергей Ковалев и Юрий Орлов были лишены свиданий в течение двух лет. Татьяну Осипову увезли в лагерь, не дав ей перед отправкой полагавшегося по закону свидания с мужем.* Недавно осужденного Анатолия Марченко (приговор — 10 лет лагерей и 5 лет ссылки) в нарушение закона отправили в лагерь до рассмотрения дела в кассационной инстанции, не дав ему повидаться с женой и маленьким сыном.

Подобных примеров можно привести очень много.

В последнее время определилась новая и все более явная установка властей — превратить узников совести в вечных заключенных, т.е.

- не выпускать из лагерей и ссылок тех, кто туда попал, и
- вернуть в лагерь тех, кто уже отбыл срок.

Так как в Уголовном кодексе СССР нет статьи о пожизненном заключении, соответствующие органы сейчас искусственно создают для этой категории заключенных новые "дела", вопреки человечности, здравому смыслу и собственным законам. Так, Василию Овсиенко, чей трехлетний лагерный срок кончается в 1981 году, сейчас предъявлено новое обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР, одним из пунктов которого является последнее слово, произнесенное Овсиенко на суде три года назад; Анатолий Марченко, отбывший уже многие годы в лагерях и ссылках,

(Окончание этого документа утеряно, по-видимому, при пересылке. Восстановить его, к сожалению, не удалось.)

Ред.

30 октября 1981 г.

* Иваном Ковалевым. Теперь Ковалев арестован, и супруги разлучены на долгие годы, т.к. мужу и жене, находящимся в заключении, свидания не разрешены. Олекса Тихий, осужденный в 1977 г., за все время заключения не имел ни одного свидания с женой.

АРЕСТ И ОСУЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА МАГИДОВИЧА

С 22 декабря 1980 г. по 9 января 1981 г. в Тульском областном суде слушалось с перерывами дело Александра Магидовича, обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных и клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

Александр Бенционович Магидович, 1933 г.р., инженер, в 1976 г. получил отказ в ходатайстве о выезде в Израиль. В последнее время перед арестом (23 мая 1980 г.) работал разносчиком телеграмм. После ареста ему было предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР, состоявшее из двух пунктов:

1. "Распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй".

В обвинении фигурировало, в частности, "восхваление буржуазных конституций" и "буржуазного образа жизни".

2. "Изготовление текста клеветнического содержания".

Процесс начался 22 декабря в здании Тульского областного суда. Ранее друзья направили Магидовичу телеграмму о том, что ему нанят в Москве адвокат для закрытия дела, но ее не передали. О дне суда друзья узнали случайно и привезли в суд письмо от адвоката Петрова В.А. с просьбой перенести суд на другой день, так как 22 декабря Петров был занят в другом деле. Судья отказался взять от друзей письмо адвоката и сообщить Магидовичу о заключении договора с Петровым. В первый день суда Магидович заявил ряд ходатайств, в том числе о предоставлении ему возможности ознакомиться с делом до конца в соответствии с требованиями ст. 201 УПК РСФСР. Последнее было удовлетворено судом, несмотря на протесты прокурора. Суд перенесли на 23 декабря. Находившаяся в зале суда Хасина Н.Б. после оглашения решения о переносе срока слушания дела заявила, что есть адвокат, готовый защищать Магидовича – Петров, с которым заключен договор. Прокурор и судья пытались не дать Хасиной сделать это сообщение. Однако в результате суд удовлетворил ходатайство Магидовича о предоставлении ему в качестве защитника адвоката Петрова, и суд перенесли на "неопределенное время".

Суд возобновил работу 7 января 1981 г. и продолжился до 9 января. В здание суда не пустили никого из друзей Магидовича

Свидетели обвинения Щеглов, Якубович, Голубев, Миронов заявили, что, принося к ним телеграммы, Магидович вел антисоветские разговоры. Подсудимый отрицал их показания. Кроме того, он утверждал, что свидетеля Якубовича не знал вообще. Большинство свидетелей показали, что Магидович вел с ними разговоры наедине. Лишь в одном случае Миро-

нов и Голубев видели Магидовича одновременно, но их показания по данному эпизоду расходятся.

Свидетель Щекин, чей разговор с Магидовичем на улице был записан на магнитофон сотрудниками КГБ (магнитофонную запись воспроизвели Щекину в ходе допроса на предварительном следствии и требовали дать показания на Магидовича) заявил, что во время одной встречи, происшедшей после получения Магидовичем отказа в выезде,

“... проходя мимо Центрального рынка, рассказал одно оскорбительное для деятелей партии и правительства стихотворение”.

При этом Щекин добавил, что Магидович был сильно возбужден полученным отказом в выезде и приписывать в данном случае преднамеренную ложь нельзя.

Вторая часть обвинения основывается на изъятой у Магидовича на обыске тетради с зашифрованным текстом и “ключом” к шифру. Однако, по утверждению обвинительного заключения, несмотря на наличие ключа, профессиональные шифровальщики смогли расшифровать текст лишь на 70%. Магидович, ознакомившись с расшифрованным текстом, заявил, что он переведен неверно. Кроме того, если профессионалы при наличии ключа не смогли его полностью расшифровать, то о каком “распространении” может идти речь. Имеет место изложение частных взглядов, не предназначенное для распространения, что не может быть инкриминировано по ст. 190-1.

В своем последнем слове Магидович не признал себя виновным, опроверг все показания свидетелей, кроме показаний Щекина. По поводу бесед с последним Магидович заявил, что высказывал частное мнение, что не может быть инкриминировано по ст. 190-1. Он также потребовал привлечь к суду Щеглова, Якубовича, Голубева и Миронова за дачу ложных показаний.

Суд признал Магидовича виновным и приговорил к 2,5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагере общего режима.

Кассационное разбирательство состоялось в Верховном суде СССР 1 апреля 1981 г. Суд оставил приговор в силе, а жалобу без удовлетворения.

В нарушение закона Магидовичу не позволили получить продуктовые и вещевые передачи в ходе предварительного следствия.

Дело Магидовича — лишь один из многих примеров того, как власти расправляются с людьми, единственная вина которых — желание эмигрировать из СССР. Мы призываем главы правительств, подписавших Заключение Хельсинкских соглашений, мировую общественность обратить внимание на трагическую судьбу Александра Магидовича и сотен других людей, подвергающихся самым разнообразным преследованиям со стороны властей за желание покинуть Советский Союз.

18 декабря 1981 г.

Члены Московской группы “Хельсинки”:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

ТРАДИЦИОННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 10 ДЕКАБРЯ НА ПЛОЩАДИ ПУШКИНА

В течение многих лет люди доброй воли собираются 10 декабря у памятника Пушкину в Москве почтить память узников совести всех стран мира, в том числе и политзаключенных СССР. И из года в год власти разгоняют мирных демонстрантов, используя большие контингенты милиции, дружинников, сотрудников КГБ. 1981 год не был исключением.

Многочисленные милицейские посты, группы "штатских" наводнили площадь Пушкина и подходы к ней уже с 16 часов. Вокруг площади стояли наготове легковые машины и автобусы. Между 18 и 19 часами сотрудники в штатском, у которых были какие-то списки, выборочно проверяли документы у прохожих на площади перед зданием "Известий". Некоторых задерживали и препровождали в автобусы задолго до 19 часов. Первая машина с шестью задержанными отошла в 17 час. 30 мин. Многие, желавшим принять участие в демонстрации, не удалось даже приблизиться к памятнику. Их задержали по дороге на подходе к площади. Несколько человек, которым удалось подойти к памятнику Пушкину в 19 час. и обнажить головы в память об узниках совести, были задержаны через 15-20 сек. сотрудниками милиции и КГБ, посажены в автобус и доставлены в о/м.

По предварительным оценкам всего было задержано на площади и в ее окрестностях в этот вечер более 100 человек. В основном милиция и лица в штатском обращались с ними вежливо, но категорически отказывались дать вразумительное разъяснение причин задержания. На настойчивые вопросы П. Подрабинек, О. Попова, Е. Гайдамачук, Б. Румшиского о причинах задержания, следовал стандартный ответ:

— Проверка документов.

У более молодых участников демонстрации сотрудники КГБ и милиции тщательно расспрашивали о причинах, побудивших их пойти в этот вечер на Пушкинскую площадь. Почти у всех записали их паспортные данные, выяснили места работы или учебы, интересовались, знакомы ли друг с другом. Начиная с 20 час. 30 мин. всех через небольшие промежутки времени по одному-по двое отпустили по домам.

Среди задержанных на площади: Екатерина Гайдамачук, Ольга Зайцева, Алексей Смирнов (Костерин), Александр Готовцев (Российский), Пинхос Подрабинец, Олег Попов, Сеитхан Сорокина, Виктор Сорокин, Иван Рудаков, Ирина Нагле, Виктор Тимачев, Евгений Суворов (отбывал срок по ст. 70 УК РСФСР с 1968 по 1973 гг.), Екатерина Шиханович, Борис Румшицкий...

В опорном пункте на 2-й Тверской-Ямской задержанные (около

25 человек) в 19 час. 30 мин почтили память узников совести вставанием и минутным молчанием. С 20 час. 30 мин. задержанные в течение приблизительно 1,5 часов были постепенно выпущены. Некоторым из них позднее звонили на работу и сообщали, что "ваш сотрудник задержан милицией за хулиганство".

Сотрудники "органов" остановили в этот вечер при выходе с работы С. Ходоровича и А. Романову, дав понять, что тем следует отправляться домой. Романова поехала домой, а Ходоровича задержали.

Отца О. Курганского еще до 10.12 вызвали в особый отдел на работе и потребовали, чтобы он воспрепятствовал сыну покидать квартиру 10-го числа.

Кирилл Попов также был предупрежден администрацией 10.12 о недопустимости его появления в этот день на пл. Пушкина. Попову угрожали увольнением при ближайшей переаттестации.

10 декабря 1981 г. власти в очередной раз наглядно продемонстрировали пренебрежение к собственным законам, к собственной Конституции. Надо отметить, что количество желающих принять участие в традиционной демонстрации в этом году значительно возросло.

20 декабря 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

СУД НАД БОРИСОМ ЧЕРНОБЫЛЬСКИМ

9 декабря 1981 г. в городском суде г. Красногорска Московской области слушалось дело Бориса Моисеевича Чернобыльского (1944 г.р., житель г. Москвы, с 1976 г. постоянно получал отказы в удовлетворении своих ходатайств о выезде в Израиль).

В июне 1981 г. Б. Чернобыльский участвовал в традиционной встрече евреев, проходившей в лесу близ станции Опалиха и посвященной Дню победы и памяти евреев-жертв нацизма. Собравшиеся были разогнаны милицией; ряд лиц, в том числе Б. Чернобыльский, были задержаны. Б. Чернобыльского поместили на 3 дня в КПЗ при районном отделении милиции г. Красногорска и предъявили ему обвинение по ст. 191-1 ч. 1 УК РСФСР ("Оказание сопротивления работнику милиции или дружиннику без применения насилия"), которое было затем переквалифицировано следствием на ч. 2 той же статьи (то же, но с применением насилия; наказание – до 5 лет лишения свободы). Ему инкриминировалось оказание сопротивления лейтенанту милиции А. Бречко при задержании.

Не веря в беспристрастность следствия, Б. Чернобыльский в конце июня написал заявления прокурору РСФСР и Л. Брежневу с просьбой разобраться в его деле более внимательно. Суд над Б. Чернобыльским назначался дважды, но он не являлся. В начале ноября Б. Чернобыльский вернулся домой в Москву, где жил до своего ареста – 26 ноября 1981 г.

9 декабря здание городского суда в г. Красногорске, где слушалось дело Чернобыльского, было оцеплено милицией и сотрудниками в штатском. В зал никого из друзей и знакомых не допустили.

Прокурор в своей речи заявила, что судебное разбирательство не установило факта умышленного нанесения Чернобыльским удара по руке потерпевшему – лейтенанту милиции Бречко, и налицо лишь факт оказания сопротивления, не связанного с применением насилия. Поэтому следует переквалифицировать обвинение на ч. 1 ст. 191-1 УК РСФСР. Прокурор предложила осудить Б. Чернобыльского по ч. 1 указанной статьи к 1 году лишения свободы в ИТК общего режима.

Адвокат Петров начал свою речь словами:

"За всю 30-летнюю практику в адвокатуре я никогда не встречал такого неправого, заведомо сфабрикованного дела".

Он отметил, что следствие велось предвзято, показания свидетелей противоречивы. Далее Петров приступил к подробному анализу материалов предварительного следствия. В частности, он потребовал обозреть 1-й лист обвинительного заключения и убедиться, что в статье цифра "1" переправлена на цифру "2" (ч. 1 на ч. 2). Таким образом, отметил адво-

кат, 10 июня обвинение по ч. 1 ст. 191-1 было "переквалифицировано" на ч. 2 этой же статьи. Комментируя подлог, совершенный следственными органами, адвокат квалифицировал действия следствия как заведомо противозаконные и недопустимые, указал на несоответствие в разных частях обвинительного заключения. В частности, в резолютивной части указано, что Б. Чернобыльский ответил Бречко:

– С фашистами не разговариваю...

в мотивировочной же части в соответствии с показаниями свидетелей указано, что Чернобыльский сказал своим друзьям приблизительно то же самое, что и услышал Бречко.

Далее адвокат отметил, что показания свидетелей защиты и обвиняемого непротиворечивы и не вызвали возражений ни у обвинения, ни у суда, ни у потерпевшего. Показания же свидетелей обвинения весьма противоречивы. Адвокат показал, что Чернобыльский не оказывал сопротивления представителям власти. Он сказал, что может идти речь лишь об оскорблении потерпевшего Бречко, но за оскорбление предусмотрена другая статья УК, а именно – ст. 192-1, по которой и должен нести ответственность обвиняемый. Затем защитник проанализировал возможные причины нанесения оскорбления представителю власти, обратив особое внимание суда на неправомерность действий милиции и дружинников в лесу под Опалихой.

В заключение адвокат сказал, что материалы настоящего судебного разбирательства полностью опровергают вывод обвинительного заключения о виновности подсудимого по ст. 191-1, как ч. 1, так и ч. 2, и демонстрируют предвзятый и необъективный характер предварительного следствия. У суда есть основания для переквалификации статьи обвинения на ст. 192-1.

В последнем слове Б. Чернобыльский не признал себя виновным.

Суд признал Б. Чернобыльского виновным по ст. 191-1 ч. 1 УК РСФСР и приговорил к 1 году лишения свободы с отбыванием наказания в лагере общего режима.

21 декабря 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Елена Боннэр, Софья Каллистратова

О ПОЛОЖЕНИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ И ИХ СЕМЬЯМ

Русский Общественный Фонд помощи политзаключенным и их семьям основан в 1974 г. Александром Солженицыным из гонораров за все издания книги "Архипелаг ГУЛАг". Фонд постоянно пополняется также за счет пожертвований частных лиц как за рубежом, так и внутри Советского Союза. Президент Фонда с момента его основания — Наталья Светлова.

С самого момента основания власти крайне неодобрительно относятся к Фонду и его работа на территории СССР очень затруднена.

До последнего времени репрессиям подвергались только распорядители Фонда: А. Гинзбург был осужден на 8 лет лагерей строгого режима, Т. Ходорович и К. Любарский принуждены эмигрировать, М. Ланда находится в ссылке, постоянное давление испытывала И. Жолковская.

В настоящее время власти усилили "внимание" к Фонду. Давление оказывают на многих, кто принимает участие в его работе. У многих (в частности, у Н. Лисовской и А. Романовой) отключили телефоны, постоянно проводят обыски с изъятием вещей, продуктов и денег; вызывают на допросы в КГБ, увольняют с работы, угрожают административной и судебной расправой. Угрозы начинают приводить в исполнение.

9 декабря Бауманский райсовет принял не основанное на законе решение об административной высылке из Москвы сроком на два года Рушаньи Федякиной, принимавшей участие в деятельности Фонда. Федякина имеет семилетнего сына.

8 декабря в Ленинграде арестован Валерий Репин, также участвовавший в работе Фонда. Утром 8.12.81 г. к Репину пришел неизвестный и передал ему пакет с самиздатом. Вслед за этим человеком явились сотрудники КГБ и после 10-часового обыска арестовали В. Репина. По неподтвержденным сведениям ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР ("Антисоветская агитация и пропаганда..."). Сейчас Репин находится в следственной тюрьме КГБ.

У распорядителя Фонда Сергея Ходоровича в течение последнего года проведено три обыска, на которых изымались все бумаги и документы, касающиеся деятельности Фонда, что сильно расстроило учет финансовой деятельности за 1981 год.

Действия властей явно направлены на пресечение работы Фонда — единственной благотворительной организации в Советском Союзе.

22 декабря 1981 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ АРЕСТА ЮРИЯ ОРЛОВА

10 февраля 1982 г. — пять лет со дня ареста профессора Юрия Орлова. Создав в 1976 г. Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Юрий Орлов положил начало широкому международному общественному движению содействия соблюдению гуманитарных разделов Хельсинкского Акта.

С начала 1977 г. власти начали планомерную кампанию репрессий против членов Московской Хельсинкской группы, а также против членов организованных вслед за Московской группой "Хельсинки" аналогичных групп в Литве, Армении, Грузии и на Украине. В настоящее время в тюрьмах, лагерях и ссылке находятся члены Московской группы "Хельсинки", Рабочей комиссии по психиатрии, Инициативной группы защиты прав человека и Комитета защиты прав верующих: Ю. Орлов, А. Шаранский, В. Слепак, М. Ланда, В. Некипелов, Л. Терновский, Т. Осипова, Ф. Серебров, А. Подрабинек, В. Бахмин, И. Гривнина, А. Корягин, Т. Великанова, А. Лавут, Г. Якунин. Были арестованы и находятся в заключении почти все члены групп "Хельсинки" в республиках.

Юрию Федоровичу Орлову 57 лет, его здоровье подорвано многолетним заключением. Сейчас он в третий раз помещен во внутрिलाгерную тюрьму, где страдает от холода, голода, подвергается недостойному обращению, лишен свиданий и ограничен в переписке с близкими. Все эти годы ученый лишен возможности продолжать свою работу, а в настоящее время можно опасаться не только за его здоровье, но и за его жизнь.

До тех пор, пока в какой-либо стране, подписавшей Заключительный Акт соглашений в Хельсинки, репрессируют людей, выступающих за соблюдение гуманитарных статей Акта, нельзя говорить о выполнении этой страной принятых на себя международных обязательств.

Необходимым условием плодотворного международного сотрудничества и взаимного доверия между странами-участницами совещания в Мадриде является немедленное освобождение членов Хельсинкских групп в СССР и всех узников совести.

3 февраля 1982 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАН, ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЕХАТЬ ИЗ СССР, ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Харьков.

В ноябре 1981 г. в Харькове состоялся суд над А. Парицким, ученым-физиком, обвинявшимся по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР), евреем-отказником с 1976 г.

Основные пункты обвинения:

1. Размножение на пишущей машинке в двух экземплярах школьного сочинения дочери и отправка его за границу.
2. Заявления в ОВИР, ЦК КПСС, Прокуратуру, Верховный Совет СССР.
3. Неотправленное письмо брату в Израиль, найденное при обыске в письменном столе. Письмо написано в 1978 г.
4. Использование каналов международной телефонной связи для передачи клеветнической информации на Запад.
5. Посещение квартиры Парицких "сионистскими эмиссарами" — семьей Молайн.
6. Клеветнические жалобы на тяжелое материальное положение.
7. Использование заграничными радиостанциями его сообщений.
8. Подписание коллективного письма в ЦК КПСС о тяжелом положении отказников.

В суде А. Парицкий виновным себя не признал и опроверг все пункты обвинения.

В своем последнем слове А. Парицкий, в частности, сказал:

"Я принимал участие в созидательном труде на благо СССР и мои действия были продиктованы отчаянностью положения, в котором я оказался, подав в 1976 г. заявление на выезд. Неужели я стал бы теперь разрушать клеветническими нападками то, что на протяжении стольких лет создавал, вкладывая в это душу и все свои знания и способности?.. Я прошу суд иметь в виду, что я никогда не предпринимал, не предпринимаю, и впредь не буду предпринимать никаких шагов против советских людей. Но я добивался, добиваюсь и буду добиваться выдачи мне разрешения на выезд в Израиль".

Суд приговорил А. Парицкого к трем годам лагерей общего режима.

Гор. Майский Кабардино-Балкарской АССР.

21 октября 1981 г. состоялся суд над Генрихом Миллером, немцем, ходатайствовавшим о выезде в ФРГ (арестован 27 августа 1981 г.; см. наш документ № 182). Ему было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 209

УК РСФСР ("Злостное уклонение от трудовой деятельности").

Жене Миллера – М. Дегнер сообщили о суде за час до начала заседания. В зал пустили всего пять человек, в том числе жену и друга Миллера. Прокурора и адвоката не было. На неоднократные требования Миллера и его жены предоставить защитника, судья Шубин ответил, что дела по ст. 209 он обычно рассматривает без адвоката и прокурора.

В начале судебного разбирательства Миллер заявил, что был избит в тюрьме, по его выражению, "подосланными лицами". После избития Миллер хотел написать жалобу-заявление, но ему не дали бумагу и ручку. В камере во время предварительного следствия с Миллером было 18 человек, большинство из которых курили. Он страдает хроническим бронхитом, но неоднократные просьбы Миллера перевести его в одиночную камеру удовлетворены не были. Медкомиссия, однако, признала состояние его здоровья хорошим, а его – годным к трудуиспользованию на любых работах.

Миллер не работал с 1.01.81 г. по 18.3.81 г.

18.2.81 г. он был официально предупрежден органами милиции о необходимости трудоустроиться в месячный срок, что и было им осуществлено. Из-за необходимости посещать официальные инстанции в связи с поданным им ходатайством о выезде в ФРГ был вынужден периодически не выходить на работу, подавая каждый раз начальству заявление о предоставлении ему однодневного отпуска без сохранения содержания. Такие просьбы не удовлетворялись, и его понизили в должности, предложив работу, которую он не мог выполнять по состоянию здоровья. Миллер перестал выходить на работу и был уволен с 6 августа 1981 года. Приказ об увольнении он получил на руки только 25 августа, а 27 был арестован, не успев обжаловать этот приказ в законном порядке. Таким образом, в данном случае ст. 209 применена незаконно.

Суд признал Миллера виновным и приговорил его к одному году заключения в лагере общего режима. 17 декабря Верховный суд К-Б АССР рассмотрел кассационную жалобу Миллера и оставил приговор без изменения, хотя адвокат потребовал немедленного освобождения подзащитного за отсутствием в его действиях состава преступления.

Кишинев.

22-25 сентября 1981 г. в Верховном суде Молдавской ССР слушалось дело евреев-отказников Осика Локшина и Владимира Цукермана, обвинявшихся по ст.ст. 203-1 и 203-3 УК МССР (= ст.ст. 190-1 и 190-3 УК РСФСР; последняя – "организация групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок"). Им инкриминировали жалобы в официальные инстанции и разговоры с сослуживцами, якобы содержащие клеветнические измышления, а также организацию марша-протеста евреев-отказников к зданию МВД МССР 30 мая 1981 г. Показания обвиняемых и более чем 20-ти свидетелей, участников марша, полностью опровергли обвинение в том, что именно Локшин и Цукерман организовали указанный марш, который сотрудники милиции и КГБ разогнали, не дав

ему начаться, и отрицали какие-либо факты нарушения общественного порядка. В переулке у синагоги, где собрались участники марша протеста, автомобилей в это время не было, а немногочисленным пешеходам собравшиеся не мешали.

Цукерман и Локшин виновными себя не признали, а их адвокаты потребовали освобождения подзащитных, так как в их действиях нет состава преступления.

Суд признал Локшина и Цукермана виновными по ст.ст. 203-1 и 203-3 и приговорил каждого к лишению свободы сроком на три года с отбыванием наказания в лагере общего режима.

2 марта 1982 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЕМЬИ ПОДРАБИНЕКОВ

Повторно осужденные братья Александр и Кирилл Подрабинеки (см. наши документы №№ 155, 168 от 29.01.81 г. и от 01.06.81 г.) постоянно подвергаются репрессиям в местах лишения свободы.

В нарушение ст. 19 ИТК РСФСР Кирилла Подрабинека постоянно переводят из одного лагеря в другой. В течение 1981 г. он был переведен первоначально из Елецкой тюрьмы в Ново-Ульяновск, затем в Углич, Ярославль и в конце декабря – в тюрьму г. Тобольска. Кирилл страдает туберкулезом в открытой форме. Вместо лечения он беспрерывно находится в этапе, что значительно ухудшает и без того тяжелые условия заключения, а учитывая состояние его здоровья – угрожает его жизни.

Александр Подрабинеки 25 августа 1981 г. был помещен в ШИЗО; через 14 суток его выпустили на 4 дня, после чего снова поместили в ШИЗО, где в нарушение ст. 53 ИТК РСФСР его продержали безвыходно до 5 января 1982 г. – 115 суток.

Режим содержания в ШИЗО предусматривает выдачу заключенному пищи только через день. Таким образом, помимо холода, отсутствия постельных принадлежностей и даже матраца, человек в ШИЗО страдает и от голода.

В настоящее время Александр Подрабинеки находится во внутрилагерной тюрьме, а представители администрации (подполковник Гаврилов) открыто заявляют, что Александр получит очередной срок внутрилагерной тюрьмы, либо будет переведен в закрытую тюрьму.

Отца братьев Подрабинеки – Пинхоса А. Подрабинека – регулярно вызывают на "беседы" в КГБ. В настоящее время вынесено необоснованное решение суда о его выселении из занимаемой им комнаты в г. Электросталь.

Мы обращаем внимание общественности на жестокие преследования всей семьи Подрабинеки и выражаем тревогу за жизнь и здоровье Кирилла и Александра.

2 марта 1982 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

ОСУЖДЕНИЕ ЧЛЕНА МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ" ИВАНА КОВАЛЕВА

31 марта – 2 апреля 1982 г. Московский городской суд в помещении Бабушкинского районного суда рассмотрел дело известного правозащитника Ивана Ковалева (1954 г.р.), обвинявшегося по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР ("Антисоветская агитация и пропаганда"). Председательствовал судья Богданов, обвинял прокурор Захаров, в качестве защитника выступал адвокат Швейский.

Иван Ковалев был арестован 25 августа 1981 г. (см. наш документ № 181 от 29.08.81 г.), до суда находился под стражей в Лефортовской тюрьме КГБ.

Приговором суда он признан виновным и осужден к 5 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Как обычно, формально открытый процесс проходил фактически при закрытых дверях. Здание Бабушкинского районного суда, расположенное на окраине Москвы, было оцеплено сотрудниками милиции и КГБ. В небольшой зал, заполненный специально подобранной публикой, были допущены только мать и сестра И. Ковалева. Друзей и знакомых не только не пустили на процесс, но грубо выгоняли с территории двора здания суда, из-за чего никому из них не удалось даже увидеть Ивана Ковалева.

Ивану Ковалеву было вменено в вину изготовление, хранение и распространение "Хроники текущих событий", ряда документов Московской группы "Хельсинки" (о высылке академика Сахарова, о суде над Лавутом, о вводе советских войск в Афганистан и др.), информационных сборников "В" о положении политзаключенных и нарушениях прав человека в СССР, правозащитных писем, обращений и публицистических статей, хранение и распространение книг Солженицына, Максимова, газеты "Русская мысль", а также устная антисоветская агитация и пропаганда.

На протяжении всего предварительного следствия и в суде И. Ковалев не признал себя виновным ни по одному эпизоду обвинения, активно и мужественно защищал не только себя, но и общее естественное право каждого человека свободно мыслить, говорить и писать, собирать и распространять правдивую информацию. В своих подробных объяснениях, данных суду 31-го марта и 1-го апреля, И. Ковалев проанализировал и опроверг предъявленные ему обвинения и аргументированно доказал, что ни он, ни его друзья-правозащитники не ставили и не ставят перед собой цель ослабления или свержения советской власти; отвергают какое-либо насилие и противоправными считают не свои действия, а действия тех должностных лиц, которые вопреки советским законам и международным обязательствам нарушают права человека в СССР.

И. Ковалев заявил суду более 20 ходатайств об истребовании документов, вызове свидетелей для доказательства его доводов, опровергавших обвинение. Однако все эти ходатайства были судом отклонены.

Никто из девяти допрошенных в ходе процесса свидетелей не подтвердил обвинения в устной антисоветской агитации и пропаганде, в распространении антисоветской литературы. Такое подтверждение содержалось только в показаниях не явившегося в суд свидетеля Ахутина, которые были зачитаны в суде.

Прокурор, игнорируя все доказательства, содержащиеся в объяснениях И. Ковалева и в показаниях свидетелей в суде, практически повторил обвинительное заключение и в своей речи подчеркнул, что данный процесс носит политический характер. Таким образом, сам представитель обвинения опроверг утверждение официальной советской пропаганды о том, что в СССР нет политических процессов и политических преступников.

Адвокат в своей защитительной речи отметил, что в действиях подзащитного он не находит состава преступления по ст. 70 УК РСФСР, и просил оправдать И. Ковалева.

Отклонив в начале судебного заседания все многочисленные ходатайства Ивана Ковалева, суд существенно нарушил его право на защиту. В конце процесса было допущено еще одно серьезное нарушение советского уголовно-процессуального законодательства — фактически И. Ковалев был лишен возможности произнести тщательно подготовленное им последнее слово.

Ивану Ковалеву удалось сказать лишь следующее:

”Два русских поэта, два Александра писали: ‘Я как живу, так и пишу — свободно, свободно и свободно...’ (А. Грибоедов, 1825 г.); и : ‘Как каменный лес, онемело стоим мы на том рубеже, .. где слово — не только не дело, но даже не слово уже...’ (А. Галич, 70-е годы нашего века)”.

Далее И. Ковалев продолжал:

”Прокурор назвал это дело политическим, и он прав — этот процесс политический. У меня есть просьба к суду, но я скажу о ней позже.. А сейчас я хочу заявить, что полностью и единолично беру на себя ответственность за издание и распространение информационных сборников ‘В’, упомянутых в обвинительном заключении...”.

Судья перебил И. Ковалева, заявив, что это не имеет отношения к делу. И. Ковалев не согласился с этим и пояснил, что издание этих сборников очень важно для сохранения более полной и объективной информации о происходящих событиях. Попытки И. Ковалева продолжить свое последнее слово через 2-3 минуты были прерваны судьей, который вместе с заседателями встал и пошел из зала. Вдгонку уходящему судье И. Ковалев крикнул:

– А просьба моя к суду была – не врать в приговоре!

Приговор практически повторил обвинительное заключение, никак не отразив того, что происходило в судебном заседании.

Во время чтения приговора И. Ковалев сел. Находившаяся в зале его сестра заплакала. Судья прервал чтение приговора и потребовал, чтобы И. Ковалев встал. Подсудимый ответил, что он не желает принимать участия в лживой процедуре. По распоряжению судьи конвой удалил И. Ковалева из зала. Уходя, И. Ковалев успел крикнуть:

– Горячий привет и любовь всем, кто за стеной!

Чтение приговора было закончено в отсутствие подсудимого.

Отец Ивана Ковалева – известный ученый-биолог, один из зачинателей правозащитного движения в СССР Сергей Ковалев, после отбытия 7 лет заключения находится в тяжелых условиях ссылки под Магаданом и тяжело болен. Жена Ивана – Татьяна Осипова, член Московской группы "Хельсинки", осужденная ровно год назад к 5 годам заключения и 5 годам ссылки по той же статье 70 УК РСФСР, томится за колючей проволокой в Мордовских лагерях строгого режима. Все члены этой семьи разлучены на длительный срок и не имеют возможности даже изредка видеть друг друга.

Так расправилось советское "правосудие" с семьей мужественных людей, которые пытались воспользоваться формально признанным советскими законами правом публично и свободно высказывать свои убеждения.

2 апреля 1982 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*

О ПРЕКРАЩЕНИИ РАБОТЫ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ"

31 июля 1975 г. СССР, страны Европы, США и Канада подписали Заключительный Акт Совещания в Хельсинки. В мае 1976 г. была основана "Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР". Работа Группы заключалась в подготовке и публикации документов, содержащих информацию о нарушениях прав отдельных граждан и групп населения в СССР — прав, декларированных Хельсинкским Актом и другими международными соглашениями, подписанными и ратифицированными правительством СССР.

За время работы Московской группы "Хельсинки" были подготовлены и опубликованы 194 документа. Все они адресованы главам государств, подписавшим Хельсинкский Акт. Вскоре после основания Московской группы были созданы аналогичные группы на Украине, в Литве, Армении и Грузии, а также в некоторых западных странах. Таким образом Хельсинкское движение приобрело международный характер.

В Советском Союзе Хельсинкские группы жестоко преследовались с момента их появления и в настоящее время в заключении и ссылке находятся следующие члены Московской группы "Хельсинки", Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и других общественных групп, сотрудничавших с ними: Ю. Орлов, А. Щаранский, В. Слепак, М. Ланда, В. Некипелов, Л. Терновский, Т. Осипова, Ф. Серебров, И. Ковалев, А. Подрабинец, В. Бахмин, И. Гривнина, А. Корягин, Т. Великанова, А. Лавут, Г. Якунин. Арестованы и находятся в заключении почти все члены групп "Хельсинки" в Армении, Грузии, Литве и на Украине. После ареста Ивана Ковалева 25 августа 1981 г. в Московской группе "Хельсинки" осталось три человека, и она была поставлена в условия, при которых дальнейшая работа стала невозможной.

23 декабря 1981 г. было возбуждено уголовное дело против одного из трех оставшихся членов группы — С.В. Каллистратовой. 6 сентября 1982 г. ей предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР, основными пунктами которого являются именно документы Московской группы "Хельсинки" с №№ 69 по 181.

* * *

В сложившейся обстановке группа не может выполнять взятые на себя обязанности и под давлением властей вынуждена прекратить свою работу.

6 сентября 1982 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Наум Мейман*